

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2003

ISSN 0131-2812

Структурно-функциональная
реорганизация правительства КНР
(к итогам последней сессии ВСНП)

●
Из истории идеологии сяо кан

●
Перспективы экономики КНР:
зарубежные оценки

●
Японская культура
в условиях глобализации

●
Неизвестные письма
Сунь Ятсена и Сун Цинлин

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/2003

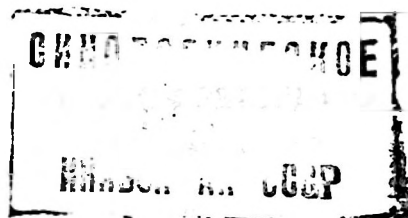
Май - Июнь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и четыре раза в год на англий-
ском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- Я.Бергер.* Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва).....6
- А.Лукьянов, Л.Переломов.* Из истории идеологии сяо кан 26
- А.Волохова.* Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе: оценки китайских политологов.....39
- Г.Зиновьев.* К вопросу о "консенсусе 92 г.".....45
- М.Мещанинов.* Проблемы пограничного сотрудничества между Россией и Монголией.....56

ОБЩЕСТВО

- О.Почагина.* Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР.....65

ЭКОНОМИКА

- Ху Дэпин.* Размышления о теории и практике реформы в Китае.....79
- Сюй Чжимин.* Перспективы добрососедских отношений между Китаем и Россией хорошие. Сфера торгово-экономического сотрудничества широкая.....88

О.Борох. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики.....	94
Л.Волкова. Подряд на землю в китайской деревне: законодательные гарантии и возможности его трансформации.....	112

ИСТОРИЯ

Митя Сайе. Некоторые исторические аналогии в процессе адаптации Индии и Китая к западной модели модернизации.....	119
А.Решетов. Востоковед и организатор науки П.И.Воробьев.....	127

ФИЛОСОФИЯ

О.Городецкая. "Лицо", "личность" и "портрет" на Западе и Востоке (соотношение понятий и явлений).....	135
---	-----

КУЛЬТУРА

Г.Юсупова. Творческие поиски Цань Сюэ.....	148
О.Железняк. Японская культура в условиях глобализации.....	156

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Г.Куликова. VII конференция Общества российско-китайской дружбы.....	162
А.Давыдов. К 110-летию со дня рождения Сун Цинлин.....	167

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М.Бородину. Публикация К.Шевелева.....	169
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К.Асмолов. Россия и Корея в меняющемся мировом порядке. VII конференция российских корееведов.....	175
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Г.Трофименко. Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир.....	179
Е.Якимова. Боровская Н.Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае.....	184

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Александр Мировичу Григорьеву 70 лет.....	189
---	-----

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Аспанов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко.

Статьи этого номера

Я.Бергер. Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва)

В статье рассматриваются итоги деятельности предыдущего правительства КНР за 1998 — начало 2003 г., основные решенные и нерешенные проблемы социально-экономического развития Китая, проект реорганизации Госсовета КНР, состав нового государственного руководства Китая. Констатируется неизменность курса на продолжение экономических структурных реформ и активизации политических реформ.

А.Лукьянов, Л.Переломов. Из истории идеологии сяо кан

В статье рассматриваются теоретические и социальные истоки концепции сяо кан (букв. "малое процветание"), вошедшей на современном этапе в концепцию строительства "социализма с китайской спецификой". Обратившись к классическим текстам конфуцианства — "Ши цзину", "Ли цзи", "Мэн-цзы", авторы прослеживают процесс выделения концепции сяо кан из доктрины да тун ("Великого единения"), первичную социально-политическую, духовно-нравственную и экономическую разработку концепции сяо кан древними мыслителями, ее интерпретации в последующие эпохи, в том числе идеологами КПК и Гоминьдана. Освещается также место идеологии сяо кан в замысле проводимых в Китае реформ.

А.Волохова. Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе: оценки китайских политологов

Автор рассматривает существующие в КНР подходы к проблемам Центрально-Азиатского региона. Китайские эксперты исходят прежде всего из интересов сохранения внутренней стабильности и ускорения развития Синьцзян-Уйгурского автономного района, ставя на первое место среди угроз, существующих в Центральной Азии, национальный сепаратизм, а затем религиозный экстремизм и международный терроризм. Уделяя значительное внимание роли России в Центральной Азии и общности интересов Китая и России в регионе, китайские специалисты не исключают возникновения там противоречий между крупными державами.

Г.Зиновьев. К вопросу о "консенсусе 92 г."

В статье подробно излагается процесс рабочих переговоров между представителями КНР и Тайваня по поиску "консенсуса" в таком сложном и чувствительном для обеих сторон вопросе, как взаимоприемлемое понимание принципа "одного Китая". Как отмечает автор статьи, каждая сторона может трактовать "консенсус 92 г." по-своему, хотя при обоюдном желании и наличии внутривнутриполитических условий возможно сближение позиций сторон.

М.Мещанинов. Проблемы приграничного сотрудничества между Россией и Монголией

В статье рассматриваются изменившиеся условия в приграничном сотрудничестве России и Монголии после распада СССР, формирование новой правовой базы этого сотрудничества, работа Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Автор приводит интересный фактический материал об основ-

ных направлениях связей российских регионов (Бурятия, Алтайского края, Иркутской области, Республики Алтай, Республики Тыва и др.) и приграничных аймаков Монголии, выделяет факторы, способствующие и препятствующие более продуктивному развитию этих связей. Автор в целом положительно оценивает опыт приграничного сотрудничества двух государств и считает, что оно имеет хорошие перспективы в будущем.

О.Почагина. Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР

На основе анализа социокультурных и социопсихологических проблем, связанных со старением населения КНР, автор показывает кардинальные перемены, происшедшие и интенсивно идущие в семейной организации на фоне модернизации китайского общества. Анализируется влияние социально-экономических процессов на трансформацию культурных традиций (в частности концепцию сыновней почтительности, статус пожилых людей в обществе), изменение внутрисемейных отношений, функционирование системы семейного ухода за престарелыми. В статье также рассматривается социальная политика КПК в отношении пожилых граждан.

Ху Дэпин. Размышления о теории и практике реформы в Китае

По мере развития и углубления реформ в КНР, начало которым было положено в 1978 г., в стране возникло новое направление в экономической науке — “теория экономической реформы”, в основу которой легли понятия и определения, используемые в трудах основателей классической политэкономии. Критически переосмысливая результаты преобразований в народном хозяйстве Китая на рубеже 50-60-х гг. XX века, автор приходит к выводу о необходимости практического применения в процессе перехода к системе социалистической рыночной экономики общепризнанных категорий, содержащихся в “Капитале” К.Маркса, таких как “частная собственность”, “прибыль” и т.д.

Сюй Чжимин. Перспективы добрососедских отношений между Китаем и Россией хорошие. Сфера торгово-экономического сотрудничества широкая

Автор статьи — видный китайский предприниматель и общественный деятель высказывает глубокую заинтересованность в дальнейшем развитии добрососедства, дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией. Проанализировав состояние экономики двух стран, он приходит к выводу о широких возможностях торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Автор также убежден, что вступление России в ВТО будет способствовать продвижению российских товаров на международный рынок и притоку иностранных инвестиций.

О.Борох. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики

В статье рассматривается полемика по вопросу о перспективах экономического развития Китая и его роли в мировой экономике. Исследуются современные иностранные оценки будущего экономики КНР и китайская реакция на них. Основное внимание уделяется анализу китайских публикаций, посвященных критике зарубежных теорий “экспорта Китаем дефляции”, “фальсификации статистических данных”, “краха Китая”, “китайской угрозы” и “создания Китаем опасности”.

Л.Волкова. Подряд на землю в китайской деревне: законодательные гарантии и возможности его трансформации

В связи с вступлением в действие с 1 марта 2003 г. “Закона КНР о земельном подряде в деревне” в статье проанализированы все предшествующие законодательские акты в этой сфере. Автор полагает, что реализация нового

закона может внести известный вклад в стабилизацию и совершенствование иподрядных отношений, послужит стимулом для увеличения капиталовложений крестьян в земледелие, явится правовой защитой их интересов при расширении рынка прав пользования земельными участками, полученными по подряду.

А.Решетов. Востоковед и организатор науки П.И.Воробьев

Статья А.Решетова возвращает из забвения имя выдающегося российского востоковеда, ученого и организатора отечественной науки Павла Ивановича Воробьева. В свое время (в 30-е годы прошлого века) он занимал ряд видных постов — директора Русского музея, Государственного исторического музея, Государственного музея этнографии. Он был активным участником научной жизни, внес заметный вклад в развитие советского востоковедения, в частности, маньчжуроведения, монголоведения и китаеведения.

М.Сайе. Некоторые исторические аналогии в процессе адаптации Индии и Китая к западной модели модернизации

Автор считает, что после завоевания независимости в обеих странах при всех их различиях использовались сходные модели индустриализации, которые дали разные результаты, но некоторые схожие побочные эффекты. По мере развития глобальной экономики и утраты социалистической моделью модернизации ее конкурентоспособности, обе страны — в 1979 г. Китай, а спустя десятилетие Индия — приступили к осуществлению реформ и политики экономической открытости, которые подводят их к заключительному этапу ускоренной модернизации и преобразований.

О.Городецкая. “Лицо”, “личность” и “портрет” на Западе и Востоке

По мнению автора статьи, сравнение культур по такому критерию, как способы видения и отображения человеческой личности, не только способно показать фундаментальные различия между культурными традициями, но и предоставляет новые возможности для оценки многих культурных процессов, в том числе современных. Для уяснения исходных принципов отношения культур Востока и Запада к человеку предлагается лингвистический подход к понятиям “лицо”, “личность” и “портрет”, исследуя эволюцию смыслового наполнения этих категорий и их аналогов в западной культуре и на Востоке, прежде всего в Китае.

Г.Юсупова. Творческие поиски Цань Сюэ

В статье представлено прозаическое творчество одной из самых интересных писательниц Китая 50-летней Цань Сюэ, чьи рассказы переводятся на многие языки мира.

О.Железняк. Японская культура в условиях глобализации

Статья посвящена рассмотрению влияния процессов глобализации на современное состояние и перспективы развития японской культуры. В ней прослеживаются различные факторы и элементы культурного влияния, которые привели к формированию феномена японской культуры, представляющего собой национальный самобытный монолит, в который гармонично вкраплены элементы восточной, главным образом китайской, и западной цивилизаций.

Политика реформ и структурно-функциональная реорганизация правительства КНР (к итогам первой сессии ВСНП 10-го созыва)

© 2003

Я. Бергер

Первая сессия ВСНП нового созыва подвела итоги предшествующего пятилетия и положила начало практической реализации выдвинутой XVI съездом КПК долгосрочной программы развития страны. Сессия подтвердила неизменность курса на дальнейшее углубление реформ, рыночную ориентацию, активное включение Китая в процессы глобализации и регионализации. Наиболее значительными результатами сессии стали принятие проекта реформирования структуры Госсовета КНР, а также избрание новых органов государственной власти, продолжившее начатую на XVI съезде КПК передачу властных полномочий от третьего поколения руководителей КНР к четвертому.

Экономический рост и его финансовое обеспечение

Политика правительства Чжу Жунци за прошедшее пятилетие обеспечила устойчивый рост китайской экономики в условиях неблагоприятной мировой конъюнктуры. Целенаправленное, поступательное развитие рынка сочеталось с глубокими структурными реформами, создающими для него благоприятную среду. В 1997 и 1998 годах Китай не принял рекомендаций и предложений МВФ и Мирового банка, не пошел на либерализацию цен, обвальную приватизацию и шоковую терапию. После азиатского финансового кризиса Китай не допустил девальвации юаня и инфляции. Был принят курс на расширение внутреннего спроса как главного стимула экономического роста. Одновременно продолжали увеличиваться масштабы внешней торговли и иностранных инвестиций. Упрочилось положение Китая в мире. Китай стал важным фактором мирового экономического развития. Настойчивые тринадцатилетние усилия китайского правительства завершились принятием Китая в ВТО.

Среднегодовой рост ВВП Китая за пятилетие составил 7,7%. Прямые иностранные инвестиции достигли в 2002 г. 52,7 млрд. долл. (4,26% ВВП), объем внешней торговли — 600 млрд. долл., профицит — 30 млрд. долл. Эти достижения, высоко оцененные сессией, служат основой для устойчивого продолжения экономического роста.¹ По мнению некоторых китайских экономистов,

---

Бергер Яков Михайлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока».

■ признающих цикличность экономического развития Китая, страна миновала фазу спада темпов экономического роста и с 2002 г. вступила в фазу их ускорения, чему способствует и вступление Китая в ВТО.²

Вместе с тем в наследство новому руководству достается груз проблем, которые прежнему руководству не удалось решить или смягчить. Как сказал в заключительной речи на сессии ВСНП новый глава государства Ху Цзиньтао, очередная смена работников государственных структур берет на себя огромную ответственность в условиях сложной и изменчивой международной обстановки и огромной тяжести задач внутреннего строительства. Новый премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая на пресс-конференции по завершении сессии, назвал пять проблем, вызывающих наибольшую озабоченность. Это, во-первых, запаздывающее развитие сельского хозяйства и медленный рост доходов крестьян, что стало сдерживать расширение внутреннего спроса. Во вторых — трудности в функционировании части предприятий и создании системы современных предприятий. В третьих — непрерывный рост безработицы, создающий чрезвычайно большое давление на системы социального обеспечения. В-четвертых — неравномерное развитие города и деревни, восточных и западных районов, бедность значительной части населения. В-пятых, высокая нагрузка на бюджет, большой удельный вес плохих активов.

Для поддержания высоких темпов экономического роста были и остаются на обозримую перспективу такие рычаги правительственного курса, как стратегическое регулирование экономической структуры, увеличение экспорта, прежде всего путем его освобождения от налогообложения, и т.н. активная (фактически — экстенсивная) финансовая политика. Последняя призвана противостоять циклическому спаду экономики и поддерживать экономический рост путем опережающих инвестиций. Внутренние строительные займы, служащие главным инструментом, активной финансовой политики и обеспечивающие 1-2% годового роста ВВП, были наиболее необходимы на старте. В условиях не преодоленных до конца негативных последствий азиатского финансового кризиса и дефляции они считались экстренным средством для компенсации недостаточного внутреннего спроса. Со временем, особенно по мере наступления сроков платежей по займам, их роль становилась менее однозначной. Временная мера все более превращается в рутинную, от которой нелегко избавиться, особенно ввиду все еще недостаточной активизации внутреннего спроса.

В 2001 г. общая сумма облигаций, выпущенных государством, составила 510 млрд. юаней. Вместе с сопутствующими банковскими кредитами объем инвестиций составил 2,4 трлн. юаней, распределенных по 8600 объектам. В 2002 г. сумма государственных займов достигла 660 млрд. юаней, а объем инвестиций — 2,8 трлн. юаней.³

Приращение инвестиций в основные фонды темпами, опережающими темпы роста ВВП, ведет к изменению баланса накопления и потребления в распределении национального дохода. В 50-х и 60-х годах прошлого века оптимальным считался удельный вес накопления в 25-28%, при составлении 8-го пятилетнего плана он был повышен до 30%, в 1997 г. доля накопления достигла 33,5%, но с принятием экстенсивной финансовой политики этот показатель стал возрастать беспрецедентными темпами: в 2002 г. он составил 42%, а в 2003 г. должен достичь 45%. Как полагают составители Доклада Академии общественных наук Китая, продолжение этой тенденции ведет к нарушению сбалансированных пропорций в распределении национального дохода и может в долгосрочной перспективе нанести ущерб устойчивому макроэкономическому развитию.⁴

Быстрый рост государственных и негосударственных инвестиций в основные фонды закладывает предпосылки для последующего экономического

развития страны. Вместе с тем он чреват и риском «перегрева» экономики в некоторых регионах и некоторых отраслях народного хозяйства, опасностью дальнейшего нарушения баланса между спросом и предложением, разрастанием инфляции и дефляции, растратой ресурсов и снижением качества роста.

Завышенная доля инвестиций уменьшает долю конечного потребления. Если начиная с 90-х годов прошлого века ее среднемировой уровень составлял около 80%, то в Китае с 1990 по 2001 г. она не достигала 60%.⁵ Недостаточный спрос ведет к неполной загрузке производственных мощностей, снижению эффективности хозяйственной деятельности предприятий, росту безработицы.

Государственные инвестиции, осуществляемые за счет внутренних займов, вместе с сопутствующими банковскими кредитами способствуют разрастанию государственной собственности, что в целом очень напоминает плановую экономику. Консервируется присущий этой экономике принцип ответственности государства за итоги хозяйственной деятельности находящихся под его началом предприятий. При этом речь идет об ответственности именно центрального правительства, а не местных властей, ибо как раз центр, а не местные власти и тем более не предприятия служит главным инвестором и определяет — через соответствующие ведомства центрального правительства — объекты для инвестиций. Тем самым происходит откат от начатой уже реформы инвестиционного механизма в государственном секторе.

Государственные внутренние займы открывают новый канал для коррупции. К этому ведет острейшая борьба, преимущественно закулисная, между местными властями и предприятиями за получение «наиболее жирного куска» при распределении инвестиций по конкретным объектам. Китайские исследователи свидетельствуют, что масштабы, которые приняла коррупционная конкуренция в этой области, беспрецедентна за весь период существования КНР.⁶

Обращение государства к использованию внутренних займов для инвестиций реставрирует органичное для плановой экономики единство государственной банковско-финансовой системы. С началом реформ это единство стало разрушаться. Центральный банк выполнял государственные функции по управлению финансовыми институтами, но другие государственные банки начали коммерциализироваться, появились первые акционерные банки. Сегодня и в этой сфере наметилось попятное движение. Банки выступают в качестве посредника между государством и рынком облигаций: они покупают у государства облигации, используя депозиты населения, а затем распространяют их на рынке. В условиях, когда банковское кредитование негосударственного сектора почти полностью исключено, банки вынуждены покупать государственные облигации либо кредитовать государственные предприятия.

Средства от строительных займов идут, прежде всего, на осуществление крупных инфраструктурных проектов: транспортных, ирригационных, энергетических, коммуникационных. Часть из них вступила в действие. Но эффективность других в полной мере проявится лишь в отдаленной перспективе, тогда как инвестиций для остро необходимой технической реконструкции действующих предприятий не хватает.

Одновременно растет дефицит государственного бюджета, который приходится покрывать все новыми заимствованиями. Величина дефицита в 2002 г. увеличилась по сравнению с 1997 г. в четыре раза, а его доля в ВВП — с 1,2% в 1998 г. до 3% в 2002 г., достигнув опасной, по международным меркам, черты. В 2003 г., по расчетам Мирового Банка, этот показатель ввиду дальнейшего относительного сокращения доходов достигнет 3,4%.⁷ Рост ВВП в среднем на 7-8% за год поддерживается среднегодовым увеличением бюджетных расходов и бюджетного дефицита на 20%. В 2003 г. предусматривается

дальнейший рост дефицита. Выплаты по старым долгам съедают почти половину доходов, получаемых по новым займам.

Номинальный дефицит дополнительно отягощается «плохими активами» банков и скрытой задолженностью государства по социальному обеспечению. С их учетом, по подсчетам китайских экспертов, задолженность китайского государства достигает 70% объема ВВП, что выше, чем в большинстве стран Азии и Европы и США.⁸

Наличие скрытых рисков в финансовой системе Китая проявляется в задержках выплаты заработной платы правительствами разных уровней, в наличии «пустых счетов» в пенсионном фонде, в убыточности государственных предприятий и государственных банков и др. Очень большими долговыми обязательствами обременены местные правительства. Эти обязательства в случае их невыполнения лягут на плечи центра.

Сегодня и в обозримом будущем китайское государство вполне платежеспособно. Растут бюджетные доходы, сбережения населения, положительное сальдо платежного баланса. Но правительство не может игнорировать тревожные сигналы. В среднесрочной перспективе намечен постепенный выход из активной финансовой политики, хотя для этого требуется определенный переходный процесс.

Как отмечают китайские исследователи, активная финансовая политика экстенсивного типа на короткий срок может играть мобилизующую роль, однако ее воздействие на долговременное рыночное развитие, на формирование его движущих механизмов носит негативный характер. В период экономического спада такая политика необходима, но когда экономика восстановлена и пошла на подъем, необходимо срочно из нее выходить. При неблагоприятной экономической конъюнктуре увеличение дефицита и расходов оправданно, но когда экономика ускоряет свой рост, пытаться поддерживать его, опираясь на дефицит, ошибочно и опасно.⁹

Заместитель начальника Государственного статистического управления КНР Цю Сяохуа полагает, что в предстоящие 15 лет изменится вклад инвестиций, потребления и внешней торговли в экономику. По его словам, в этой перспективе доля инвестиций сократится с 40 до примерно 30%. Однако в ближайшие годы они еще сохраняют за собой ведущую роль. В дальнейшем она будет падать, по мере того как будут возрастать доходы населения и соответственно воздействие внутреннего спроса на экономический рост. Что касается внешней торговли, то ее нынешнее значение для экономического роста в основном сохранится на нынешнем уровне, при этом роль экспорта еще более возрастет, а роль чистого импорта — не обязательно.¹⁰

По мнению ряда депутатов ВСНП и делегатов проходившей одновременно сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК), постепенно уменьшить выпуск новых займов для поддержки экономического роста и соответственно снизить давление на государственный бюджет, можно лишь всемерно стимулируя негосударственные инвестиции и либерализуя условия банковского кредита для негосударственных предприятий.

Занятость и безработица

XVI съезд КПК указал четыре основных направления государственного макроэкономического регулирования: стимулирование экономического роста, увеличение занятости, стабилизацию цен и сохранение внешнеэкономического платежного баланса. Материалы настоящей сессии ВСНП этот перечень вос-

производят, и есть признаки того, что вторая из названных целей в перспективе может занять место, сопоставимое по значению с первой. Впервые в правительственных документах такого уровня председатель Государственного комитета по планированию развития Цзэн Пэйянь в докладе на сессии назвал создание новых рабочих мест и сдерживание безработицы одним из главных приоритетов экономической политики на текущий год.¹¹ Включение этого параметра в число плановых показателей государственного развития должно побудить и местные правительства к аналогичной корректировке.

Такой поворот, несомненно, объясняется чрезвычайной серьезностью ситуации. Это признал и министр труда и социального обеспечения Чжан Цзоцзи на пресс-конференции для аккредитованных на сессии ВСНП журналистов.¹²

Высокие темпы экономического роста не гарантируют высокой занятости. В 80-х годах прошлого века каждый процент прироста ВВП обеспечивал увеличение занятости на 0,32%, сегодня — менее чем на 0,1%.¹³ Проблемы трудоустройства из года в год приобретают все большую остроту. Постоянное увеличение численности экономически активного населения, сокращение занятости на государственных предприятиях, приток избыточной рабочей силы из деревни в город ежегодно требуют дополнительно трудоустраивать 22–23 млн. чел. Но при увеличении ВВП на 7–8% в год создается только 7–8 млн. новых рабочих мест. Соответственно ускоряется рост безработицы. Официально регистрируемая безработица в 2002 г. достигла своего пика — 4%. В 2003 г. ее намечено удержать на уровне 4,5%, а в перспективе — до 5%. Однако эта цифра включает только горожан и лишь половину реально нуждающихся в трудоустройстве. Фактически безработица в городе достигла 8–9%, а, по мнению некоторых исследователей, — даже 10%. В старых промышленных базах на северо-востоке страны она зашкаливает за 15%. Около 150 млн. лишних работников сосредоточено в деревне.

Рост безработицы, сопровождаемый повышением уровня преступности, создает угрозу для социальной стабильности и общественной безопасности. Заместитель директора Института трудовых ресурсов Народного университета Китая, 38-летний профессор Чжэн Гунчэн, ставший самым молодым членом Постоянного комитета ВСНП, полагает, что без проведения активной политики, способствующей увеличению и улучшению качества занятости, в Китае рано или поздно разразится социальный кризис.¹⁴ По его мнению, стимулирование занятости и стимулирование экономического роста представляют для будущего развития Китая равнозначные задачи. Однако существующая политика занятости представляет собой набор спорадических мер, не выстраивающихся в долгосрочный, стабильный, эффективный, законодательно обоснованный курс. В связи с этим Чжэн Чэнгун считает необходимым разработать и принять специальный Закон о стимулировании занятости.

Чтобы смягчить безработицу Чжу Жунцзи рекомендовал новому правительству развивать трудоемкие отрасли, полнее использовать потенциал занятости в сфере услуг, на средних и малых предприятиях, в индивидуальном и частном секторе, облегчать для безработных возможности открывать свое дело. Этот подход развивал и новый премьер, подчеркнувший, что индивидуальные и частные предприятия являются исключительно важным каналом расширения занятости.

Социальное расслоение и социальное обеспечение

Экономический рост в Китае сопровождается расслоением и поляризацией общества, которые начинают угрожать социальной и политической ста-

бильности страны. Этим процессам способствуют огромные различия в уровне оплаты труда, рост нетрудовых доходов, широко распространенная коррупция. По данным 16 крупных отраслей народного хозяйства на 1999 г., максимальная заработная плата превышала минимальную в 245 раз, а с учетом иных доходов разница увеличивается еще минимум вдвое. 50 самых богатых людей Китая обладают четвертой частью всей собственности в стране. Десятая часть населения владеет половиной всех банковских депозитов.¹⁵

Прежде нищета была почти исключительно уделом деревни. Сегодня численность горожан, существующих за чертой прожиточного минимума, достигла 30 млн. чел., или 8% общей численности населения городов и поселков.¹⁶ Обострению противоречий способствуют неразвитость системы социального обеспечения, недостатки налогообложения, широкая распространенная коррупция, неравномерность развития регионов, отраслевые монополии.

И старое, и новое правительство признали необходимость неотложных мер для упрочения социальной стабильности, расширения социальной поддержки слабых групп населения и сокращения поляризации общества. Как подчеркнул Чжу Жунцзи, правительство должно контролировать уровень разрыва между богатыми и бедными и предотвращать возмущения, проистекающие от недостатков социального обеспечения. По словам Вэнь Цзябао, порог нищеты в Китае занижен, если его поднять с 625 юаней (менее 80 долларов) хотя бы до 825 юаней (100 долларов), то за этим порогом окажется втрое больше людей.¹⁷

Выступая на сессии ВСНП с докладом об исполнении центрального и местного бюджетов за 2002 г. и о проекте бюджетов на 2003 г., министр финансов КНР Сян Хуайчэн заверил, что для обеспечения «основных жизненных потребностей нуждающихся людей» правительство готово в 2003 году «соразмерно увеличить расходы на социальное обеспечение». Дополнительные средства будут выделены на пособия для поддержания минимального прожиточного уровня жителей города, на вторичное трудоустройство уволенных работников, на увеличение базовой части пенсий по старости, на повышение пенсий ветеранам революции и армии.

Депутаты ВСНП и НПКСК настаивали на скорейшем принятии Закона о социальном страховании, проект которого был разработан еще в 90-е годы и до сего времени все еще не вступил в полную силу. Социальное страхование испытывает большие трудности в связи с незавершенностью его реформирования, нехваткой средств и быстро растущим числом участников системы. В связи с этим оно не в состоянии выполнять стабилизирующую роль в обществе. В деревне социальное обеспечение практически отсутствует. Из 900 млн. крестьян пособие для поддержания минимального жизненного уровня получает 4 млн. человек. Это в основном люди, лишившиеся трудоспособности, не имеющие источника дохода, одинокие, больные, увечные, пострадавшие от стихийных бедствий. В городе получают минимальное пособие 20,5 млн. человек, его средний размер составил в декабре 2002 г. 60 юаней на одного человека (7 долларов). Неспособность сменить модель страхования, по словам заместителя руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Цинциня, таит в себе угрозу разрушения социальной стабильности.¹⁸

Деревня

Главной помехой на пути к сбалансированному социально-экономическому развитию Китая является хроническая и все более усугубляющаяся отсталость и маргинализация деревни. Продолжает увеличиваться разрыв в до-

ходах и имущественном положении жителей города и деревни. Деревня, где сосредоточено две трети населения страны, потребляет только треть товаров розничной торговли, причем эта доля продолжает сокращаться. Бремя налогов и поборов в деревне тяжелее, чем в городе. В деревне растет социальная дифференциация. Консервацию социально-экономического отставания деревни от города поддерживает перекалывание финансирования сельского образования на самих крестьян.

Новое партийное руководство не раз выражало озабоченность проблемами села. 7 января 2003 г. состоялось совещание ЦК КПК по работе в деревне, на котором присутствовали новый генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК и будущий премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао и еще три члена высшего руководства КПК. В материалах совещания проблемы крестьян, деревни и сельского хозяйства были названы «основой основ всей партийной работы». Говорилось, что ЦК КПК и Госсовет КНР приняли решение ежегодно выделяемые дополнительные ассигнования на образование, здравоохранение и культуру впредь направлять главным образом в деревню с тем, чтобы постепенно сократить различия в социальном развитии города и деревни. Проходившее несколько раньше совещание ЦК КПК по экономической работе призвало «урегулировать и оптимизировать» использование средств от государственных займов с большим упором на деревню и центрально-западные районы страны. Канцелярия Госсовета КНР в начале года приняла специальный циркуляр, направленный на охрану гражданских прав крестьян, приезжающих на заработки в города.

В отчетном докладе Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи на сессии ВСНП также подчеркивается приоритетное значение проблем крестьянства, деревни и сельского хозяйства. Для решения этих проблем правительство в истекшем пятилетии осуществляло структурную перестройку сельского хозяйства, реформировало систему закупок и сбыта зерна и хлопка, проводило эксперименты по облегчению налогового бремени крестьян, увеличивало инвестиции в сельское хозяйство, расширяло поддержку бедных крестьян и способствовало рациональному перемещению рабочей силы из деревни в города и поселки. Эти направления Чжу Жунцзи предложил развивать и впредь.

Присутствуя на обсуждении доклада правительства депутатами ВСНП от провинции Хубэй, Вэнь Цзябао задал губернатору провинции вопрос: «Облегчила ли налоговая реформа бремя, которое несут крестьяне?» Оказалось, что почти в половине из 35 специализирующихся на производстве зерна и хлопка уездов налоговая нагрузка на крестьян после реформы все еще на 25 юаней выше среднего по провинции уровня. Подчеркнув, что налоговая реформа в деревне должна облегчать налоговую нагрузку на крестьян в основных зернопроизводящих районах, Вэнь Цзябао связал финансовые затруднения волостных властей главным образом с тем, что от бюджета кормится слишком много людей. Если их число не уменьшить, то бремя крестьян, даже сократившись на время, рано или поздно вновь возрастет. Так было и в старом Китае — при Танской, Минской и Цинской династиях. Коммунисты, заключил Вэнь Цзябао, должны найти способ сократить численность волостных властей, уменьшить избыточную число тех, кто устроился у кормушки, и тем самым разорвать порочный круг. Та же позиция была заявлена Вэнь Цзябао на заключительной пресс-конференции.¹⁹

Депутаты ВСНП и НПКСК выражали озабоченность медленным ростом доходов крестьян, требовали пересмотреть Закон об управлении землей, увеличить ассигнования на сельское здравоохранение и образование, освободить детей из бедных крестьянских семей от всех видов платы за обязательное де-

вятилетнее обучение, уравнять в правах крестьян, отправляющихся на заработки в города, и увольняемых работников государственных предприятий.

3 апреля 2003 г. Госсовет КНР провел Всекитайское телевизионно-селекторное совещание, посвященное экспериментам по реформе сельских налогов. Выступая на этом совещании, Вэнь Цзябао сообщил о решении ЦК КПК распространить в текущем году эксперимент по реформе налоговой системы в сельских районах на всю территорию Китая. Он сообщил, что в большинстве районов созрели условия для отмены налога на специфическую продукцию сельского хозяйства, а в остальных — для его сокращения. Фактически об этом же говорил на сессии ВСНП и Министр сельского хозяйства Ду Цинлинь, который назвал данный налог пережитком плановой экономики, наследием того времени, когда спрос на сельскохозяйственные продукты превышал их предложение и доминировал дефицит зерна.

Налогом, на специфическую продукцию, введенным в 1983 г. и уточненным в 1994 г., облагается доход от табаководства, садоводства, лесного хозяйства, животноводства, водного промысла и некоторых иных отраслей сельского хозяйства по ставкам от 8 до 31%. Общая сумма его в 1994 г. составила 6,4 млрд. юаней, в 1999 г. — 14 млрд. юаней, после чего ее стали снижать, и в 2002 г. она была сокращена до 9,8 млрд. юаней.²⁰ Налог, сыгравший свою роль для концентрации усилий на развитии зернового хозяйства, в современных условиях, когда такая задача отпала, стал тормозом на пути диверсификации сельского хозяйства в соответствии с рыночным спросом и соответствующего повышения доходов крестьян. Отмена налога не причинит сколько-нибудь существенного урона консолидированному бюджету, ибо его доля в суммарном доходе не превышает одного процента. Но поскольку это — местный налог, уменьшатся поступления в бюджеты уездов и волостей, что потребует соответствующего возмещения ущерба со стороны властей более высокого уровня.

Реорганизация Госсовета КНР

Реорганизация Госсовета — одно из наиболее важных решений, принятых настоящей сессией ВСНП. В соответствии с одобренным проектом создаются следующие новые органы:

1. Комитет по контролю и управлению государственной собственностью Госсовета КНР (Комитет по госсобственности). Комитет сконцентрирует функции, ранее разделенные между девятью ведомствами, что предопределяло во многом низкую эффективность хозяйственной деятельности госпредприятий и постоянную утечку госсобственности — в среднем на сумму в несколько сот миллионов юаней за год.²¹ В их числе — упраздняемый ныне Госкомитет по экономике и торговле Госсовета КНР, ведавший реформированием и реорганизацией государственных предприятий, Министерство финансов, отвечавшее, в частности, за регистрацию госсобственности, и Комиссия по работе с предприятиями ЦК КПК, которая не только отвечала за партийную работу на государственных предприятиях центрального подчинения, но и назначала и увольняла их руководителей. В будущем к новому комитету, возможно, перейдут и функции Министерства труда по контролю над фондом заработной платы. Он должен также разрабатывать законодательные акты, определять административные меры и распоряжки по управлению госсобственностью и руководить деятельностью аналогичных комитетов провинциального уровня

Комитет по госсобственности — специфический институт. Это и не чисто административный орган и не чисто хозяйствующий субъект, поскольку он наделен определенными директивными полномочиями. Осуществляя контроль

над государственной собственностью и тем самым реализуя права инвестора, комитет, однако, не вмешивается непосредственно в деятельность предприятия. Комитет осуществляет свои функции в основном через управляющих, которых он, пользуясь своим портфелем акций, утверждает на собраниях акционеров и затем поощряет по результатам хозяйственной деятельности. Исполнительный директор — единственное связующее звено между комитетом и предприятием. Тем самым выполняется и требование ВТО о разделении функций правительства и инвестора. Предполагается, что Комитет по госсобственности заключит с каждым предприятием, находящимся в его ведении, договор о разграничении полномочий и ответственности.

Абсолютные размеры госсобственности составляют сегодня 11 трлн. юаней (около 1,3 трлн. долл.). Примерно 4,5 трлн. юаней приходится на долю 100 с лишним крупных и сверхкрупных предприятий (некоторые из них фактически являются корпорациями с многочисленными дочерними фирмами). Ими и будет весть общегосударственный Комитет по госсобственности. Остальные передадут аналогичным комитетам провинциального или окружного уровня, которые будут созданы в течение ближайших полутора—двух лет.

Как полагает разработчик проекта, один из крупнейших китайских экономистов и член НПКСК Чжан Чжоюань, общая стоимость госсобственности в будущем может возрасти, но ее удельный вес снизится с сегодняшних 35-36% примерно до 20%, благодаря опережающему развитию негосударственных секторов.²² Другой известный экономист Чжан Вэнькуй считает, что Комитет по госсобственности на большинстве предприятий не должен стремиться к обладанию контрольным пакетом акций или даже быть мажоритарным акционером: его задача — привлечь как можно больше негосударственных средств, а свою долю минимизировать или даже свести к нулю.²³ Стремление постоянно наращивать государственную собственность уходит в прошлое как наследие плановой экономики.

После окончания сессии ВСНП Центр исследований развития при Госсовете КНР провел симпозиум на тему «Участие негосударственных предприятий в слиянии собственности». Выступая на этом симпозиуме, один из руководящих работников Комитета по госсобственности Ван Сяоци подчеркнул, что развитие государственного сектора нельзя противопоставлять развитию сектора негосударственного, между ними не должно быть непримиримого противоборства. Напротив, нет никаких препятствий для перетока собственности, для слияния с предприятиями негосударственной собственности. Как отмечали участники симпозиума, развитие ряда отраслей китайской промышленности (например автомобилестроения) в очень большой степени определяется слиянием с иностранным капиталом, и задача состоит в том, чтобы создать для национального капитала не менее благоприятные условия. Единственно, кто реально противостоит этому процессу, это «отрасли», чьи компетенции, а следовательно и выгоды слияния собственности ограничивает.²⁴

Главной проблемой в процессе слияния собственности является проблема цен, которую непросто решать в условиях неразвитого рынка собственности. Острота этой проблемы связана, в частности и с тем, что руководство некоторых коммерчески привлекательных предприятий, полностью или частично принадлежащих государству, непрочь скупить их за бесценок.²⁵ Только в провинции Гуандун за вторую половину 2002 г., как сообщил финансовый аналитик сянганского отделения Банка Дж. П. Морган, отмечена скупка руководством шести государственных предприятий, акции которых котируются на бирже.²⁶

Главной побудительной причиной нынешней реформы служит низкая эффективность хозяйственной деятельности госсектора, продолжающая сохраняться, несмотря на неоднократные попытки ее преодолеть. Многие государственные предприятия остаются убыточными. Это характерно, в особенности для Северо-Восточного Китая, одной из главных баз индустриализации страны. В провинции Хэйлунцзян убытки государственных предприятий местного уровня за последние несколько лет достигли 38,3 млрд. юаней, тогда как вся чистая стоимость государственной собственности составляет 35,8 млрд. юаней. Фактически вся местная госсобственность провинции, таким образом, перешла к банковским кредиторам в качестве «плохих активов».²⁷

Низкая эффективность госсектора особенно очевидна при сопоставлении с результатами хозяйствования в негосударственном секторе экономики. Так, по данным на 2001 г., на долю государственных предприятий приходится 65,4% общей суммы краткосрочных кредитов, полученных от общегосударственных финансовых структур, но только 37,9% ВВП. В негосударственном секторе ситуация обратная: при 21% общей суммы краткосрочных кредитов на его долю падает 47,5% ВВП. В результате вопреки усилиям сократить плохие активы государственных коммерческих банков их доля все еще превышает 20%.²⁸ Ясно, что такое положение вряд ли терпимо даже в краткосрочной перспективе.

Реорганизация управления госсобственностью, таким образом, направлена, в частности, на то, чтобы устранить или, по меньшей мере, сократить колоссальные различия в доходности капитала в различных секторах экономики. В целом по Китаю доходность капитала невелика, она составляет лишь 6,4%, но в государственном секторе еще ниже — 4,9%.²⁹ В этом заключается один из важных источников тех огромных различий, которые существуют в распределении национального дохода. Новая система призвана в том числе способствовать и устранению этого источника.

Однако некоторые исследователи усматривают и более далеко идущие цели данной реформы. С точки зрения одного из ведущих китайских экономистов, заместителя директора Экономического института Фуданьского университета профессора Чжан Цюня, она является предвестником и важной составной частью изменения модели экономического роста в Китае.³⁰ Существующая модель, опирающаяся, как отмечено выше, на крупномасштабные капитальные вложения в инфраструктуру и прямые иностранные инвестиции, ведет к разительному противоречию между высокими темпами экономического роста и низкой эффективностью предприятий. Смена модели предполагает максимальную активизацию негосударственного сектора, более эффективного и способного вести инвестиционную деятельность на микроуровне. Такой подход соответствует официальной установке на приоритетность экономической эффективности. Более широкое вовлечение в экономический рост национального капитала одновременно ослабит связанную с немалыми рисками зависимость китайской экономики от иностранных инвестиций.³¹ Именно новая модель, опирающаяся в очень значительной степени на частный национальный капитал, как явствует и из документов XVI съезда КПК, призвана обеспечить высокие темпы роста ВВП в предстоящие 10-20 лет.³²

В связи с этим и ставится задача провести реформу рынка капиталов и изменить структуру распределения ресурсов. Существующие на фондовом рынке порядки до сих пор были ориентированы на защиту интересов государственных предприятий. Еще недавно введение акционерной системы и развитие фондового рынка рассматривались как способ расширения контролирующего влияния государственного сектора, в полном соответствии с заветами планового хозяйства. С появлением нового Госкомитета по собственности эта

ситуация может измениться в пользу частного национального капитала. Считается, что негосударственные предприятия путем слияния собственности должны получить равные возможности в получении своей доли общественных ресурсов. Те сферы, из которых государство отступает, призван занять частный национальный капитал, в т. ч. посредством участия в смешанных формах собственности.

Более того, увеличение доли негосударственного сектора в распределении общественных ресурсов некоторые китайские исследователи рассматривают как путь к реализации не только экономической, но и важнейшей социальной миссии в построении «общества сяокан» — как «общества собственников», или «общества имущих». «В определенном смысле, — пишет сотрудник Института рынка Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Хуай, — можно сказать, что всестороннее общество сяокан это общество, где большинство его членов «имеют собственность». Другими словами, «разрешение большинству народа иметь собственность» станет во всестороннем обществе сяокан одной из основных форм реализации «социальной справедливости» и «совместного обогащения».³³ То, что большинство народа станет собственниками, означает, что это большинство превратится в частных инвесторов, хотя и далеко не все будут предпринимателями. В этом случае негосударственные (т.е. по преимуществу — частные) предприятия превратятся, по мысли Чэнь Хуая, в основную форму консолидации «собственности народа» («лаобосин ю чань»).

Закон о государственной собственности разрабатывается в Китае в течение десяти лет. Первый его проект был подготовлен еще в 1995 году. Авторы его получили 870 поправок и предложений, 70% из которых были при доработке проекта учтены. В 1996 г. доработанный проект был одобрен финансово-экономическим комитетом ВСНП и партгруппой Постоянного комитета ВСНП. Сегодня в связи с тем, что закон не был окончательно принят прежним созывом ВСНП и состав высшего законодательного органа обновился, проекту вновь предстоит пройти те же инстанции. Затем в случае положительного исхода его представят на рассмотрение Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Оттуда проект поступит в Постоянный комитет ВСНП, где после принципиального одобрения он должен будет пройти три чтения. Поскольку сессии этого органа проходят раз в два месяца, руководитель рабочей группы по разработке закона Лю Ишунь полагает, что, самое раннее, закон может быть утвержден к концу 2003 г.³⁴ Менее оптимистичен Чжан Чжоюань, по мнению которого на утверждение и совершенствование закона об управлении госсобственностью уйдет не менее двух-трех лет.³⁵

Принципиальное решение о том, что учреждение Комитета по госсобственности должно предшествовать введению соответствующего закона и последующему созданию на его основе местных органов по управлению госсобственностью, было принято на 2-м пленуме ЦК КПК XVI созыва. Временные правила, регламентирующие деятельность Комитета по госсобственности, включая ее передачу, продажу, банкротство, в настоящее время разрабатываются Госсоветом. Их стремятся сделать максимально прозрачными, чтобы предотвратить, по возможности, утечку госсобственности.

2. Государственный комитет по развитию и реформам — это бывший всемогущий Госплан, который в 1998 г. был переименован в Государственный комитет планирования развития, а ныне в связи с дальнейшим развитием рынка утрачивает, по меньшей мере — номинально, связь с первоосновой. В задачи комитета вменена, прежде всего, координация проводимых в разных областях реформ с тем, чтобы они оптимально содействовали развитию. Вме-

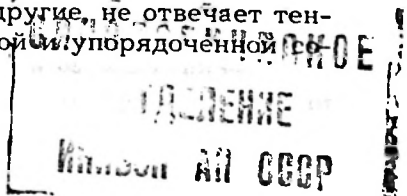
сте с тем за новым комитетом остаются и функции по разработке стратегии народнохозяйственного и социального развития и мер по ее осуществлению, составлению долгосрочных и годовых планов, разработке промышленной и ценовой политики, мониторингу и корректировке циркулирования народного хозяйства, составлению балансов, оптимизации основных экономических структур, определению основных строительных объектов, продвижению структурных реформ в экономике. По поручению Госсовета комитет будет, как и прежде, докладывать ВСНП о планах экономического и социального развития.

3. Комитет по контролю и регулированию банковской деятельности создается как орган министерского уровня, непосредственно подчиненный Госсовету. В его ведение отходят функции Комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК наряду с ранее принадлежавшими Народному Банку Китая функциями, по контролю и регулированию деятельности банков, компаний, управляющих собственностью, трастовых и инвестиционных компаний и иных депозитарных финансовых институтов. Комитет будет выявлять противоправные операции, включая отмывание денег. Народный банк Китая, освобожденный от контрольных функций, призван усилить свою роль в определении и проведении монетарной политики, в совершенствовании правил операционной деятельности финансовых институтов и макрорегулирования в финансовой сфере, в недопущении и уменьшении финансовых рисков. Оба ведомства должны работать в тесном контакте и взаимодействии. Законодательная база деятельности комитета должна быть создана путем внесения поправок в законы о Китайском Народном банке и о коммерческих банках.

В новом ведомстве будут работать более 400 чиновников, в т. ч. около 200 человек переходят в него из контрольных подразделений Народного банка Китая и 120 человек — из Комиссии по работе с финансовыми учреждениями ЦК КПК. Комитет будет иметь свои представительства (управления) на уровне провинций и в городах провинциального подчинения (отделения). Структуры уездного уровня пока не предусмотрены, но и не исключены, если это понадобится для финансово-экономического развития на местах.

Первое публичное выступление главы Комитета по контролю и регулированию банковской деятельности Лю Минькана в апреле 2003 г. было озаглавлено «Углублять финансовую реформу, поддерживать развитие средних и малых предприятий», что дает представление об одном из главных направлений деятельности нового ведомства.³⁶ Именно малые и средние предприятия, составляющие в Китае 95% всех предприятий, создающие 51% ВВП, поставляющие более 60% экспортных товаров и обеспечивающие 43,2% налоговых поступлений в бюджет, испытывают наибольшие трудности в получении банковских кредитов на свое развитие. Ключ к изменению ситуации — в переходе коммерческих банков от пассивного кредитования к кредитованию активному, к чему их должен подталкивать центральный банк с помощью различных инструментов монетарной политики. Иными словами, кредитная поддержка средних и малых предприятий коммерческими банками напрямую зависит от глубокой финансовой реформы. Такая поддержка должна непременно сопровождаться усилением контроля.

4. Министерство коммерции создается, главным образом, в связи с новой ситуацией, определяемой развитием рынка. Унаследованное от плановой экономики дробление функций, при котором за внутреннюю торговлю отвечали одни правительственные органы, а за внешнюю — другие, не отвечает тенденциям формирования единой, открытой, конкурентной и упорядоченной временной рыночной системы.

Создание Министерства коммерции будет способствовать дальнейшей интеграции Китая в процессы глобализации и регионализации мировой экономики. В частности, оно будет готовить условия для отмены через три года льготных привилегий в осуществлении импортных и экспортных операций китайскими и иностранными предприятиями. Вместе с тем наличие единого министерства, ведающего торговой деятельностью как на внутреннем, так и на внешнем рынке, позволит Китаю лучше защищать свои экономические интересы в пределах принятых в ВТО правил. В том числе и применительно к принявшим в последнее время широкие масштабы антидемпинговым расследованиям и охранительным мерам, проводимым некоторыми членами ВТО в отношении Китая.

По утверждению известного китайского экономиста старшего поколения Ван Дянью, создание объединенного министерства запоздало по меньшей мере на пять лет. В 1998 г. он вместе с тогдашним министром торговли и другими профессионалами предложил Чжу Жунци слить ведомства внутренней и внешней торговли. Премьер передал этот проект для изучения в Канцелярию Госсовета по структурным реформам. Однако в то время проходила крупная реорганизация Госсовета: целый ряд ведомств передавался в ведение Комитета по экономике и торговле, и дополнительная нагрузка на этот комитет была сочтена несвоевременной. Ван Дянью опасается, что под давлением глобализации основной акцент в деятельности нового министерства будет сделан на внешней торговле. Тем самым будет продолжена неверная линия прежнего комитета по экономике и торговле, а само министерство обречет себя на роль такого же переходного органа. Реальность развития событий в этом направлении подчеркивается способом формирования нового ведомства, при котором ряд органов, ведавших внутренней торговлей, вливаются в бывшее Министерство внешней торговли и экономического сотрудничества. По подсчетам Ван Дянью, в новом министерстве вопросами внешней торговли будут заниматься 700-800 сотрудников из состава его ликвидированного предшественника, а вопросами внутренней торговли — 100 с небольшим чиновников.³⁷

5. Государственное управление по контролю над пищевыми продуктами и лекарствами создается на базе соответствующего органа, контролировавшего прежде безопасность производства фармацевтических средств.

В основе структурно-функциональной перестройки правительства КНР лежит понимание того, что в условиях все более набирающей силу рыночной и глобализационной ориентации китайской экономики «невидимая рука» рынка неизбежно сокращает правительственные компетенции. Они сосредоточиваются в тех областях, где рыночное регулирование пока недостаточно развито или должно быть ограничено или даже в принципе не может быть допущено в силу коренных общественных и государственных интересов. В этом плане процесс ограничения и концентрации правительственных полномочий в Китае идет в русле прогрессивных общемировых тенденций. Главным назначением правительства в экономической сфере становится упорядочение рыночных отношений, определение сферы их распространения, обеспечение справедливой конкуренции. Вместе с тем за правительством остаются и обязанности по поддержанию общественной безопасности и защиты национальных интересов.

Принципиальное направление правительственной реорганизации было декларировано еще на ранних стадиях рыночных реформ. Это — отделение административных функций от хозяйственных. На этом направлении предстоит сделать еще немало. Государство шаг за шагом отходит от непосредственного вмешательства в хозяйствование на микроэкономическом уровне.

Намечаемая реорганизация Госсовета КНР, с одной стороны, продолжается в течение уже двух десятилетий линию на реформирование госаппарата в соответствии с условиями и требованиями развития рыночной экономики, а с другой — вносит в нее существенные коррективы. Непосредственной задачей предыдущих преобразований было по преимуществу упрощение структуры управленческого механизма и сокращение численности чиновников. В большинстве случаев результат был противоположным.

По мнению одного из самых известных китайских экономистов, заместителя председателя финансово-экономического комитета НПКСК Дун Фужэна, при прежнем правительстве институциональная реформа добилась определенных успехов. В частности, было ликвидировано немало правительственных структур, в особенности — производственные министерства. Однако правительственные органы все еще несли на себе отпечаток плановой экономики, их компетенция не отвечала требованиям рыночного хозяйства. Сохранялись традиционные разрешительные порядки: различные экономические органы правительства утверждали перечень объектов для инвестирования. Правительственный аппарат довольно значительно сокращался, но функции сохранялись неизменными, объем работы не убывал, поэтому возникали новые структуры, и ситуация возвращалась к исходному состоянию.

Некоторые проекты нынешней институциональной реформы Дун Фужэн считает сравнительно большим шагом по направлению к рыночной экономике. В их числе — устранение отпечатка плановой экономики при преобразовании Госкомитета планирования развития в Госкомитет по развитию и реформам и особенно — упразднение Госкомитета по экономике и торговле, компетенции которого в прошлом были чрезмерно широки, включая даже непосредственное управление предприятиями по канонам плановой экономики, руководство их технической реконструкцией, установление критериев банкротства. Высоко оценивает ученый и создание Комитета по госсобственности, поскольку оно в большой степени стимулирует трансформацию правительственных функций.³⁸

Принятый сессией ВСНП проект структурных изменений Госсовета КНР учитывает соответствующий опыт развитых стран. Так, передача специального комитету функций центрального банка по контролю над банковской деятельностью в Китае аналогична реформе, проведенной в Великобритании в 1998 г. Здесь также был создан специальный орган (Financial Services Authority), которому передали функции Банка Англии по контролю над банковской деятельностью, тогда как последний сохранил право самостоятельно определять монетарную политику. В 2001 г. этому контрольному органу были приданы дополнительные полномочия, ранее принадлежавшие другим агентствам. Для согласования деятельности центрального банка, контрольного органа и министерства финансов существует специальная трехсторонняя рабочая группа, которая регулярно собирается для обмена информацией. Институциональное разделение монетарных и контрольных функций с обязательным взаимодействием и обменом информацией между соответствующими органами существует также в Японии и Корее. Во всех этих случаях такие реформы ведут, в том числе и к укреплению независимости центрального банка от правительства.

Вместе с тем некоторые китайские эксперты полагают, что использование западных моделей в китайском исполнении приводит иногда к далеким от изначального замысла результатам. Такого мнения касательно Министерства коммуникации и Государственного управления по контролю над пищевыми продуктами и лекарствами придерживается, в частности, специалист по административному праву, профессор Чжоу Ханьхуа из Института права Академии

общественных наук Китая. Он усматривает несколько важных отличий американского министерства коммерции от китайского. Во-первых, в США такое министерство сосредоточивает функции, которые в Китае разделены между семью или восемью ведомствами, включая само Министерство коммерции, а также Госкомитет по развитию и реформам, Государственное управление по интеллектуальной собственности, Управление по товарным знакам Главного управления промышленности и торговли, Метеорологическое управление Китая, Главное государственное управление по контролю качества, Государственное статистическое управление. Во-вторых, американское министерство — это орган, преимущественно отвечающий за разработку политики. Если исключить экспорт, то исполнительных функций у него немного. В-третьих, внутренние подразделения в американском Министерстве коммерции обладают в рамках американской административной структуры определенной самостоятельностью, устанавливая между собой эффективное взаимодействие, в отличие от китайской ситуации, где между различными правительственными ведомствами существуют неразрешимые противоречия. В-четвертых, федеративная структура США позволяет Министерству коммерции создавать, пусть и не в каждом штате, свои самостоятельные представительства, которые обеспечивают неподконтрольность основного курса местным правительствам.³⁹

Новое государственное руководство

Избрание руководителей законодательной, исполнительной, судебной власти страны не принесло особых неожиданностей, поскольку оно в основном было predeterminedено иерархией партийного руководства, установленной на XVI съезде КПК в соответствии со сложившемся балансом сил в политической элите страны.

Главой государства — Председателем КНР избран новый Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, сохранивший за собой и пост одного из трех заместителей Председателя Центрального Военного Совета (два других, как и прежде, занимают высшие военачальники НОАК). Возглавил Центральный Военный Совет КНР, как и аналогичный партийный орган, прежний Генеральный секретарь КПК Цзян Цзэминь в соответствии с утвердившейся со времен Дэн Сяопина традицией. Эта очень влиятельная в политическом отношении позиция подкрепляется назначениями на ряд важных постов в органах власти давних соратников Цзян Цзэмина — членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Среди них — Заместитель Председателя КНР Цзэн Цинхун, Председатель Постоянного комитета ВСНП У Банго, председатель ПК ВПКСК Цзя Циньлинь, заместитель премьера Госсовета Хуан Цзюй.

Ставший премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао в течение 18 лет работал в центральных партийных и государственных органах: сначала при трех генеральных секретарях — Ху Яобане, Чжао Цзыяне и Цзян Цзэmine — на влиятельных постах в ЦК КПК, а в последние пять лет — заместителем премьера в правительстве Чжу Жунцзи. До этого в течение 25 лет был геологом, и большую часть этого времени провел, как он сам говорит, в необычайно трудных и вредных условиях, что дало ему знание тяжелой жизни народа. Из 2500 уездов Китая, по словам Вэнь Цзябао, он посетил 1800.

Возглавляемое Вэнь Цзябао правительство обновлено наполовину. Из 28 министров его кабинета 14 сохраняют свои прежние посты. В их числе — министр госбезопасности Сю Юньюе, министр культуры Сунь Цзячжэн.

Каждый из вновь пришедших — профессионал. Чаще всего они работали прежде на руководящих должностях в своих или смежных ведомствах.

Среди них — новый министр иностранных дел карьерный дипломат Ли Чжаосин, который до этого был заместителем министра иностранных дел и послом КНР в США. Новый министр финансов Цзинь Жэньцин ведал непосредственно перед назначением на этот пост государственной налоговой службой, в первой половине 90-х годов был заместителем министра финансов. Председатель Комитета по государственности Ли Жунжун перешел на эту должность с поста председателя Комитета по экономике и торговле. Занявший вновь созданный пост председателя Государственного комитета по развитию и реформам Ма Кай в 90-х годах был заместителем председателя Госплана и заместителем председателя Госкомитета по реформам экономических структур. Он — известный специалист по проблемам ценообразования. Возглавивший новое Министерство коммерции Лю Фуюань работал заместителем министра внешней торговли и экономического сотрудничества. Переведенный с поста губернатора провинции Хунань на должность председателя Комитета по оборонной науке и промышленности Чжан Юньчуань — выпускник известного Харбинского военно-инженерного вуза.

Некоторые новые члены правительства Вэнь Цзябао работали, учились, получали ученые степени или стажировались за рубежом. Среди них — получивший докторскую степень в США министр образования Чжоу Цзи, работавшая в течение двух лет в качестве приглашенного ученого в США, физик по образованию, член Госсовета Чэнь Чжили; проходивший краткосрочную техническую стажировку в США глава секретариата Госсовета Хуа Цзяньмин, стажировавшийся в течение года в Канаде министр коммерции Лю Фуюань; занимавшийся научно-исследовательской работой в Швеции министр науки и техники Сюй Гуаньхуа.

Руководитель вновь созданного Комитета по контролю и регулированию банковской деятельности Лю Минкан почти на протяжении всей своей служебной деятельности был связан с Банком Китая, пройдя путь от младшего клерка до заместителя председателя. Вместе с тем в период своей работы в Лондонском отделении Банка Китая в 80-х годах Лю Минкан получил в Лондонском университете ученую степень магистра. Весьма авторитетные в финансовых кругах люди характеризуют его как финансиста мирового класса.

Политические реформы

Пополнение государственного руководства страны на разных уровнях профессионалами, обладающими в т. ч. и международным опытом, наряду со структурно-функциональной перестройкой правительства позитивно оцениваются как в самом Китае, так и за его пределами. Эти меры внушают уверенность в стабильности политической ситуации и вместе с тем в неизменности курса на рыночную ориентацию китайской экономики, на включение ее в глобализацию и регионализацию и на поступательную трансформацию китайской административно-политической системы в соответствии с внутренними и внешними вызовами.

В то же время совершенствование исполнительной ветви власти вновь ставит вопрос о статусе и эффективности законодательной власти, о перспективах развития института собраний народных представителей. Об актуальности этой проблемы свидетельствуют, в частности, и итоги первой сессии ВСНП нового созыва. Принятие предложения о создании Комитета по контролю и управлению государственной собственностью Госсовета КНР произошло в условиях, когда отсутствует основополагающий закон о государственной собственности, что, безусловно, затрудняет деятельность этого важнейшего государ-

ственного органа. Основание Комитета по контролю и регулированию банковской деятельности требует скорейшей легализации путем внесения изменений в законы о Центральном банке Китая и государственных коммерческих банках.

Комплектование важнейших комитетов ВСНП происходит в соответствии со старым принципом, который не прибавляет авторитета и весомости этому институту: туда направляются чиновники высокого ранга, освобожденные от своих должностей в правительстве. Что же касается членов ВСНП, не входящих в комитеты, то они оказывают еще меньше влияния на политическую жизнь страны.

Усложнение социальной структуры общества, создающего рыночную экономику, требует создания подлинно представительной власти, которая бы отражала этот процесс и балансировала интересы разных групп, с не совпадающими в ряде важных аспектов устремлениями и собственными представлениями о конкретных путях реализации некоторых общезначимых целей. Не менее важное значение имеет и формирование гражданского общества, предполагающее его самоорганизацию, активизацию роли самодеятельных — деловых, профессиональных, женских, молодежных и многих иных. Речь при этом идет не только о новых социальных слоях и группах, но, прежде всего — о старых, наиболее массовых, интересы которых в изменившихся условиях, как явствует из сказанного выше, недостаточно защищены.

Потребность в таких изменениях становится особенно явной по мере того, как Китай становится все более открытым внешнему миру, включается во всеобъемлющие процессы глобализации. Вступление Китая в ВТО, в частности, непосредственно затрагивает условия труда и жизни широких масс трудящихся страны, которым должна быть предоставлена возможность отстаивать свои интересы.

Доклад о членстве Китая в ВТО за 2003 г. обстоятельно анализирует воздействие новых обстоятельств на занятость. Обращается внимание на возможное снижение ее качества и обострение конфликтов между трудом и капиталом. После вступления КНР в ВТО некоторые местные власти, стремясь ускорить рост ВВП, попустительствовали капиталу, ухудшая условия труда рабочих, что способствовало нарастанию недовольства последних. Пределы негативного воздействия на занятость в очень большой степени зависят от активности профсоюзов. Экстренное принятие поправок к Закону о профсоюзах в октябре 2001 г. свидетельствует о том, что китайское руководство «начинает осознавать эту проблему и принимать меры для ее разрешения».⁴⁰

В течение многих лет проведение социально-политических реформ в Китае отставало от реформ экономических, что, по меньшей мере, не благоприятствовало выявлению позитивного социального эффекта последних. В настоящее время такой отрыв становится все более нетерпимым. Как отмечают ряд видных китайских экономистов, если не ускорить политические реформы, то реформы экономические будут сталкиваться с все большими трудностями.⁴¹

Торможение реформ в общественно-политической сфере было связано в немалой степени с долгосрочным воздействием того шока, который пережило коммунистическое руководство Китая в конце 80-х годов. Именно политические реформы (или их обещания) считались главной причиной распада Советского Союза и крушения аналогичных режимов в Восточной Европе, с одной стороны, и активизации демократического движения в самом Китае — с другой.

Сегодня на смену такой упрощенной трактовке все более приходит осознание того, что эти события, как и иные, не менее важные в новейшей мировой истории катаклизмы, вызваны взаимодействием комплекса причин, среди которых важнейшее значение имеет длительное накопление социальных

противоречий, не смягчаемых соответствующими политическими и социальными структурами и институтами. В качестве главной причины развала Советского Союза справедливо называется то, что «правлящая в СССР группировка игнорировала движение времени и требования развития производительных сил, игнорировала коренные интересы широких народных масс, длительное время сохраняла примитивные старые структуры, включая структуры политические, что и привело к общему взрыву, когда многочисленные долго накапливавшиеся социальные противоречия развились до определенной стадии».⁴² Такое понимание, а также вытекающая отсюда убежденность в том, что реформа общественно-политических структур совсем не обязательно ведет к подрыву общественной стабильности, но, напротив, способна ее упрочить, служат продуктивным залогом того, что политические реформы в Китае имеют неплохие перспективы.

Истоки противодействия проведению глубинных изменений в общественно-политических структурах Китая восходит к тем временам, когда и понятие рыночной экономики считалось крамольным, несовместимым с официальными представлениями о социализме, о первородстве компартии. С тех пор в экономике страны произошли кардинальные перемены, она реально стала рыночной. Поэтому можно надеяться на то, что и торжество политических реформ по сравнению с реформами экономическими в ближайшем будущем станет в Китае таким же анахронизмом, как и отторжение рыночной экономики.

Разумеется, это очень непростой процесс. Как и в сфере экономической, Китаю придется пройти через мучительную ломку ценностей и устоявшихся воззрений. Тем не менее иного пути нет. Экономика не может быть долгое время позади политики. Отставание будет преодолено, хотя, как и во всех иных случаях: осмотрительно, не подвергая опасности политическую и социальную стабильность, шаг за шагом. Нельзя ожидать чудодейственных результатов от какой-то одной-единственной, пусть и весьма важной меры, включая обновление руководства или структурно-функциональную реорганизацию правительства.

В упомянутом выше интервью выдающегося китайского экономиста Дун Фужэна корреспондент задал вопрос: «Можно ли оптимистически утверждать, что новое правительство Китая, избранное в духе и на фоне XVI съезда КПК, его члены и организационные структуры с каждым днем все более обретают особенности, присущие правительству с экономической рыночного типа и что это знак того, что Китай готов начать новый цикл еще более глубоких структурных реформ в экономике и политике?». На что Дун Фужэн ответил: «Оптимистически или не оптимистически, трудно сказать. Институциональная реформа правительства вынуждена, а не инициативна. Нужно двигаться шаг за шагом. И в структурных реформах экономики, и в структурных реформах политики нам предстоит обсудить еще очень много теоретических проблем, например связанных с отношениями между партией и правительством, с демократическим контролем. Реформы могут продвигаться только постепенно.»⁴³ Думается, что Дун Фужэн здесь абсолютно прав.

1 Начало 2003 г. давало почву для самых радужных надежд: в первом квартале китайский ВВП вырос на 9,9%, объем внешней торговли — на 42,2%, фактически использованные иностранные инвестиции — на 56,7%. Однако затем сильный удар по ожиданиям нанесла эпидемия атипичной пневмонии. Прогнозные оценки экономического роста Китая на 2003 г. наиболее авторитетными международными финансово-экономическими институтами были существенно понижены. Так, Мировой Банк в Полугодовом докладе об экономике Китая прогнозирует темпы роста китайской

- экономики в 2003 г. на уровне 7-7,2%. Некоторые исследователи даже считают, что эта эпидемия может оказать на китайскую экономику более тяжкое отрицательное воздействие, чем азиатский финансовый кризис 1997 г. См. Чжан Чжунлян. 2003 Чжунго цзинци ды бяньшу: фэйдяньсин фэйянь вэйци (Переменные китайской экономики на 2003 год: кризис атипичной пневмонии). Чжунго цзинци шибао. 2003. 25 апреля. Есть, впрочем, и диаметрально противоположные оценки. Эксперт из Центра финансовых исследований Пекинского педагогического университета полагает, что воздействие атипичной пневмонии на основные тенденции развития китайской экономики практически можно не брать в расчет. См. Чжун Вэй. GDP цзэн су ба ван цю «Фэйдянь» ганьжань буляо Чжунго цзинци. (Темп роста ВВП — 8, с надеждой на 9). «Атипичная» не заразит китайскую экономику.) Наньфан чжоубао. 18 апреля. Истина, скорее всего, лежит где-то посередине.
- 2 Гоцзи цзиньюн бао. 2003. 18 апреля.
  - 3 Линь Лиин. Цзинци чжуань гуй чжун ды чжэнфу гайгэ. (Реформа правительства в переходной экономике.) Чжунго цзинци шибао. 2003. 31 марта.
  - 4 Чжунго шэжюань 2003 чуньци баогао (Доклад Академии общественных наук Китая. Весна 2003 г.). Шанхай чжэнцюань бао. 2003. 22 апреля.
  - 5 Там же.
  - 6 Линь Лиин, указ. соч.
  - 7 Некоторые китайские исследователи, впрочем, полагают, что доля дефицита, который должен использоваться на покрытие только затрат на государственные инвестиции, субсидирование фондов социального обеспечения и поддержку важнейших общественных служб, не должна превышать 5,5% ВВП. Они ссылаются при этом на опыт США, Японии и Франции, где на отдельных этапах их исторического развития этот показатель поднимался до 6%, после чего по мере улучшения экономической ситуации финансовый баланс восстанавливался. К такому выводу пришли члены проблемной группы Института экономики при Госкомитете по развитию и реформам. Цзинци цанькао бао. 2003. 2 апреля.
  - 8 Чжунго цзинци шибао. 2003. 7 марта
  - 9 Чжан Шугуан, Чжао Сяо, Гао Хуйцин. Гуаньчжу чжиюе цзинци цзэнчжан ды тичжисин иньсу. (Обращать внимание на институциональные факторы, сдерживающие экономический рост.) Чжунго цзинци шибао. 2003. 28 апреля
  - 10 Бэйцзин циннянь бао. 2003. 23 марта
  - 11 С 1993 г. планы социально-экономического развития включали восемь основных макроэкономических показателей (экономического роста, инвестиций в основные фонды, финансов, внешней торговли и валютных резервов, розничной торговли, цен, экономической эффективности и естественного роста населения). После 1997 г. этот список в основном сохранялся с добавлением (на последнем месте) показателя регистрируемой безработицы в городах.
  - 12 Жэньминь ван. 2003. 12 марта
  - 13 Гао Юань. GDP бу ши цюаньбу. (ВВП — это еще не все.) Гоцзи цзиньюн бао. 2003. 22 апреля.
  - 14 Чжунго цзинци шибао. 2003. 27 марта.
  - 15 Чжунго цзинци шибао. 2003. 31 марта.
  - 16 Синьхуа ван. 2003. 5 марта
  - 17 <http://live.people.com.cn/note.php?id=7030303101755>
  - 18 Чжунго цзинци шибао. 2003. 7 марта.
  - 19 Время от времени в китайской печати появляются сообщения о намерении в течение 5-7 лет заменить в деревне власть функционеров и чиновников самоуправлением, Однако официально такая позиция пока не сформулирована.
  - 20 Жэньминь жибао цзинци чжоукань. 2003. 25 апреля.
  - 21 Фачжи жибао. 2003. 7 марта.
  - 22 Бэйцзин чэньбао. 2003. 10 марта.
  - 23 Ян ши гоцзи. 2003. 7 марта.
  - 24 Чжунхуа гуншан шибао. 2003. 25 апреля.
  - 25 В принципе выкуп менеджерами активов компании у акционеров в целях ее реорганизации (MBO — Management Buy-out) в мире довольно широко распространен. Но в Китае он приобрел весьма специфичные формы, будучи направлен почти исклю-

- чительно на скупку государственных и отчасти — коллективных предприятий. При этом менеджеры могут действовать самостоятельно или же выступать в кооперации с иностранными инвесторами или же с рядовыми сотрудниками фирмы. Китайские специалисты выступают за временную приостановку этого процесса до тех пор, пока не будут выработаны процедуры, формирующие его субъект, не будет отработан механизм ценообразования и не будет легально определены источники средств для покупки компаний. Цзинци жибао. 2003. 11 апреля.
- 26 Бэйцзин циннянь бао. 2003. 23 апреля.
- 27 Синьхуа ван. 2003. 13 апреля.
- 28 Чэнь Минсин, Цзинь Фуцзы. Хунгуань чжэнцэ ин чжунши ды сань да вэньти. (Три крупные проблемы, требующие внимания макроэкономической политики). Цзинци цанькао бао. 2003. 17 апреля.
- 29 Чжунго цзинци шибао. 2003. 31 марта.
- 30 Цзефан жибао. 2003. 17 апреля.
- 31 Примером того, как национальный капитал стремится потеснить капитал иностранный в китайской экономике, ссылаясь именно на угрозу национальной безопасности, может служить выдвинутый более чем пятьюдесятью членами НПКСК во главе с председателем совета директоров компании «Дунфан» Чжан Хунвэем проект установления государственного контроля над розничной торговлей. Авторы проекта, обращаясь к депутатам НПКСК и ВСНП, заявили, что эта важнейшая для китайской экономики отрасль постепенно переходит под контроль иностранного капитала, и задавали риторический вопрос: «Кто же, в конце концов, будет контролировать сферу обращения — «жизненную артерию» экономики Китая?». Цай цин шибао. 2003. 14 апреля.
- 32 См. Бергер Я.М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 2.
- 33 Чэнь Хуай. Минь ин цие цаньюе чаньцюань гоубин ши гайгэ ды бижань цюйши. (Участие негосударственных предприятий в покупке и слиянии собственности — неперемнная тенденция реформы). Чжунго цзинци шибао. 2003. 29 апреля.
- 34 Чжунго цзинци шибао. 2003. 11 апреля
- 35 Чжунхуа гуншан шибао. 2003. 7 марта
- 36 Чжунго цзинци шибао. 2003. 30 апреля.
- 37 Чжунго цзинци шибао. 2003. 7 апреля.
- 38 Чжунхуа гун шан шибао. 2003. 31 марта.
- 39 Там же.
- 40 Дидуань цзюе чжилян ю со сяцзян, лао цзы цзюфэнь цзян далян цзэнцзя. (Падение нижнего предела качества занятости, массовое возрастание конфликтов между трудом и капиталом). Чжунго цзинци шибао. 2003. 18 апреля.
- 41 См., например, Мао Юши. Мэйго жэнь ду лай цаньюе чжэнчжи тичжи гайгэ. (Все должны принять участие в структурных политических реформах). http://china-review.com/content_files/maoyushi-zxzp-22.htm
- 42 Ван Хуаньчжао. Чжунго чжэнчжи гайгэ 24 нянь. (24 года политических реформ в Китае). Чжунго цзинци шибао. 2003. 22 апреля.
- 43 Чжунхуа гун шан шибао. 2003. 31 марта.

Из истории идеологемы сяо кан

© 2003

А. Лукьянов, Л. Переломов

От редакции. В декабре 2002 г. в ИДВ РАН состоялось организованное редакцией журнала «Проблемы Дальнего Востока» заседание круглого стола, посвященное обсуждению решений проходившего в ноябре 2002 г. в Пекине XVI съезда КПК. С научными сообщениями, содержащими анализ фигурирующей в материалах съезда концепции сяо кан в историческом и культурном аспектах, выступили китаеведы А.Е. Лукьянов и Л.С. Переломов. С учетом интереса читателей к этому вопросу, а также в связи с неверными толкованиями понятия сяо кан в ряде СМИ¹, по просьбе редакции журнала авторы подготовили предлагаемую статью.

Необычное для современного политического лексикона сочетание иероглифов сяо кан (букв. «малое благополучие», «малое процветание») привлекло внимание широкого круга политологов и экономистов за пределами Китая в 80-е — начале 90-х годов². В официальных документах партийных и государственных форумов КНР это слово стало обозначать предполагаемое состояние китайского общества к началу XXI столетия. В официальных переводах на западные языки сяо кан обычно интерпретировалось как «достижение средней зажиточности», «среднего достатка». Далеко не сразу для зарубежных обозревателей прояснилась связь понятия сяо кан с традициями философской и общественно-политической мысли Китая, прежде всего — с конфуцианскими концепциями устройства общества.

Эта связь символически проявила себя в своеобразном параллелизме двух событий. Речь идет о встречах идеологов китайских реформ с представителями высшего руководства Японии — страны, раньше Китая вступившей на путь модернизации и коренной перестройки всех сторон жизни общества.

Первая из этих встреч состоялась в 1898 г. Как выяснил академик С.Л. Тихвинский, лидер китайского реформаторского движения конца XIX в. Кан Ювэй, будучи в Токио, показал японскому премьеру Инукаи свою рукопись «Книги о Великом Единении», посвященной обоснованию необходимых Китаю преобразований на пути к идеальному обществу *да тун* — «Великого единения»³.

Вторая встреча произошла в 1979 г. «Архитектор китайской реформы» Дэн Сяопин в беседе с премьер-министром Японии Масиёси Охирой впервые связал планировавшиеся им преобразования с понятием сяо кан, генетически сопряженным с концепцией *да тун*: «Мы собираемся осуществить четыре модернизации (модернизацию экономики, политики, науки и военного дела. — Авт.). Это будут четыре модернизации китайского типа. Концепция наших че-

---

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

Переломов Леонард Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, президент «Русского конфуцианского фонда».

тырех модернизаций не схожа с концепцией ваших модернизаций — это будет сяо кан чжи цзя»⁴.

В данном случае Дэн Сяопин счел излишним как-либо трактовать словосочетание сяо кан чжи цзя (букв. «семья сяо кан», что подразумевало ориентацию на качественное изменение жизни китайской семьи). Сам термин сяо кан говорил собеседнику гораздо больше, чем частные экономические истолкования. Таким образом, и столетие назад, и во второй половине XX в. конфуцианская фразеология служила деятелям конфуцианского культурного региона надежной основой для взаимопонимания.⁵

Обращение Дэн Сяопина к традиционной фразеологии преследовало несколько целей. Первая из них — вырвать страну из культурной изоляции внутри конфуцианского культурного региона, в которой КНР оказалась из-за развернутой в 1972-1976 гг. антиконфуцианской кампании. Вторая — перехватить у Гоминьдана, который уже давно широко оперировал понятием сяо кан в своих программных документах, роль ревнителя традиций китайской государственности и культуры, а также продемонстрировать наличие культурных предпосылок к воссоединению Тайваня с материковым Китаем. Показательно в этом отношении замечание члена Американской ассоциации историков проф. Чжан Сюйсиня: «Если в континентальном Китае произошла китаизация марксизма, то у нас, на Тайване, произошла конфуцианизация европейско-американской модели демократии»⁶. Обращение к наследию Конфуция создавало более благоприятные условия для контакта с лидерами Гоминьдана: на Тайване задолго до того, прежде всего усилиями министра образования Чэнь Лифу, изучение канонических конфуцианских текстов было введено в систему начального образования, не говоря уже о традициях «народного конфуцианства» в общественной культуре.

Но, помимо этого, существовали и внутренние причины, приведшие лидеров китайского государства к сокровищнице традиционного культурного опыта. Прежде всего это сам стратегический замысел реформ. Если в конце 70-х — начале 80-х годов, когда начало использоваться понятие сяо кан, общая тенденция движения к рынку и реставрации определенных традиционных ценностей в китайском обществе едва угадывалась, то последующее его развитие подтвердило устойчивость указанной тенденции. Еще несколько лет назад один из авторов данной статьи, Л. Переломов, предположил, что в восточно-азиатском регионе «наряду с уже состоявшимся “конфуцианским капитализмом” идет строительство “конфуцианского рыночного социализма”»⁷.

По прошествии ряда лет это предположение стало выглядеть еще более убедительным. И хотя в официальных переводах сяо кан по-прежнему акцентируется экономическая трактовка этого термина, ныне очевидно, что обращение к этому знаковому понятию свидетельствовало о качественных изменениях в стратегии политического и культурного развития КНР.

Пытаясь реконструировать возможный ход мысли Дэн Сяопина, приведший к возрождению идеологемы сяо кан, Л. Переломов однажды допустил досадный промах, предположив, что Дэн мог не знать об обстоятельствах появления в недрах китайской культуры этого понятия — о том, что впервые словосочетание сяо кан упоминается в «Каноне песен» («Ши цзин»), в оде «Минь лао» («Народ страдает»)». Времени внести поправки. Нет сомнения, что, будучи окружен представителями «института старцев» (членов руководства партии и государства, успевших получить в начале XX в. традиционное образование), Дэн Сяопин знал об истоках и происхождении понятия сяо кан. Как и другие термины и категории китайской традиционной политической культуры, данное понятие отличается многозначностью; за два с лишним тысячеле-

тия своего существования оно применялось в разных контекстах, обростало многочисленными толкованиями и приобретало новые смысловые оттенки.

Памятник «Ши цзин», в котором впервые встречается словосочетание *сяо кан*, первоначально назывался просто «Ши» — «Песни». Вследствие высокого культурного статуса «Ши цзин» включен в конфуцианский канонический свод «У цзин» («Пять канонов»), где стоит вровень с «И цзином» («Каноном перемен»), «Шу цзином» («Каноном истории»), «Чунь цю» («Вёснами и осенями») и «Ли цзи» («Записями ритуалов»). «Ши цзин» складывался в течение XI—VI вв. до н.э. и включал более трех тысяч стихотворных произведений. По версии Сыма Цяня (ок. 145—87 до н.э.), сам Конфуций (551[552]—479 до н.э.) отредактировал «Ши» и оставил в сборнике всего 305 стихов, соответствующих *ли* («ритуалу») и *и* («долгу») ⁹. Как говорит трактат «Лунь юй» («Беседы и суждения»), наиболее точно отражающий взгляды Учителя китайской нации, Конфуций искал в «Песнях» опору для гармонизации Поднебесной, на что прямо или косвенно указывал в беседах с учениками и правителями. Мотивом поиска служило для него состояние хаоса, охватившее современное ему общество. «Фэн-птица (Феникс) не прилетает, Река (Хуанхэ) Чертеж не шлет, я вижу, что конец грядет» ¹⁰ — так Конфуций оценивал создавшуюся ситуацию.

Может показаться, что Феникс и Чертеж — традиционные благовещие символы — всего лишь аллегорические образы, эстетический прием, помогающий Конфуцию выразить свое душевное состояние. Однако на самом деле это существенные символы культуры *Дао* — глубинной архетипической структуры, лежащей в основании китайской цивилизации и обеспечивающей ее жизнеспособность.

Феникс, полное наименование которого — Фэн-Хуан — включает одновременно обозначение самки и самца (женского — *инь* и мужского — *ян* начал), служит зооморфным воплощением природно-родового единства и гармонии. В китайской традиции Фэн-Хуан несет в себе духовную ипостась архетипа *Дао*, выраженную в пятеричном наборе духовно-этических качеств, организованном по универсальной для китайской культуры модели *у син* — «пяти элементов», «пяти действий», и передает метод реализации этого архетипа. Такой облик Феникса зафиксирован в «Шань хай цзине» («Каноне гор и морей», IV-II вв. до н.э.): «Есть птица там, ее вид подобен петуху, [она] пятицветно-узорчатая. Зовется Фэн-Хуан. Узор головы называется *дэ* (добродетель), узор крыльев называется *и* (долг/справедливость), узор спины называется *ли* (ритуал), узор груди называется *жэнь* (человеколюбие), узор живота называется *синь* (доверие). Это такая птица, которая ест и пьет естество-цзыжань, себя поет, себя танцует. Когда (она) появляется, то Поднебесная умиротворяется и успокаивается» ¹¹.

Таким образом, вселенско-космическая энергия «естества» вызывает спонтанное «себя пение» и «себя танцевание» — образ естественного для архаических обществ ритуального действия, в котором соединяются стихотворное слово, музыка и движение. Они образуют танец Фэн-Хуана, последовательно соединяющий пять духовных качеств в кодовую спираль гармонизации природной и человеческой Поднебесной.

В свою очередь, Чертеж из Реки — Хэ ту, широко использовавшийся в традиционной китайской культуре специфический вариант «магического» (в математическом смысле) креста — символизирует идеально-числовое выражение архетипа *Дао*, коррелирующее с его духовным выражением. Эта модель состоит из пяти *иньских* (четных) чисел (2-4-6-8-10) и пяти *янских* (нечетных) чисел (1-3-5-7-9). По мифологической версии, данный архетип был начертан в виде схемы из черных и белых кружков (обозначавших чет и нечет) на появившемся из Реки теле Дракона.

Итак, говоря, что Феникс и Чертеж больше не появляются, Конфуций сигнализировал о трагизме положения Поднебесной, об утрате ею генетических кодов гармонии. А это грозило Поднебесной скорой гибелью.

В сложившейся трагической ситуации на помощь пришел «Ши цзин». Историко-филологические изыскания дают основания рассматривать «Песни» не просто как запись стихов, но как фиксацию существовавшего прежде единства текста, аккомпанемента и танцевальных движений, рожденных разными родовыми общностями. Подобно поющему и танцующему Фэн-Хуану, свод «Ши цзина» хранил в себе коллективные способы духовной генерации природно-родовой гармонии — слово (песню), ритм (музыку) и движение (ритуальный танец). В этом, как представляется, Конфуций и видел непреходящую ценность «Ши цзина». Поэтому он, путешествуя по царствам, буквально охотился за родовыми ритуалами. Как известно, он собрал далеко не все. Но Конфуций понимал, что «Ши цзин» в качестве свода этно-родовых ритуалов может служить ему матрицей для введения своего политического учения в физическую, духовную и интеллектуальную сферы Поднебесной. Если от механизма воспроизводства гармонии в «Песнях» сохранились только стихи (слово), то их надо заново сопроводить музыкой и воспроизвести в коллективных ритуальных танцах. Это Конфуций, по свидетельству Сыма Цяня, и сделал: «Всего [в «Каноне песен»] насчитывалось пять разделов и триста пять произведений, и Конфуций спел все их под аккомпанемент струн. Он исполнял их таким образом, чтобы они пребывали в гармонии с мелодиями *шао*, *у*, *я*, и *сун*. С тех пор обряды и музыка приобрели устойчивость и могли исполняться, чтобы помогать в управлении государством»¹². Конфуций закрепил этот принцип в культурно-политической максиме: «Начинай со стихов, утверждайся в ритуале и завершай музыкой»¹³.

Таким образом, этно-родовые «Песни» (слово) для Конфуция стали одной из опор теории и практики умиротворения и гармонизации Поднебесной.

Поскольку Фэн-Хуан и Хэ ту — носители архетипа Дао — исчезли и не появлялись вновь, Конфуцию нужно было воссоздать этот архетип, модернизировать его применительно к новым запросам цивилизации и ввести в хаос человеческого и природного бытия. Обозначение такого архетипа, сопряженного и с родовой (народ), и с политической (государство и правитель-ван) гармонизацией, Конфуций нашел в «Ши цзине», в песне «Народ страждет».

В нашей литературе имеется хороший поэтический перевод этой песни, сделанный А. Штукиным¹⁴, однако мы для конкретизации терминов даем ее дословное переложение.

Народ ведь выбился из сил,
пора бы дать ему немного отдохнуть (сяо кан).
Окажи милость этому Срединному царству,
чтобы умиротворились все четыре стороны.
Пресеки произвол распутников и лжецов,
чтобы упредить не добрых.
Законом обуздай воров и насильников,
все еще не устранивших света [государя].
Будь мягок с дальними [князьями] и ладь с ближними,
и да упрочится наш ван!

Народ ведь выбился из сил,
пора бы дать ему передохнуть (сяо сю).
Окажи милость этому Срединному царству,
чтобы стали они местом встречи народов.
Пресеки произвол распутников и лжецов,

чтобы упредить скандалистов и смутьянов.
 Законом обуздай воров и насильников,
 не дай народу горевать.
 Не оставляй своих усилий,
 Чтобы и вану принести покой.

Народ ведь выбился из сил,
 пора бы дать ему вздохнуть (сяо си).
 Окажи милость этой столице,
 чтобы успокоились окружающие уделы.
 Пресеки произвол распутников и лжецов,
 чтобы упредить забывших меру.
 Законом обуздай воров и насильников,
 не дай твориться злу.
 Будь почитаем, строг, держись с достоинством,
 чтобы пришли обладающие Дэ (добродетелью).

Народ ведь выбился из сил,
 пора бы дать ему немного дух перевести (сяо ци).
 Окажи милость этому Срединному царству,
 пусть рассеется людская скорбь.
 Пресеки произвол распутников и лжецов,
 чтобы упредить мерзавцев и вредителей.
 Законом обуздай воров и насильников,
 не дай погибнуть прямоте (чжэн).
 Хотя ты и слуга [вана] (букв. сяо цзы — «малое дитя»),
 дело твое грандиозно и величественно.

Народ ведь выбился из сил,
 пора бы дать ему чуть-чуть покоя (сяо ань).
 Окажи милость этому Срединному царству,
 и царство не будет разрушено.
 Пресеки произвол распутников и лжецов,
 чтобы упредить раболепствующих блюдолизгов.
 Законом обуздай воров и насильников,
 не дай извратить прямоту (чжэн).
 Ван возжелает тебя как драгоценную яшму,
 а потому внемли великому [доброму] совету.¹⁵

Песня «Минь лао» представляет собой назидание теоретику-мудрецу, где излагается концепция умиротворения страны — Срединного царства. В эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.) сочетание иероглифов Чжун-го, которое ныне переводится словом «Китай» и истолковывается как «Срединное государство», обозначало «Срединные», т.е. расположенные в центре ойкумены, удельные владения («царства»-го), принимающие священную власть правителя Поднебесной — вана¹⁶. «Минь лао» построена по архетипической модели «пять-на-пять»: в песне пять строф, каждая строфа состоит из пяти фраз, каждая фраза делится на две части — действие и следствие (своего рода ян и инь). Первые фразы всех пяти строф идентичны, за исключением последних иероглифов, понятийно примыкающих к иероглифу сяо (идентичность также наблюдается в первых частях вторых, третьих и четвертых фраз, за исключением третьей строфы, где вместо словосочетания «Срединное царство» стоит слово «столица»). Выражение сяо кан поставлено в конце первой фразы первой

строфы, в параллель остальным четырем терминам, образованным с иероглифом *сяо*: *сяо сю* («[немного] передохнуть»), *сяо си* («[слегка] вздохнуть»), *сяо ци* («немного дух перевести»), *сяо ань* («чуть-чуть покоя»). Все пять терминов семантически идентичны и означают потребность уставшего от казенных работ народа в передышке, чтобы заняться собственными хозяйственными делами.

Концептуальное содержание «Минь лао» структурировано по строфам. Этот *архетипический* текст фиксирует состояние хаоса в пяти положениях: (1) страдание народа; (2) отсутствие милости (любви, доброты) в Срединных царствах-уделах и столице; (3) безнравственность; (4) беззаконие; (5) отсутствие достойного царя-вана. Для умиротворения и гармонизации Срединных царств даются тоже пять рекомендаций. Рекомендация *сяо кан* стоит первой, и Конфуций для наименования собственной доктрины избрал именно это обозначение, хотя мог взять любое из остальных четырех словосочетаний.

Кроме того, «Минь лао» содержит три важнейшие категории, две из которых будут развиты Конфуцием в принципы управления обществом, а одна даст определение места харизматической личности в социоприродном космосе. Во-первых, это *Дэ* — «добродетель», духовно скрепляющая этносы Срединных царств. Во-вторых, это *чжэн* — «прямота», дающая критерий подлинной человечности и центрирующая методологию политического и нравственного управления страной. В-третьих, это *сяо цзы* — слуга-советник *вана*, «малое дитя» (ср. *цзюнь цзы* — «благородный муж», «совершенный человек», букв. «сын правителя», «дитя правителя») — первое в литературе определение мудреца-философа и теоретика-политика, воплощающего образец создателя величественного плана гармонизации Поднебесной.

В «Ши цзине» Конфуций нашел выход социокультурной традиции в тогдашнюю современность, способ трансформации этой традиции в «учение об управлении людьми», по выражению выдающегося русского китаеведа В.М. Алексеева — «теорию для будущих губернаторов». Отталкиваясь от концепции, заложенной в «Минь лао», Конфуций приступил к культурно-цивилизационной разработке концепции *сяо кан*. Однако в каком качестве он мог выступить на социальной арене, чтобы на него обратили внимание и приняли к руководству его учение: в качестве самозванного наставника и знатока? Этого было недостаточно. Для подкрепления своих притязаний Конфуций и в данном случае прибегнул к традиции, действовавшей на сознание людей с силой устойчивого рефлекса. Он обратился к началу истории китайской цивилизации, символизируемому фигурами мифологических персонажей — Гуня и Юя.

Миф об их борьбе с потопом вошел в анналы политической культуры Китая. Вот как действия Гуня и Юя истолковываются и оцениваются в «Шу цзине»: «Тринадцатый год правления У-вана. Ван спросил совета у Цзи-цзы. Ведя речь, ван сказал тогда: “Увы, Небо тайно печется о том, чтобы жизнь людей внизу протекала во взаимном согласии и потому не знаю той основы, на которой оно установило порядок этических норм и принципов”.

Взяв слово, Цзи-цзы ответил: “Я слышал, что в древности Гунь оградил воды потопа и утопил порядок у син. Первопредок тогда громоподобно разгневался, что сделано это вопреки “Великому образцу [обуздания потопа/хаоса] в девяти разделах”. Гунь был казнен, а после него Юй преуспел. И тогда Небо даровало Юю “Великий образец [обуздания потопа/хаоса] в девяти разделах”, он-то и есть то, на чем (Небо) установило порядок этических норм и принципов”¹⁷.

Суть сказанного заключается в том, что Гунь и Юй для усмирения хаоса, таящего в себе бесконечное множество вариантов развития общества, использовали различные алгоритмы порядка и действия принципов архетипа *Дао*. Гунь, похитивший у небожителей «саморастущую землю» (*сижан*), самовольно использовал архетип у *син* с алгоритмами воссоздания в Поднебесной природ-

ного естества-цзыжань. Юй использовал дарованный Небом архетип у син с алгоритмами целенаправленного и активного построения цивилизации. В результате Гунь был унижен и казнен, а Юй — возвышен и утверждён правителем Поднебесной.

Конфуций отринул Гуня и избрал за образец совершенного Юя¹⁸, судьбоносно связанного с Небом. А именно эта связь и была необходима Конфуцию, чтобы освятить свою доктрину сяо кан и ввести ее в культурное сознание нации. Он внушил ученикам и всей человеческой Поднебесной идею своей духовной сыновней связи с Небом — Отцом Поднебесной и Верховным Владыкой, и тем самым стал «малым дитятей» (сяо цзы) Неба, исповедующим «малое процветание» — (сяо кан). По заверению Конфуция Небо заложило в него все харизматические качества: только Небо знает его, занимающего срединное положение между космическими и социальными верхами и низами; Небо породило в нем Дэ; Небо как в сокровищнице хранит в нем культуру (вэнь) предков и совершенных правителей Поднебесной; именно Небо ниспослало Конфуцию необычайные способности и превратило его в совершенномудрого человека; в отсутствие Дао в Поднебесной Небо сделало его «возвещающим гармонию колоколом»; по общему признанию, достоинства Конфуция стали равны Небу и Земле, и он стал недосягаемым, подобно Небу¹⁹.

Сроднившись с Небом и став «правителем без царства» (а равно и духовным вождем), Конфуций счел возможным осуществить процедуру введения в наличный хаос духовного архетипа Дао, интерпретированного как сяо кан, и направления Средних царств по цивилизационному пути. В каноне «Ли цзи» он расположил описание сяо кан после характеристики общества да тун («Великого единения») и тем самым придал *новый смысл истории*.

По определению Конфуция, да тун — это такой тип общества, когда «осуществлялось Великое Дао и Поднебесная была всеобщей (гун)». Однако после династии Западная Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) гармоничные коды Великого Дао были утрачены, мир был обращен в хаос и наступила очередь сяо кан. Вот как со слов Конфуция сяо кан вслед за да тун описывается в «Ли цзи»²⁰:

Ныне Великое Дао уже сокрылось во мраке.

Поднебесная стала семейной (досл. «разделилась на семьи». — Авт.).

Каждый родственник стал только чьим-то родственником.

Каждый ребенок стал только чьим-то ребенком.

Ценности и труд стали личными.

У знатных людей наследование по старшинству стало правилом.

Городские стены, рвы и пруды стали крепостью.

[Теперь] ритуал и долг стали путеводной нитью.

Посредством них —

определяют [ранги] государя и подданных,

укрепляют преданность отцов и сыновей,

налаживают дружбу старших и младших братьев,

добиваются согласия мужей и жен,

утверждают режим правления,

устанавливают размеры земных наделов,

воздают почести мужественным и мудрым,

награждают за личную доблесть.

Вот почему —

и замыслы строились по ним [по ритуалу и долгу],

и войска в соответствии с ними поднимались.

Юй, Тан, Вэнь-ван, У-ван, Чэн-тан, Чжоу-гун —

все в соответствии с ними избирались [на трон].

Из этих шести благородных мужей, не было ни одного,

кто бы не радел о ритуале.

Посредством него проявляли свой долг (*и*),

[на нем] основывали свою веру (*синь*),

[по нему] определяли совершенные промахи (*го*),

блюли человеколюбие (*жэнь*) и ратовали за уступчивость (*жан*),

тем самым являли народу постоянство (*чан*).

Будь такой, кто не последовал бы этому,

во власти потерпел бы крах.

Народ счел бы его за бедствие.

Это и есть сяо кан.

Как видим, здесь тоже присутствует пятерица духовного архетипа, хотя и в несколько ином составе, нежели тот, что представлен образом Феникса в «Шань хай цзине». Общность (*гун*) человеческой Поднебесной, основанная на этических нормах Великого Дао, распалась на отдельные семьи (*цзя*), преследующие частный интерес, и Конфуций скрепляет их концепцией сяо кан. Он возрождает в сяо кан духовный архетип Дао «пяти постоянств» (*у чан*) в составе «ритуала» (*ли*), «долга» (*и*), «человеколюбия» (*жэнь*), «веры/доверия» (*синь*) и «уступчивости» (*жан*), поведенчески фокусирует этот архетип на норме «ритуала» (*ли*), придает «ритуалу» осознанность посредством «долга» (*и*), скрепляя «ритуалом» и «долгом» семейные и социальные верхи и низы, являя им закон постоянства (*чан*), или, в современном звучании, закон стабильности. В прямом смысле слова Конфуций возродил духовную Вселенную — Феникса (Фэн-Хуана) — из пепла, озвучил его в музыке и слове и светским ритуальным танем задал ему алгоритм действия. Доктрина Конфуция получила детальную разработку в «школе ученых» (*жу цзя*), известной на западе как конфуцианская школа.

Последователь Конфуция, знаменитый теоретик конфуцианства Мэн-цзы, дополнил экономическую составляющую сяо кан. Хотя сам этот термин в трактате «Мэн-цзы» не встречается, но, как считает ряд исследователей, мыслитель не мог обойти его своим вниманием²¹. Свое мнение о сяо кан Мэн-цзы конкретизировал в учении о «гуманном правлении». Как полагает один из современных исследователей истории термина сяо кан Тан Цзыхуан²², свою трактовку сяо кан Мэн-цзы привел в ответе цискому царю Сюань-вану (342–324 до н.э.). На его вопрос: «В чем суть правления, основанного на правилах (*ли*) и долге (*и*)?» Мэн-цзы ответил: «Если вы хотите осуществить такое правление, то надлежит вернуться к самому началу, а именно: пусть все усадьбы в пять *му* будут засажены тузовыми деревьями, тогда пятидесятилетних можно будет одеть в шелка. Пусть [у народа] при разведении кур, поросят, собак и свиней не будут отнимать время, необходимое для их разведения, и тогда сможете накормить мясом и тех, кому семьдесят лет. Пусть у земледельцев, возделывающих поля в 100 *му*, не будут отнимать время, необходимое для этого, и тогда семья в восемь едоков не будет голодать. Уделяйте большое внимание обучению в начальных школах, внушайте там долг сыновней почтительности и братской любви к старшим, и тогда на дорогах не будут попадаться седовласые старики с тяжелой ношей на голове и за плечами. Если у вас старцы будут ходить в шелках и питаться мясом, а простой люд не будет страдать от голода и холода, то невозможно, чтобы такого человека не назвали бы истинным правителем»²³.

Согласно Мэн-цзы, 100 *му* — это оптимальный размер частного пахотного поля. Самое главное, чтобы у крестьянина не отнимали время, необходимое для ведения собственного хозяйства. Не случайно Мэн-цзы дважды повторяет — «не отнимайте время». По всему видно, что он прекрасно знал содержание оды «Минь лао» и понимал суть мечты земледельца, уставшего от

многочисленных государственных повинностей и поборов бюрократии — «отдохнуть», дабы поработать на собственном поле, а вовсе не бездельничать.

В ответе Мэн-цзы прослеживается логическая связь и с концепцией сяо кан, изложенной в «Ли цзи»: реализация сяо кан зависит от умения сочетать принципы «пяти постоянств» (*у чан*), в особенности «ритуала» (*ли*) и «долга» (*и*), ведущих к достижению постоянства (стабильности). Мэн-цзы специально поясняет, каких результатов может достичь правитель, если он руководствуется этими принципами, но делает существенное дополнение: успех придет лишь к тому правителю, который будет уделять пристальное внимание образованию, причем начальному, чтобы воспитать человека долга.

По анализу текстовых фрагментов из «Ши цзина», «Ли цзи» и «Мэн-цзы» можно заключить, что концепция сяо кан выявила основную проблему той эпохи, как она виделась носителям традиции жу — «ученых»: создание нового человека из материала традиционной духовности (*дао-дэ*) и построение новой цивилизации из материала традиционной социальности (*да тун*).

В западной синологии господствует мнение, что сяо кан — это конфуцианская социальная утопия, изредка упоминавшаяся в истории Китая. Однако с такой трактовкой не позволяет согласиться целый ряд фактов. Во-первых, концепция сяо кан входит в общую теорию конфуцианства и является ее неотъемлемой частью; во-вторых, сяо кан структурируется по архетипической системе категорий *у чан* — «пяти постоянств», связанной со всем категориальным строем конфуцианства; в-третьих, это историческая судьба конфуцианской доктрины. Как известно, при Ханях она получила официальный статус, а теория сяо кан, таким образом, обрела практическую детерминанту.

Эта концепция не забывалась и в средние века. Как установил упоминавшийся выше исследователь конфуцианства Тан Цзыхуан, понятие сяо кан встречается в отдельных трактатах эпох Цзинь (265-420) и Сун (960-1279). В них термин сяо кан использовался по преимуществу в двух значениях: «Внутри государства как символ спокойствия и экономического улучшения; внутри семьи как символ относительной зажиточности, когда семья уже не тоскует о тепле и сытости»²⁴. Важно отметить, что не только на теоретическом уровне, но и в народном сознании термин сяо кан запечатлелся именно в этих двух значениях.

Особенно востребованной оказалась концепция сяо кан в конце XIX в., в период движения за модернизацию страны, но не как самостоятельная концепция, а как необходимый этап в построении общества «Великого единения». Эта трактовка была связана с упоминавшимся в начале статьи именем государственного деятеля и реформатора Кан Ювэя. Интерпретируя высказывания Конфуция об идеальном прошлом, сделанные в беседе с учеником Янь Янем, «Кан Ювэй, — отмечает академик С.Л. Тихвинский, — впервые в истории китайской общественной мысли выступил с утверждением, что... Конфуций говорил не о прошлом, а о будущем обществе, и что все прежние комментаторы конфуцианских канонов допускали грубую ошибку, полагая, что период «Великого Единения» — это пройденный этап китайской истории»²⁵. Синология должна быть признательна С.Л. Тихвинскому за фундаментальное исследование социальной доктрины Кан Ювэя, способствовавшее постижению внутренней логики эволюции современной политической культуры Китая.

Термин сяо кан использовался Кан Ювэем лишь в связке с *да тун*, обозначая «эру малого спокойствия», или «эру становления», необходимую для выхода из «эры хаоса». Кан Ювэй истолковал учение Конфуция в духе историкофилософской концепции конфуцианца Хэ Сю (II в.). «Согласно “вновь открытому” Кан Ювэем учению Конфуция — пишет академик С.Л. Тихвинский, — человечество в своем развитии переживает три периода, каждому из которых

должны соответствовать свои собственные законы. После периода “хаоса и смуты” должны последовательно наступить период “становления” и период “Великого Спокойствия”. Для периода “становления” характерны законы “Малого Мира” (т.е. *сяо кан*. — *Авт.*), в период же “Великого Спокойствия” должны вступить в силу законы “эры Великого Единения”»²⁶.

Чан Кайши воспринял концепцию *сяо кан* Кан Ювэя. Это произошло, когда, оказавшись в изгнании на Тайване, лидеры Гоминьдана осознали необходимость более активной апелляции к традиционным конфуцианским ценностям для расширения социальной базы Гоминьдана. При этом значительное влияние на идейные воззрения Чан Кайши оказали давние приверженцы конфуцианства, идеологи Гоминьдана Дай Цзитао и Чэнь Лифу. А.В. Меликсетов указывает, что Чан Кайши в своей работе «Дополнительное описание двух разделов принципа народного благоденствия — воспитание и развлечение» «выступает как истолкователь важнейшего в суньятсенизме теоретического понятия “Миньшэнчжуи” (“Принцип народного благоденствия”), стремясь по новому взглянуть на связь народного благоденствия с Великим Единением (*да тун*)»²⁷. Чан соотнес доктрину *сяо кан* с переходным периодом и конкретизировал ее экономическую составляющую: «...товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы»²⁸. «При сопоставлении трактовок *да тун* и *сяо кан* в работах Чан Кайши, — отмечает А.В.Меликсетов, — выясняется, что строительство общества народного благоденствия идет по ступеням лестницы — от малого спокойствия к великому единению»²⁹.

Насколько комплексно руководство партии Гоминьдан понимало курс на строительство *сяо кан*, отнюдь не сводившийся только к созданию общества свободного предпринимательства, свидетельствует, в частности, обнародованный в ноябре 1972 г. «План *сяо кан*, или Программа ликвидации бедности в провинции Тайвань». План предусматривал расширение благотворительных программ, помощь в трудоустройстве, профессиональном обучении и переподготовке, строительство жилья для малоимущих, развитие образования и социального обеспечения.³⁰

Возвращаясь осенью 1995 г. из Пекина с международной научной конференции, посвященной 2545-летию со дня рождения Конфуция, Л. Переломов на Тайване посетил Чэнь Лифу и преподнес ему как президенту «Фонда Конфуций — Мэн-цзы» свои книги, посвященные Конфуцию и проблемам конфуцианства³¹. Во время беседы разговор коснулся и судьбы идеологемы *сяо кан*, обращение к которой Дэн Сяопина было освещено в одной из книг. По словам Чэнь Лифу, на Тайване удалось реализовать концепцию *сяо кан*, о которой писал Чан Кайши. Причем наибольшую роль в ее реализации сыграла представленная в «Лунь юе» концепция образования, исходящая из идеи всемерного развития просвещения и выдвижения наиболее способных и настойчивых в овладении знаниями (*ю цзяо у лэй* — «в делах образования не должно быть [социальных] различий»)»³². Руководствуясь этой концепцией, отметил Чэнь Лифу, он, будучи министром образования, послал за счет государства десятки тысяч способных молодых людей на учебу на Запад: «То, что Вы видите ныне на Тайване, сделали именно эти ребята».

Через несколько лет, убедившись в реальности и масштабности интеграции понятия *сяо кан* в идеологическую и общественно-политическую жизнь КНР (прямое обозначение этой идеологемы или сущностные стороны выраженной ею концепции присутствуют в материалах ряда съездов КПК, постановлениях ВСНП по развитию экономики Китая в 80-90-е годы), Чэнь Лифу создал ряд эссе, которые можно рассматривать как послание его давним противникам в руководстве КПК. В одном таком эссе он написал: «Ныне китай-

ская культура является основой мирного объединения страны. Усиление научного обмена по исследованию Конфуция и Мэн-цзы между учеными, живущими по обе стороны от Тайваньского пролива, может привести к мирному объединению Китая»³³. И хотя в нынешней политической жизни Тайваня, после утраты Гоминьданом политического лидерства, ярче проявляют себя тенденции к подчеркиванию самобытности культуры островитян, усилия Дэн Сяопина, направленные на установление контакта с лидерами Гоминьдана, не прошли даром. Это обстоятельство представляется тем более существенным, что Гоминьдан остается одной из ведущих политических сил на Тайване.

Как справедливо отмечает российский китаевед К.М. Барский, обращение руководства КНР к тезису *сяо кан* символизировало «конец одной эпохи и начало другой», обозначило «поворот к возрождению национальной культуры». «Как Чан Кайши поднял знамя *сяо кана* на обломках бюрократически-капиталистической системы гоминьдановского Китая, так и Дэн Сяопин выдвинул *сяо кан* в условиях полной дискредитации прежней идеологии и методов экономического строительства. *Сяо кан* стал для китайской цивилизации заимствованным у предков трамплином для созидания нового»³⁴.

Ярким примером усиления внимания руководства КНР к конфуцианской традиции явилось создание на континенте в 1994 г. Международной конфуцианской ассоциации. Перед ней была поставлена задача не только более углубленного исследования роли конфуцианства в современном мире, но и пропаганды его потенциальных возможностей в качестве идейной основы равноправного участия стран конфуцианского культурного региона в процессе глобализации. Председателем МКА был назначен бывший зампред Госсовета КНР Гу Му. На пост почетного Председателя МКА избран президент Сингапура Ли Куанъю, знаковая фигура в конфуцианском культурном регионе. За несколько десятилетий своего правления Ли Куанъю сумел осуществить модернизацию Сингапура, и во многом за счет умелого использования ценностей «народного конфуцианства»³⁵. Тогда же в состав руководства МКА был введен ряд тайваньских ученых-конфуциеведов. Наряду с учеными конфуциеведами к руководству МКА были привлечены крупные представители конфуцианского капитализма из числа тех, кто получил общественное признание в качестве «конфуцианского предпринимателя» (*жу шан*). Официальные встречи членов МКА часто заканчиваются пожеланием «прилагать еще больше усилий ради скорейшего достижения великой цели — объединения родины»³⁶.

Накануне XVI съезда КПК, 25 октября 2002 г., ЦК КПК опубликовал подробную «Программу построения *гунминь дао-дэ*». Словосочетание *гунминь дао-дэ* можно дословно перевести как «гражданская нравственность». Программа, по замыслу ее творцов, должна служить «всестороннему строительству общества *сяо кан* в новую эпоху». Эту программу, состоящую из 40 пунктов, обязаны реализовать все провинции, уезды, министерства и местные органы управления. По существу, речь идет о реализации концепции, принадлежащей бывшему генеральному секретарю ЦК КПК Цзян Цзэминю: об управлении государством не только на основании закона, но и на основании *Дэ* — «добродетели» (*и дэ чжи го*).

Здесь мы вновь сталкиваемся с интерпретацией традиционной конфуцианской концепции первичности морали, невозможности реформирования государства без преобразования человека. Проведение в жизнь такой программы потребует, вероятно, больше времени, нежели реализация экономической политики *сяо кан*. Российской элите, реформаторские начинания которой далеко не во всем успешны, было бы полезно учесть опыт КНР, где проблема гражданской нравственности неразрывна с экономическими преобразованиями.

В заключение необходимо остановиться еще на одной проблеме, связанной с пониманием концепции сяо кан. Это понятие сопряжено со многими другими категориями китайской культуры, смысловые пласты которых накапливались и трансформировались от эпохи к эпохе. В нашем социологическом и политическом словаре для большинства этих понятий попросту нет адекватных наименований. В концепции сяо кан такого рода понятия связаны в системную целостность, у них единый архетипический механизм смыслового наполнения и порядок связи³⁷. В русском же переводе они предстают вне этой целостности. Поэтому непонятным для нас становится и содержание курса на формирование *нового человека Срединной страны* из «материала высокой духовности» в условиях созидания *новой духовной цивилизации*. А это затрудняет построение диалога культур и цивилизаций Китая и России как соседей по единому евразийскому континенту.

В такой ситуации становится насущно необходимым глубокое исследование отечественными учеными и собственными традициями, воссоздание архетипа русской культуры. Сопоставление архетипов русской и китайской культур способно открыть новые возможности для адекватного взаимопонимания и духовного взаимообогащения двух народов.

1. Например, в «Известиях» сяо кан странным образом истолковано как символ эгоизма. См.: Завадский М. Право на «сяо кан». Эгоизм с китайской спецификой // Известия, 19 января 2002 г.
2. В российской печати с обстоятельным анализом понятия сяо кан первым выступил К.М. Барский. См.: Барский К.М. Что такое сяо кан? // Восток. 1992. № 5.
3. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980. С. 335.
4. Дэн Сяопин *вэнь сюань* (Избранные произведения Дэн Сяопина). Т. 2. Пекин, 1983. С. 238.
5. Примечательно, что одновременно с Кан Ювэем, который пытался осуществить реформы в Китае, опираясь на собственные интерпретации конфуцианского наследия, в Японии на во многом аналогичных основаниях действовал Сибусава Эйдзи (1840-1932), давший идеологическое обоснование своих реформ в книге «Лунь юй» и бухгалтерский учет³. В отличие от Кан Ювэя, реформаторские начинания которого в том же 1898 г. потерпели крах, Сибусаве не только удалось модернизировать свою страну и заслужить звание «отца промышленности и банков Японии», но и стать основателем «конфуцианского капитализма», удостоившимся признания во всем конфуцианском культурном регионе. Подробно об этом см.: Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. М., 1998. С. 260-279.
6. Цит. по: Чэнь Кайкэ. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии. М., 2001. С. 5-6.
7. См.: Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». С. 259.
8. См.: Там же. С. 253. Свой промах автор объясняет тем, что ассоциировал обращение Дэн Сяопина к сяо кан с учением одного из столпов раннего конфуцианства — Мэн-цзы (ок. 372—289 до н.э.), который усилил именно экономический аспект данной доктрины. К тому же читатель был адресован ко второй части оды, тогда как иероглифы сяо кан стоят уже в первой строфе.
9. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина. Т. VI. М., 1993. С. 145.
10. Лунь юй (Беседы и суждения). IX. 9.
11. Шань хай цзин (Канон гор и морей). Шанхай, 1985. С. 8.
12. Сыма Цянь. Указ. соч. С. 146.
13. Лунь юй. VIII, 8.
14. Ши цзин: Книга песен и гимнов. Пер. с кит. А. Штукина. Подготовка текста и вступ. ст. Н. Федоренко. Коммент. А. Штукина. М., 1957. С. 246-248)
15. Ши цзин (Канон песен) // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов). Т. 2. Тяньцзинь, 2000. С. 136.

16. См.: Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китацы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 344.
17. Шу цзин (Канон истории) // Шисань цзин чжу шу (Тринадцать канонов с комментариями и пояснениями к комментариям). Т. 1. Пекин, 1983. С. 187-188.
18. Лунь юй. VIII, 21.
19. Там же. XIV, 35; VII, 23; IX, 5, 6; III, 24; XIX, 24, 25.
20. Ли цзи (Записки о ритуалах) // Шисань цзин чжу шу (Тринадцать канонов с комментариями и пояснениями к комментариям). Т. 2. Пекин, 1983. С. 1413.
21. Кун Фаньцзин. Кун-цзы взньхуа да цзянь (Большой словарь конфуцианской культуры). Пекин, 1994. С. 164-165.
22. См.: Там же.
23. Ян Боцзюнь. «Мэн-цзы» и чжу («Мэн-цзы» с переводом на байхуа и комментариями). Т. 1. Пекин, 1998. С. 17.
24. Кун Фаньцзин. Указ. соч. С. 164-165.
25. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX в. М., 1980. С. 258.
26. Там же. С. 262.
27. Меликсетов А.В. Можно ли определить модернизацию КНР в конфуцианских понятиях? // Общество и государство в Китае. М., 1990. С. 215.
28. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана (1927-1949 гг.). М., 1977. С. 237.
29. Там же.
30. Барский К.М. Указ. соч. С. 48.
31. Эти книги — «Слово Конфуция» (М., 1992), «Книга правителя области Шан» (М., 1968, 1994), «Конфуций: жизнь, учение, судьба (6 в. до н.э. — 1990 г.)» (М., 1993) — были изданы за счет гранта Фонда Цзян Цзинго (сына Чан Кайши).
32. Лунь юй. XV. 39.
33. Чэнь Лифу. Чжунхуа хэ и цзян хуэй куан шоу шижэнь чун цзин (Каким образом китайская культура сможет заслужить уважение всех людей, чтобы стать фундаментом незыблемого мирного существования). Тайбэй, 1997. С. 21.
34. Барский К.М. Указ. соч. С. 50.
35. Подробнее об этом см.: Переломов Л.С. Конфуций: Лунь юй. С. 268-271.
36. См.: Гоцзи жусюэ лянхэхуэй гунцзо тунбао (Информационный бюллетень о работе МКА). 18 апреля 2002. № 4. С. 3-5.
37. См.: Лукьянов А.Е. Генезис нравственных категорий (конфуцианское человеколюбие — жэнь) // Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М., 1999. С. 480-497.

Положение в Центральной Азии и интересы КНР в регионе: оценки китайских политологов

© 2003

А. Волохова

Проблемы безопасности в Центральной Азии нельзя рассматривать без всестороннего учета китайского фактора. Поэтому целесообразно рассмотреть существующие в КНР на современном этапе подходы к проблемам Центрально-Азиатского региона на основе работ китайских авторов с привлечением мнений некоторых специалистов из России и стран Центральной Азии.

Следует отметить несколько важных, на наш взгляд, характерных особенностей в оценках ситуации в Центральной Азии, даваемых китайскими политологами.

1. Значительное внимание Центрально-Азиатскому региону в КНР стало уделяться с начала 1990-х гг., что объясняется прежде всего изменением геополитических условий в мире после распада СССР. По мнению китайских аналитиков, Центральная Азия вызвала к себе интерес "основных игроков" на международной арене, во-первых, как важный район в геостратегическом отношении и, во-вторых, как регион, богатый стратегически важными ресурсами (нефть, природный газ).

Вместе с тем китайские специалисты в своих публикациях, как правило, ограничиваются самыми общими оценками геостратегической и геополитической значимости Центральной Азии, предпочитая иногда приводить более определенные оценки западных авторов. Так, например, китайский политолог Ли Динсинь свою статью "Центральная Азия: за кулисами антитеррористической кампании" начинает с обширного цитирования не называемого им по имени "британского военного стратега", который считает Центральную Азию и соседние с ней районы "сердцем" мировой политики, а Евразийский массив, где находится это "сердце", "мировым островом", утверждая, что тот, кто владеет "сердцем", будет контролировать и "остров"¹. В данном случае Ли Динсинь, как мы выяснили, не совсем точно приводит слова Х.Маккиндера – классика британской геополитики, опустив, в частности, вторую часть его силлогизма: "Кто влиятелен в Евразии, тот контролирует весь мир"². Однако в общем китайский политолог согласен с британским геополитиком. Сходные взгляды, видимо, достаточно распространены среди китайских специалистов. Руководитель отдела Южной Азии Института международных исследований Ли Гуфоу, в частности, указывал, что регион Центральной Азии представляется Америке основным гарантом ее евразийской стратегии, а России также нужна Центральная Азия, если она хочет восстановить свой статус одной из ведущих держав мира³.

В то же время, как уже отмечалось, китайские авторы избегают давать достаточно определенную геополитическую оценку значимости региона Центральной Азии для КНР, говоря, как правило, только о протяженности границы со странами Центральной Азии (3335 км) и о том, что Центральная Азия представляет собой "промежуточный регион", буфер между Китаем и "другими силами".

2. В последнее время у китайских экспертов вызывает тревогу активность США в Центральной Азии, включение ее в сферу стратегических и экономических интересов США. Они делают упор на то, что с приходом к власти администрации Буша США существенно изменили свою политику по отношению к Центральной Азии, продемонстрировав большую вовлеченность в дела региона. "Установление своей сферы влияния и контроля над нефтяными ресурсами Центральной Азии стало основной целью американской политики", - пишет Ли Динсинь. Очень встревожил китайских специалистов и факт предоставления Узбекистаном своих аэродромов США в ходе антитеррористической операции в Афганистане, что было расценено как "в первый раз формальное вступление войск США в Центральную Азию". В целом же, по мнению Ли Гуфоу, США стремятся к тому, чтобы в странах Центральной Азии получили развитие элементы западной экономической и политической системы, а также к активному участию в энергетических проектах в регионе. Вместе с тем Ли Гуфоу признает, что на данном этапе США заинтересованы в ликвидации внутренних конфликтов в регионе и в создании определенного режима безопасности в нем.

3. Многие китайские специалисты указывают на рост угрозы исламского экстремизма в странах Центральной Азии, а также на превращение региона в один из основных источников международного терроризма, незаконной торговли оружием, транзита наркотиков, что нарушает стабильность не только в регионе, но и во всем мире. Вину за это Ли Динсинь, например, во многом возлагает на Запад, который "повернулся спиной" к странам Центральной Азии, оказавшимся в крайне сложном экономическом положении после распада СССР, что, с одной стороны, вызвало рост исламского экстремизма, а с другой - не позволило молодым государствам Центральной Азии достаточно эффективно бороться с терроризмом, транзитом наркотиков и незаконной торговлей оружием.

4. Китайские специалисты значительное внимание уделяют роли России в Центральной Азии и ее политике в регионе. Они единодушны в том, что Россия в первое время после распада СССР "устранилась" из Центральной Азии, чем воспользовались "другие державы", но затем "вернулась" в регион, чему способствовали такие события, как гражданская война в Таджикистане, этнические конфликты между Киргизией и Узбекистаном, война в Афганистане.

Роль России в регионе представляется китайским экспертам очень существенной. Сотрудник Института Азии и Тихого океана АОН КНР Тан Шипин полагает, что "Россия остается доминирующей силой в Центральной Азии", называя последнюю "все еще задним двором России"⁴. Ли Гуфоу, в свою очередь, пишет, что в 2001 г. после встреч президента В.В.Путина с руководителями стран Центральной Азии и заключения ряда соглашений между Россией и странами Центральной Азии "влияние России снова вернулось в регион", и оно, по всей вероятности, будет усиливаться.

Китайские эксперты выделяют в политике России в Центральной Азии две основные составляющие. Первая - обеспечение безопасности России, поскольку страны Центральной Азии являются ее южными соседями, и ей важно спокойствие на южных границах. Вторая - развитие экономических связей со странами Центральной Азии. Хотя у России якобы нет прямого интереса к обильным центральноазиатским минеральным ресурсам, контроль над транзитом их в другие государства "будет приносить выгоды России и в экономическом, и в политическом плане". Россия заинтересована также в укреплении светских политических режимов в странах Центральной Азии, которые противодействовали бы распространению исламского экстремизма.

В работах китайских авторов подчеркивается, что Россия внимательно следит за всеми попытками проникновения других держав в Центральную Азию и, по выражению Ли Гуфоу, “старается ставить палки в колеса внешних сил, особенно Западу”, но в чем это конкретно проявляется, китайский аналитик не раскрывает.

Несколько иной точки зрения придерживается директор Китайского института международных исследований Ян Чэнсю, который пишет, что после событий 11 сентября 2001 г. президент России В.В.Путин “изменил свои взгляды на роль США в Центральной Азии”, и Россия вместе с европейскими странами и Японией “встала по одну сторону баррикад с США, что выгодно последним”.

Что же касается отношения к китайской политике в Центральной Азии, то вскользь упоминается о том, что Россия не хочет большого вовлечения Китая в этот регион и что Китай действует там осторожно, не предпринимая никаких инициатив без согласования с Россией (Тан Шипин).

5. Китайские политологи делают явный акцент на существующее и тем более вероятное в будущем российско-американское усиление соперничества в Центральной Азии. Они считают, что американцы нацеливают свою политику “на вытеснение” России из региона, что Россия и США сейчас соперничают друг с другом за Центральную Азию, хотя они и объединяют силы в борьбе с терроризмом в этом регионе. При этом российско-американское сотрудничество в антитеррористической борьбе, как представляется китайским политологам, не меняет существа стратегического конфликта между Россией и США: стремления поддерживать баланс и соперничать будут определять их отношения в будущем. Более резко высказывается Ли Гуфоу, который заявляет, что “конечная цель США заключается в освобождении региона от господства России. А если это будет невозможно, то хотя бы ослабить это господство, обуздать Иран и другие силы исламского фундаментализма”.

6. В китайских публикациях, посвященных Центральной Азии, больше внимания уделяется международным проблемам и меньше – положению в странах Центральной Азии. В общих чертах отмечаются большие трудности, которые переживали новые государства Центральной Азии в 1990-е гг., перечисляются конфликты, которые осложняли их экономическое и социальное развитие, указывается на рост исламского фундаментализма, экстремизма и сепаратистских тенденций. Вместе с тем в последнее время китайские авторы усматривают и определенные достижения в регионе: некоторую стабилизацию экономических и политических систем стран региона, а также развитие процесса строительства различных режимов региональной и межрегиональной безопасности.

* * *

Выше уже упоминалось, что китайские эксперты очень сдержанно оценивают геостратегическое значение Центральной Азии для Китая. Равным образом они довольно скупо высказываются и об интересах Китая в этом регионе.

Главную угрозу для Китая, исходящую из Центральной Азии, они видят в данное время прежде всего в усилении исламского фундаментализма и экстремизма, которые подпитывают национально-сепаратистское движение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР.

Проникновение и деятельность на территории СУАР “Восточнотуркестанской исламской партии”, “Восточнотуркестанского исламского движения” и других подобных “организаций”, как отмечается в китайских публикациях, негативно влияют на ход экономического развития в западных регионах КНР, затрудняют выполнение программ по социально-экономическому развитию СУАР, “наносит серьезный ущерб экономическому развитию, единству национальностей, социальной стабильности в пограничном районе Китая”⁶.

Об экономических интересах КНР в регионе говорится значительно меньше, хотя и констатируется, что Китай заинтересован в доступе к нефти, а

также в рынках сбыта для своих товаров опять-таки прежде всего в целях стимулирования развития СУАР.

Довольно сложно по китайским публикациям составить реальную картину того, что происходит в СУАР, поскольку освещение положения в этом районе фактически жестко контролируется. В начале 2002 г. в Пекине состоялось закрытое совещание руководителей ведущих СМИ, партийных чиновников и дипломатов, на котором было подчеркнуто, что публикации и выступления о положении в "неспокойных регионах" (Синьцзян, Тибет) не должны наносить ущерба общественному порядку и социальной стабильности и в то же время должны способствовать формированию у мирового сообщества правильного понимания сути китайской политики.

Надо отметить, что эта установка активно выполняется, тем более, что официальная позиция по оценке положения в СУАР и деятельности там сепаратистских организаций сформулирована Управлением информации Госсовета КНР и пропагандируется китайскими представителями, выезжающими за рубеж. Так, в конце 2001 года на "круглом столе" в Институте Дальнего Востока РАН на тему "Центральная Азия: международное сотрудничество и проблемы безопасности" заместитель директора Института научно-технической политики при Комитете по науке и технике СУАР Чжан Чжун выступил с основным докладом китайской делегации не на тему об основных направлениях развития СУАР, а на тему "Организация "Восточный Туркестан" представляет угрозу безопасности Китая". Основные положения этого доклада совпадают с положениями документа Госсовета⁷.

В документе же особый упор сделан на то, что в течение длительного времени и особенно в 90-е гг. XX века террористические силы и сепаратисты, выступающие за создание независимого государства Восточный Туркестан (само это понятие исторически связывается с действиями "старых колониалистов", стремившихся к расчленению Китая), организовывали террористические акты в СУАР – взрывы, убийства представителей местной власти, поджоги и вооруженные нападения. Только в период с 1990 по 2001 гг. террористические силы "Восточного Туркестана" вне и внутри Китая осуществили более 2000 террористических акций, убили 162 человека и ранили более 400. У них функционировали базы в отдельных районах Синьцзяна, где обучались террористы, а также имелись склады оружия и боеприпасов. Эти силы, подчеркивают китайские авторы, являются составной частью международных террористических сил, а "Восточнотуркестанское исламское движение" во главе с Хасаном Махсумом непосредственно направляется Усамой бен-Ладеном, получает от него финансовую и кадровую помощь и ставит целью создание теократического исламского государства в Синьцзяне. Разговоры о "защите прав человека", религиозных свободах и интересах национальных меньшинств служат лишь прикрытием для террористических действий.

Китайское правительство выступает против терроризма в любой форме, но в то же время оно против применения двойных стандартов в подходе к проблеме терроризма (что присуще, по мнению китайских экспертов, США), так как любая терпимость или снисходительность в отношении террористических сил "Восточного Туркестана" вредит не только Китаю.

Исламские экстремистские организации, действующие в СУАР ("Исламская реформистская партия", "Исламская партия Восточного Туркестана" и др.), используют непростую религиозную ситуацию, сложившуюся в этом автономном районе Китая, о которой свидетельствует, в частности, "Доклад об обследовании правильного познания и разрешения в новых условиях религиозной проблемы в Синьцзяне", подготовленный специальной проблемной группой комитета КПК СУАР.

В докладе говорится о "подъеме ислама" в СУАР в 80-х гг. XX века, значительном увеличении числа мечетей и молитвенных домов и массовом строительстве их особенно в сельских районах, открытии частных медресе и

школ для изучения Корана (последнее происходит несмотря на запрещение властей, но верующие мусульмане поддерживают частные медресе и посылают туда на учебу своих детей). В результате количество подобных заведений растет из года в год; санкции и штрафы со стороны властей не меняют дела, а иногда в этих учебных заведениях проповедуются религиозный фанатизм и национальная рознь, осуждается политика властей.

Довольно примечательно, что среди основных проблем в религиозной сфере на первом месте названа проблема негарантированности свободы атеизма. Отношение исповедующих ислам национальностей СУАР (уйгуры, казахи, хуэй, киргизы, узбеки и др.) к атеистам, как правило, членам КПК и китайского комсомола, является резко негативным: "Некоторые уйгуры с такими людьми не здороваются, не навещают, во время болезни, не помогают, когда это нужно, не поздравляют с праздниками, не порождаются". Другими проблемами являются "религиозный бум" и противоречия внутри ислама (раскол среди его приверженцев), способствующие распространению идеологии религиозного экстремизма, приверженцев которого насчитывается около 10 тыс. человек.

Однако корни религиозных и национальных проблем лежат прежде всего в социально-экономических условиях СУАР, что признается и авторами вышеупомянутого доклада. Среди мер и предложений, касающихся правильного разрешения религиозных проблем в Синьцзяне, первой названо ускорение его экономического развития, что позволило бы заложить "материальную базу для решения религиозных проблем". "Бедность и темнота — глубинные причины религии, лишь победив их, можно создать условия для решения проблемы религии. Одними разговорами этого не добиться, для этого нужно развивать экономику, поднимать культуру и жизненный уровень".

Несколько другой точки зрения придерживается французский исследователь Николя Бекелин, опубликовавший очень содержательную статью о положении в Синьцзяне в 90-е гг. XX в.⁸ Он полагает, что религиозный исламский фактор в Синьцзяне не следует считать основным источником нестабильности. Подробно осветив проблемы, которые порождаются массовым переселением в СУАР ханьцев, он приходит к выводу, что именно политика "китаизации" Синьцзяна усиливает межэтнические конфликты и вызывает растущую оппозицию властям со стороны местного, в подавляющем большинстве мусульманского по религиозной принадлежности населения, которую и используют исламские экстремисты.

Вполне логично, что в триаде угроз, исходящих из Центральной Азии, китайские специалисты на первое место ставят национальный сепаратизм, затем религиозный экстремизм и международный терроризм.

Таким образом, все основные проблемы региона Центральной Азии китайская сторона на данном этапе склонна рассматривать с точки зрения того, насколько те или иные действия способствуют, во-первых, борьбе с сепаратистскими движениями, развитию СУАР и, во-вторых, движению СУАР в том направлении, которое определяется Пекином.

Что же касается геостратегических интересов, то Китай старается действовать достаточно осторожно, укрепляя двусторонние отношения с государствами Центральной Азии, стремясь быть для них в какой-то мере примером во внешней политике и в проведении реформ и подчеркивая общность их интересов, возможность поддержки их со стороны Китая, в случае если действия других держав будут угрожать их интересам. Откровеннее других написал об этом Ли Гуфю: "В то время как Соединенные Штаты и Россия стараются проникнуть в регион, страны Центральной Азии нуждаются в поддержке Китая для их нейтрализации".

Ряд аналитиков из государств Центральной Азии весьма справедливо, на наш взгляд, считают, что Китай в принципе заинтересован в развитии системы региональной безопасности в Центральной Азии, выступая, в частности, за закрытость зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Вы-

сказывается также мнение, что КНР не слишком заинтересована в успешном экономическом и политическом развитии государств Центральной Азии, так как опасается, что они станут привлекательным примером независимого развития для тюркских национальных меньшинств в Синьцзяне¹⁰.

Несомненно, однако, что Китаю необходима определенная политическая стабильность в Центральной Азии, которая может достигаться борьбой против террористических сил, стремящихся использовать регион Центральной Азии в качестве базы международного терроризма. В этом, естественно, заинтересована и Россия, поэтому справедливы мнения китайских и российских экспертов об определенном единстве интересов двух стран в Центральной Азии. Так, видный китайский политолог Ся Ишань подчеркивает, что "интересы России и Китая в Центральной Азии совпадают, особенно для поддержания политической стабильности в регионе", и что "перед Китаем и Россией стоят общие проблемы обуздания сил, использующих Центральную Азию в качестве базы расширения и углубления национального сепаратизма, религиозного экстремизма, международного сепаратизма"¹¹. Большое значение придает центральноазиатскому направлению в китайско-российских отношениях Тан Шипин, считающий, что "от того, смогут ли Россия и Китай разумно построить свои отношения в регионе Центральной Азии и достичь конструктивного *modus vivendi*, будут зависеть и стратегическое партнерство, и положение в этом регионе"¹².

Вместе с тем китайские эксперты видят и ограниченность общности интересов России и Китая в Центральной Азии. Директор Института международных исследований университета Цинхуа Янь Сюэтун признает, что существующее в настоящее время сотрудничество между Китаем и Россией основывается "в огромной степени" на антитерроризме, и прогнозирует возможность возобновления противоречий в регионе Центральной Азии между крупными державами¹³. Сходные оценки делаются и ведущими российскими исследователями международных отношений, в частности Е.П.Бажановым, который пишет: "В целом КНР является одной из тех внешних сил, которые заполняют вакуум, образовавшийся в Центральной Азии после распада СССР. Учитывая стратегическую важность этого региона для России, в будущем он может превратиться в объект острой конкуренции между Москвой и Пекином"¹⁴.

1. Beijing Review. 2001. No. 50. P. 8.
2. <http://www.aina.kz/polpos//23.10.2001.14.57.htm>
3. Аму-Дарья. Тереран. 2001. № 2. С. 128-129.
4. Asian Survey. Berkely. 2000. No. 2. P. 368.
5. Азия и Африка сегодня. М. 2002. № 3. С. 49; Beijing Review. 2001. No. 50. P. 8.
6. International strategic studies. Beijing. 2002. No. 1. P. 11.
7. Проблемы Дальнего Востока. М. 2002. № 1. С. 168-169; East Turkistan terrorist forces cannot get away with impunity//Beijing review. 2002. No. 5. P. 14-23.
8. Vecquelin N. Xinjiang in the nineties//China journal. Canberra. 2001. No. 1. P. 65-90.
9. Аму-Дарья. Цит. ст. С. 130.
10. Проблемы Дальнего Востока. М. 2000. № 4. С. 42-45; Центральная Азия и Кавказ. Лумба. 2001. № 1. С. 20.
11. Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности. М. 2001. С. 354.
12. Asian survey. Op.cit. P. 360
13. Beijing review. 2002. No. 1. P. 11.
14. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Т. 2. М. 2002. С. 463; см. также: В.Бушков, И.Мажаров, А.Собянин. Россия в Средней Азии//Россия и мусульманский мир. М. 2001. № 4. С. 55-56.

К вопросу о «консенсусе 92 г.»

© 2003

Г. Зиновьев

В апреле текущего года исполнилось десять лет со дня знаменательной встречи в Сингапуре представителей КНР и Тайваня — председателей Ассоциации отношений между берегами Тайваньского пролива и Фонда обменов через пролив Ван Даоханя и Гу Чжэньфу, встречи, на которой впервые со времени окончания гражданской войны в Китае стороны занялись поиском взаимоприемлемого понимания принципа «одного Китая». Как известно, эта встреча стала возможной после рабочих переговоров 1992 г., на которых был достигнут «консенсус».

Учитывая нынешний непростой характер отношений между Пекином и Тайбэем, представляется важным обратиться к событиям десятилетней давности и рассмотреть, как в то время осуществлялись контакты между ними, как тогда стал возможен компромисс, которого удалось достичь по политическому вопросу первостепенной значимости. Это тем более актуально, что между материком и островом, а также между различными политическими силами на самом Тайване существуют разные интерпретации событий 1992 г., получивших название «консенсус 92 г.».

Для того, чтобы лучше понять суть проблемы, необходимо восстановить хронологию основных событий тех лет.

Вслед за снятием на Тайване запрета на посещение материка в 1986 г. связи между людьми, разделенными Тайваньским проливом, равно как и не-прямое экономическое сотрудничество между его берегами стали лавинообразно расширяться.

После смерти 13 января 1988 г. президента Цзян Цзинго его обязанности перешли к вице-президенту Ли Дэнхуэю, который в марте 1990 г. был избран Национальной Ассамблеей президентом сроком на шесть лет. В то время Ли Дэнхуэй, прежде всего в интересах укрепления своей власти и престижа в обществе, взял курс на развитие сотрудничества с материком. КНР, в какой-то мере оказавшаяся в международной изоляции после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., была также заинтересована в налаживании отношений с другим берегом Тайваньского пролива. Это содействовало улучшению имиджа Китая, прежде всего в США, а также, что более важно, помогало решить вопросы развития внешнеэкономических связей и привлечения инвестиций в условиях наложенных ведущими странами Запада экономических санкций. С 1990 г. личный посланник Ли Дэнхуэя Су Чжичэн неоднократно тайно встречался с китайскими представителями, отвечавшими за работу с Тайванем, в том числе с Ян Сыдэ и Ван Чжаого, возглавлявшими Канцелярию по делам Тайваня Госсовета КНР, а также с председателем Ассоциации отношений между берегами Тайваньского пролива Ван Даоханем. Таким образом, между

Зиновьев Георгий Вениаминович, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Представительства Московско-Тайбэйской координационной комиссии.

Пекином и Тайбэем установился необходимый уровень взаимного доверия, чтобы от тайных переговоров перейти к открытым контактам¹.

21 сентября 1990 г. на Тайване был создан консультативный орган, возглавляемый президентом — Совет государственного объединения, в который вошли представители различных слоев общества².

23 февраля 1991 г. этот Совет принял Программу государственного объединения, которая была одобрена президентом 5 марта 1991 г.

В первом пункте раздела «Принципы» данной программы говорится, что «как материк, так и Тайвань являются территорией Китая; содействие объединению государства должно быть общей обязанностью китайцев».

Программа подразумевает, что процесс объединения будет включать три стадии. На первой - стороны пролива развивают неофициальные контакты, связи между людьми, отказываются от использования силы, заявляют об уважении юрисдикции друг друга над соответствующей территорией, признают взаимное существование друг друга как политических образований. На второй - учреждаются каналы официальных контактов для установления прямых почтовых, транспортных и торговых связей через Тайваньский пролив, наносятся официальные визиты. Затем наступает третья стадия — формируется консультативный орган для «совместного обсуждения великой задачи объединения и разработки конституционной системы для демократического, свободного и процветающего Китая»³.

14 марта того же года Программа была принята тайваньским правительством в качестве руководящих принципов в отношениях между берегами пролива.

18 января 1991 г. по рекомендации Совета государственного объединения и администрации президента парламент острова одобрил учреждение структуры министерского уровня для ведения дел, связанных с материковым Китаем — Комитета по делам материка (КДМ).

8 февраля 1991 г. была создана особая структура для неофициальных контактов и переговоров с материком — Фонд обменов через пролив (далее — Фонд). Его возглавил председатель Государственной ассоциации промышленности и торговли, член Центрального постоянного комитета Гоминьдана Гу Чжэньфу. Генеральным секретарем Фонда стал Чэнь Жунцзе, который в настоящее время занимает пост руководителя Представительства Тайбэйско-Московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству в Москве. Фонд на две трети финансируется из бюджета, а на одну треть — за счет добровольных взносов. Ему было поручено решение таких задач, как легализация документов, выданных на материке, депортация беженцев, решение торговых споров, развитие культурных и научных контактов, защита законных прав тайваньских граждан на материке⁴. Фонд стал единственной организацией, уполномоченной правительством вести переговоры и осуществлять другие прямые контакты с материком.

1 мая 1991 г. Ли Дэньхуэй объявил о прекращении «Периода мобилизации для подавления коммунистического мятежа», введенного в 1949 г. и замораживавшего действие Конституции, а также о прекращении состояния войны с «коммунистическим Китаем» и об отказе от использования военной силы для объединения государства.

7 июля 1991 г. Канцелярия по делам Тайваня ЦК КПК опубликовала заявление по вопросу отношений между материком и островом, в котором подтверждается отказ КНР от обещаний воздерживаться от использования силы для решения тайваньского вопроса. «Эта позиция, — подчеркивалось в заявлении, — никоим образом не направлена против народа на Тайване, она направлена против вмешательства иностранных сил в процесс объединения Китая, а также против «независимости Тайваня». В заявлении выражалась обеспокоен-

ность активизацией «сторонников независимости», оно предостерегало против попыток создания «двух Китаев», «одного государства, двух правительств» или «независимого Тайваня». В то же время в нем содержался призыв установить «три прямых сообщения» (почтовое, торговое, транспортное), осуществить прямые контакты между КПК и Гоминьданом. В заявлении также содержалось положение что «при условии признания принципа одного Китая», возможно обсуждение других вопросов, в которых заинтересованы власти Тайваня⁵.

6 декабря 1991 г. на материке был учрежден партнер Фонда по переговорам — также формально неправительственная Ассоциация отношений между берегами Тайваньского пролива (далее — Ассоциация). Председателем Ассоциации стал бывший мэр Шанхая Ван Даохань. Заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации, бывший генеральный консул КНР в Сан-Франциско Тан Шубэй сообщил, что данная организация будет в основном укреплять неофициальные контакты и обмены, сотрудничать с компетентными органами Тайваня в борьбе с пиратством и контрабандой, урегулировать споры между сторонами⁶.

Между двумя структурами начались контакты на рабочем уровне. В ноябре 1991, а затем в марте 1992 г. в Пекине прошли рабочие переговоры, которые не принесли каких-либо результатов, но выявили приоритеты сторон. Тайваньские переговорщики предлагали, не затрагивая политических вопросов, обсуждать практические проблемы, которые необходимо решать для развития обменов через пролив, прежде всего касающиеся легализации документов и осуществления не прямых почтовых связей через Гонконг. Китайская сторона настаивала на необходимости определиться по принципиальному политическому вопросу для того, чтобы стал возможен практический диалог. Этот вопрос — признание принципа «одного Китая». В марте 1992 г. Ассоциация предложила пять формулировок, в каждой из которых содержалась фраза о том, что легализация документов является внутренним делом Китая или что стороны придерживаются принципа «одного Китая»:

1. Вопросы использования документов берегами пролива являются внутренним делом Китая.

2. Вопросы использования документов берегами пролива являются делом Китая.

3. Вопросы использования документов берегами пролива являются делом Китая. Учитывая нынешнюю реальность, когда берега пролива имеют разные системы (вариант — государство еще не до конца объединилось), такого рода дела имеют специфику.

4. В процессе объединения, к которому одинаково стремятся берега пролива, обе стороны, придерживаясь принципа одного Китая, должным образом решают вопросы использования документов, легализованных берегами пролива (вариант — и другие обсуждаемые проблемы).

5. Ассоциация, Китайская ассоциация нотариусов и Фонд основываются на консенсусе о принципе одного Китая, которого придерживаются оба берега пролива⁷.

Тайваньская сторона не приняла ни одного из этих вариантов, однако стала искать пути выхода из тупика. Комитет по делам материка в конце апреля 1992 г. разработал пять ответных формулировок, которые были переданы Фонду для продолжения переговоров:

1. Обе стороны придерживаются принципа «один Китай, два паритетных политических образования».

2. Обе стороны придерживаются принципа «стремиться к одному демократическому, свободному, процветающему Китаю, дела между двумя сторонами пролива являются делом китайцев».

3. Учитывая, что берега пролива долгое время находятся в разделенном состоянии, в процессе их совместных усилий по объединению стороны полагают необходимым должным образом решать вопросы легализации документов (вариант — и другие обсуждаемые проблемы).

4. Стороны придерживаются принципа «стремиться к одному мирному, демократическому, объединенному Китаю».

5. Стороны придерживаются принципа «стремиться к мирному демократическому объединению сторон пролива»⁸.

Тайваньская сторона опасалась, что объявив о признании принципа «одного Китая», она попадет в ловушку⁹. КНР же стремилась фиксировать в двусторонних документах с партнерами по дипломатическим отношениям свою позицию по тайваньскому вопросу, которую можно свести к т.н. «тройной формуле»: есть только один Китай, Тайвань является частью Китая, правительство КНР является единственным законным представителем Китая. Таким образом, принимая принцип «одного Китая», Тайвань как бы соглашался с интерпретацией материкового Китая, зафиксированной в международных документах. Чтобы избежать этого, на острове, где принадлежность Тайваня к Китаю еще не ставилась под сомнение на официальном уровне, стали думать над формулировками, которые при подтверждении приверженности принципу «одного Китая» давали бы ему интерпретацию, отличную от пекинской. Работа в этом направлении велась тем более активно, что практические интересы тайваньского бизнеса на материке требовали решения ряда конкретных вопросов (легализация документов, почтовое сообщение и т.д.). Без урегулирования проблемы толкования «одного Китая», как поняли в Тайбэе, решить их было бы невозможно.

1 августа 1992 г. Совет государственного объединения одобрил резолюцию о сути принципа «одного Китая». В ее первом пункте говорилось: «Оба берега пролива придерживаются принципа «одного Китая», однако каждый дает ему различное толкование. Власти коммунистического Китая считают «одним Китаем» Китайскую Народную Республику, полагая, что Тайвань после объединения Китая в будущем станет особым административным районом под ее управлением... Мы подразумеваем под «одним Китаем» Китайскую Республику, существующую со времени ее основания в 1912 г., суверенитет которой распространяется на весь Китай, хотя лишь Тайвань, Пэнху, Цзиньмэнь и Мацзу находятся под ее управлением. Тайвань является частью Китая. Материковый Китай также является частью Китая». Второй пункт гласил: «Начиная с 1949 г., Китай временно находится в состоянии раскола, два политических образования по отдельности управляют сторонами Тайваньского пролива. Это объективный факт, и любые предложения по объединению не могут игнорировать наличие данного факта»¹⁰.

27 августа Ассоциация сделала заявление о том, что оба берега Тайваньского пролива придерживаются принципа «одного Китая», и таким образом этот принцип уже стал консенсусом между двумя сторонами в их рабочих переговорах. Обращает на себя внимание, что в заявлении цитировалась только начало фразы из первого пункта резолюции Совета государственного объединения («оба берега пролива придерживаются принципа «одного Китая») и опускалась ее заключительная часть («однако каждая из них дает ему различное толкование»)¹¹.

28-30 октября 1992 г. в Гонконге прошли рабочие переговоры, на которых тайваньскую сторону представлял начальник юридического отдела Фонда Сюй Хуэйю, а китайскую — заместитель начальника консультационного управления Ассоциации Чжоу Нин. В первый день переговоров китайская сторона вновь изложила свои пять формулировок принципа «одного Китая». Не-

смотря на первоначальный отказ тайваньской делегации обсуждать политические вопросы, связанные с «одним Китаем», она 29 октября пошла на то, чтобы озвучить свои домашние заготовки. Состоялись напряженные консультации по нахождению взаимоприемлемых формулировок. На базе первоначальных пяти вариантов тайваньские переговорщики разработали еще три:

1. Ввиду того, что Китай все еще временно пребывает в состоянии раскола, в процессе прилагаемых берегами пролива совместных усилий, направленных на объединение государства, следует надлежащим образом решить вопрос легализации документов для обеспечения интересов граждан обеих сторон, поскольку обмена между нами все более учащаются.

2. Легализация документов берегами пролива является делом китайцев с обеих сторон.

3. В процессе прилагаемых берегами пролива совместных усилий, направленных на объединение государства, обе стороны придерживаются принципа одного Китая, хотя имеют разное толкование содержания понятия «один Китай». С учетом все более учащающихся обменов между людьми по обе стороны пролива для обеспечения их интересов следует надлежащим образом решить вопрос легализации документов¹².

Получив одобрение со стороны Комитета по делам материка, тайваньская сторона выдвинула эти три формулировки. Она же предложила, чтобы стороны выразили свои позиции в устной форме. Как отмечают китайские исследователи, представители Ассоциации записали слово в слово тексты формулировок, продиктованные тайваньской стороной¹³.

Представитель материка ответил, что Ассоциация рассмотрит предложение Фонда. Очевидно, у переговорщика рабочего уровня, каким был Чжоу Нин, не было полномочий и директив на принятие каких-либо предложений тайваньской стороны. 1 ноября делегация Ассоциации покинула Гонконг. Представители Фонда ждали возобновления переговоров до 5 ноября, а затем вернулись в Тайбэй.

Таким образом, переговоры в Гонконге не завершились достижением какого-либо компромисса. Вместе с тем, переговорный процесс, начатый в Гонконге, не прекратился. В то время как делегация Фонда все еще ждала возвращения своих партнеров с материка, 3 ноября 1992 г. произошел ряд важных событий.

Агентство «Синьхуа» 3 ноября опубликовало сообщение, которое гласило: «Представитель Ассоциации заявляет, что на рабочих переговорах берегов пролива по вопросам легализации документов достигнут очень большой прогресс». В сообщении также указывалось, что «Ассоциация принимает предложение Фонда о том, чтобы выразить принцип одного Китая в устной форме, и готова провести отдельно консультации о том, каково конкретное содержание данного принципа». Со ссылкой на неназванного представителя Ассоциации отмечалось, что «начиная с рабочих переговоров в Пекине в марте с.г. (1992 г. — Ред.), ответственные сотрудники Канцелярии по делам Тайваня Госсовета и Ассоциации неоднократно открыто заявляли о необходимости рабочих переговоров по вопросам отношений между двумя берегами пролива, чтобы выразить принцип одного Китая, не касаясь, однако, политического содержания понятия «один Китай», при этом способ выражения можно исчерпывающе обсудить, а также о желании выслушать мнение Фонда. В ходе нынешних рабочих переговоров Фонд предложил, чтобы Ассоциация и Фонд каждый выразили принцип одного Китая в устной форме». Представитель Ассоциации заявил, что, изучив предложение Фонда, Ассоциация уважает и принимает его. «Что касается конкретного содержания устного выражения, то по этому вопросу будут проведены отдельные консультации»¹⁴.

В тот же день заместитель генерального секретаря Ассоциации Сунь Яфу известил по телефону генерального секретаря Фонда Чэнь Жунцзе о том, что Ассоциация «уважает и принимает» предложение Фонда.

После звонка Сунь Яфу и появления сообщения «Синьхуа» 3 ноября Фонд выпустил пресс-релиз, в котором, в частности, говорилось: «Ассоциация в ходе нынешних консультаций в Гонконге настаивала на том, что принцип «одного Китая» должен «быть выражен». Фонд, заручившись согласием компетентных органов, может принять это в форме устного заявления, в котором каждая сторона дает свое толкование. Что касается конкретного содержания устного заявления, мы его изложим в соответствии с «Программой государственного объединения» и резолюцией, принятой Советом государственного объединения 1 августа с.г. (1992 г. — Ред.) о сути принципа «одного Китая». Фонд предложил Ассоциации продолжить переговоры в Гонконге и сообщил, что делегация во главе с Сюй Хуэйю продолжает ждать там возвращения партнеров с материка¹⁵.

5 ноября, в день возвращения тайваньской делегации из Гонконга, Комитет по делам материка опубликовал пресс-релиз, озаглавленный «Гонконгские консультации были близки к успеху». Возложив ответственность за неудачу переговоров на противоположную сторону, пресс-релиз КДМ подтвердил, что в Гонконге выдвигались различные варианты толкования «одного Китая» и в виде приложения привел все варианты (пять формулировок, предложенных материком, пять ответных формулировок и три дополнительных формулировки тайваньской стороны)¹⁶.

16 ноября Ассоциация направила Фонду факс следующего содержания: «В ходе переговоров в Гонконге представитель Фонда предложил изложить принцип «одного Китая» в форме устных заявлений по отдельности Ассоциацией и Фондом, а также сообщил о конкретном содержании изложения. В нем четко выражено, что обе стороны придерживаются принципа «одного Китая»... 3 ноября Фонд официально известил нас о том, что заручился согласием тайваньской стороны на изложение по отдельности в форме устного заявления. Ассоциация уважает и принимает предложение Фонда, о чем было сказано по телефону 3 ноября господину Чэнь Жунцзе... Настоящим извещаем Фонд об основном содержании устного заявления, которое намеревается сделать Ассоциация: «Берега пролива придерживаются принципа одного Китая, прилагают усилия к объединению государства, но в ходе деловых переговоров между берегами пролива не затрагивают политическое содержание понятия «один Китай». В этом духе будут надлежащим образом решаться вопросы легализации документов и другие вопросы переговоров». Можно заметить, что китайская сторона сняла предложение о проведении дополнительных переговоров по содержанию принципа одного Китая и выдвинула свое устное заявление. К данному документу была приложена последняя из трех дополнительных формулировок тайваньской стороны: «В процессе прилагаемых берегами пролива совместных усилий, направленных на объединение государства, обе стороны придерживаются принципа одного Китая, хотя имеют разное толкование содержания понятия «один Китай». С учетом все более учащающихся обменов между людьми по обе стороны пролива для обеспечения их интересов следует надлежащим образом решить вопрос легализации документов»¹⁷. Таким образом, КНР давала понять, что считает ее устной формулировкой со стороны острова и не возражает против нее.

Фонд не сразу дал ответ на данное послание, и Ассоциация 30 ноября направила в его адрес еще один факс, в котором выражалась надежда на скорейшее проведение встречи Ван Даоханя и Гу Чжэньфу и предлагалось провести в начале декабря подготовительные консультации, а в конце декабря — саму встречу¹⁸.

Фонд ответил факсом 3 декабря, в котором, в частности, говорилось: «Наша сторона изначально полагала, что деловые консультации берегов пролива не должны касаться политических тем, к тому же у берегов пролива существует явное различие в понимании содержания «одного Китая». Для того, чтобы решить вопрос, наша сторона предложила, чтобы каждая сторона по отдельности сделала разъяснение. Что касается конкретного содержания разъяснения, то наша сторона в пресс-релизе от 3 ноября ясно выразила, что изложит его в соответствии с «Программой государственного объединения» и резолюцией, принятой Советом государственного объединения 1 августа с.г. (1992 г. — Ред.) о сути принципа «одного Китая»¹⁹.

После этого послания Фонда стороны развернули работу по подготовке встречи руководителей двух организаций, не возвращаясь более к вопросу об «одном Китае». В апреле 1993 г. состоялась историческая встреча в Сингапуре Ван Даоханя и Гу Чжэньфу, в ходе которой были подписаны четыре соглашения, в т.ч. по легализации документов.

Описанные выше события, имевшие место в течение 1992 г., получили позднее название «консенсус 92 г.». История с этим консенсусом, впрочем, не заканчивается, а лишь начинается 1992 годом и продолжается до настоящего времени. Более того, с приходом в 2000 г. к власти на Тайване администрации Чэнь Шуйбяня данный вопрос приобрел особую актуальность.

Пока отношения между берегами Тайваньского пролива оставались в целом стабильными, стороны не возвращались к вопросу о том, какой договоренности они достигли в 1992 г.

В августе 1995 г. генеральный секретарь Фонда Цзяо Жэньхэ впервые обобщил достигнутую в 1992 г. договоренность формулой «один Китай, разные толкования»²⁰. С тех пор и до инаугурации нового президента Тайваня 20 мая 2000 г. эта формула неоднократно воспроизводилась местными официальными лицами, отражая понимание на Тайване сути достигнутых осенью 1992 г. договоренностей. До настоящего времени оппозиция на острове продолжает придерживаться такой позиции.

В 1995–1996 гг. в отношениях сторон Тайваньского пролива разразился серьезный кризис, подорвавший взаимное доверие и попытки наладить сотрудничество между Пекином и Тайбэем. В ноябре 1996 г. заместитель председателя Ассоциации Тан Шубэй впервые, через год с лишним после выдвижения формулы «один Китай, разные толкования», опроверг ее, заявив: «В 1992 году Ассоциация и Фонд путем консультаций достигли консенсуса о том, что оба берега пролива придерживаются принципа одного Китая, и устно по отдельности выражают данную фразу. Ассоциация и Фонд не обсуждают в ходе деловых консультаций содержание одного Китая. То, что тайваньская сторона превратила это в «один Китай, разные толкования», это ее дело, которое не имеет ничего общего с тогдашним консенсусом»²¹.

Итак, после кризиса в Тайваньском проливе в середине девяностых годов обозначилась различная интерпретация сторонами достигнутого ранее консенсуса.

Позиция Тайбэя: «Стороны придерживаются принципа «одного Китая», но каждая выражает его по-своему»²².

Позиция Пекина: «Стороны устно по отдельности выражают, что «оба берега пролива придерживаются принципа одного Китая»²³.

Тайбэй, как отмечалось, официально придерживался данной интерпретации до вступления в должность президента Чэнь Шуйбяня в 2000 г., а Пекин продолжает таким образом трактовать консенсус 1992 г. до настоящего времени.

Очевидна смысловая разница в толковании итогов переговоров 1992 г. двумя берегами Тайваньского пролива. На материке полагают, что стороны

согласились устно, по отдельности, во взаимно приемлемой форме заявить о том, что придерживаются принципа одного Китая. На острове считают, что стороны согласились придерживаться принципа одного Китая, но каждая имеет собственное понимание того, что является этим единым Китаем.

Интересно, что сам термин «консенсус 92 г.», который теперь получил такое широкое хождение, был пущен в оборот только в конце апреля 2000 г. тогдашним председателем КДМ Су Ци. Накануне своего ухода с поста и предстоящей смены власти на Тайване Су Ци пытался таким образом предложить приемлемую для всех сторон (КПК, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия) формулу выражения принципа «одного Китая»²⁴.

Как отмечалось выше, с приходом к власти администрации во главе с лидером ДПП актуальность вопроса значительно возросла. Чэнь Шуйбянь несколько раз высказывался по вопросу «консенсуса 92 г.». На пресс-конференции 20 июня 2000 г. он заявил: «Другая сторона Тайваньского пролива говорит, что в 1992 г. был достигнут консенсус о принципе «одного Китая». Однако мы не думаем, что это было так. Вопрос одного Китая обсуждался, однако консенсуса достигнуто не было.... Если консенсус и был, то он заключался в том, что каждая сторона может иметь собственное толкование «одного Китая». Однако другая сторона не думает, что такой консенсус был достигнут. Если говорить, что согласие было, то это было согласие не соглашаться. Мы согласились, что стороны могут иметь собственные взгляды. Я думаю, что это замечательно»²⁵.

27 июня 2000 г. президент Чэнь Шуйбянь во время протокольной встречи с зарубежными гостями заявил, что новое правительство готово принять консенсус, который Фонд и Ассоциация достигли об «одном Китае, разные толкования»²⁶. Однако на следующий день председатель КДМ Цай Инвэнь выступила с разъяснением позиции руководства Тайваня по вопросу «консенсуса 92 г.». Она дала следующую интерпретацию событий 1992 г.: «В октябре 1992 г. представители КР (Тайваня) и КНР встретились в Гонконге, и стороны провели переговоры по существу о том, как решить вопрос «одного Китая». Несмотря на это, на встрече не было достигнуто консенсуса. Поэтому мы предложили, чтобы «каждая сторона дала свое толкование», дабы отложить спор в сторону. Вскоре после этой встречи представитель КНР позвонил нашей стороне и сказал, что «уважает и принимает» наше предложение. Это означает, что стороны согласились решить вопрос «одного Китая» путем различного толкования в устной форме. Таков был процесс, приведший к тому, что стороны дают каждая свое толкование. «Каждая сторона толкует по-своему один Китай» — таким образом мы описываем процесс, имевший тогда место»²⁷.

В ходе парламентской предвыборной кампании 2001 г. Чэнь Шуйбянь не только отказался от наличия «консенсуса 92 г.», но и заявил, что его признание означало бы предательство Тайваня. На встрече с бывшим министром обороны США У. Коэном он сказал, что правительство проверило все документы и не обнаружило никаких записей о том, что «принцип одного Китая является консенсусом 92 г.». По словам Чэнь Шуйбяня, гоминьдановское правительство полагало, что «один Китай, разные толкования» является консенсусом, признаваемым обоими берегами Тайваньского пролива, однако материковый Китай не только его не признал, но сам его отверг, поэтому сейчас нет ни консенсуса об одном Китае, ни консенсуса об одном Китае с разными толкованиями. В ходе одного из митингов тайваньский лидер заявил: «Оппозиция хочет заставить меня принять «одно государство две системы», «консенсус 92 г.», принцип «одного Китая». Это все равно, что уничтожить Китайскую Республику, продать Тайвань»²⁸.

Председатель Гоминдана Лянь Чжань, критикуя заявление Чэнь Шуйбяня о том, что признание «одного Китая» — это предательство Тайваня, отметил, что Чэнь Шуйбянь и лидеры КНР сходятся в понимании «одного Ки-

тая»: они подразумевают под ним КНР, тогда как Гоминьдан, в соответствии с резолюцией Совета государственного объединения, считает, что и материк, и Тайвань являются частями «одного Китая»²⁹.

Архитектор нынешней политики Тайбэя по отношению к материку, председатель Комитета по делам материка Цай Инвэнь отмечает, что из-за разницы в толковании нет смысла обсуждать наличие или отсутствие «консенсуса 92 г.». Она несколько раз высказывалась по вопросу понимания официальным Тайбэем событий 1992 г. В ходе пресс-конференции 25 мая 2001 г. Цай Инвэнь, в частности, отметила, что президент не собирается пересматривать или отрицать договоренности, достигнутые ранее двумя сторонами. «Однако, в соответствии с нашим пониманием, стороны имеют различное понимание относительно «консенсуса 92 г.». Некоторые на Тайване считают, что он означает «один Китай, разные толкования». Но материковый Китай не признает «один Китай, разные толкования» как нечто, о чем достигнута договоренность. Таким образом, консенсуса не существует». На вопрос о том, остается ли новое правительство на позиции «один Китай, разные толкования», которой придерживалось прежнее гоминьдановское правительство, Цай Инвэнь ответила: «Это не является предметом интерпретации только одной стороной. Если мы признаем что-либо как консенсус, то оно должно быть безусловно признано обеими сторонами. Пекинские власти уже отказались от так называемого «одного Китая, разных толкований» в середине 90-х гг. До сих пор нет четких признаков того, что они готовы признать «один Китай, разные толкования»³⁰.

Важным условием консенсуса было то, что каждая сторона не оспаривала его интерпретации противоположной стороной. Начало споров о сути консенсуса лишней раз символизировало утрату сторонами взаимного доверия. Тайваньская сторона не желала соглашаться с интерпретацией Пекина, предполагающей, что она безоговорочно приняла принцип одного Китая. В августе 1993 г. Канцелярия по делам Тайваня и Канцелярия информации Госсовета КНР издали Белую книгу «Тайваньский вопрос и объединение Китая». В качестве первого элемента содержания концепции «мирное объединение, одна страна, две системы» в Белой книге указывается, что «в мире есть только один Китай, Тайвань является неотъемлемой частью Китая, центральное правительство Китая располагается в Пекине. Это всеми признанный факт и предпосылка мирного решения тайваньского вопроса»³¹. Таким образом, через год после принятия Советом государственного объединения резолюции о содержании понятия «один Китай» КНР посчитала необходимым «застолбить» свою позицию по вопросу «одного Китая». Схожие определения понятия «один Китай» содержатся в двусторонних соглашениях и заявлениях, которые подписаны КНР с более чем 160 государствами, имеющими с ней дипломатические отношения. Данная формулировка содействовала укреплению позиций КНР на международной арене как единственного представителя Китая, что было особенно актуально в связи с принятым Ли Дэньхуэем курсом на «расширение международного пространства» Тайваня (этот курс был провозглашен, в частности, в Белой книге МИД острова, изданной 21 января 1993 г.). Однако вместе с тем она давала весомые козыри в руки противников принципа «одного Китая» и играла на отдаление острова от материка. Официальный Тайбэй ссылался на нее как на свидетельство отсутствия между сторонами какого бы то ни было взаимопонимания по вопросу «одного Китая»³². Видимо, исходя из подобных соображений, в КНР решили изменить формулу. Сначала новый вариант озвучил вице-премьер Цянь Цичэнь в июле 2000 г.³³. Тайбэй отказался комментировать высказывание Цянь Цичэня, сославшись на то, что оно не означает изменения официальной китайской позиции, зафиксированной в многочисленных документах³⁴. В отчетном докладе правительства КНР на сессии

ВСНП 5 марта 2002 г. премьер Чжу Жунцзи повторил эту новую «тройную формулу»: «В мире есть только один Китай, материк и Тайвань в равной мере принадлежат к одному Китаю, суверенитет и территориальная целостность Китая являются неделимыми»³⁵. С тех пор она прозвучала в официальных документах и выступлениях, практически заменив (но при этом не отменив) прежнюю формулировку. Новая «тройная формула», призванная доказать гибкость КНР в вопросе толкования «одного Китая» (ее вторая часть в какой-то мере перекликается с Программой государственного объединения и резолюцией Совета государственного объединения от 1 августа 1992 г.), вызвала интерес на Тайване, однако не привела к каким-либо подвижкам в вопросе признания администрацией Чэнь Шуйбяня «консенсуса 92 г.», не говоря о принципе «одного Китая».

Со своей стороны, КНР, сперва не опровергавшая толкование «консенсуса 92 г.» Тайбэем, после окончательного разочарования в Ли Дэнхуэе стала, видимо, опасаться, что если дать последнему волю выражать принцип «одного Китая» по-своему, то это в результате приведет к появлению «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня»³⁶. Так собственно и произошло в 1999 г, когда Ли Дэнхуэй заявил, что отношения берегов пролива являются отношениями между двумя государствами.

На острове опасаются признать себя частью, местным правительством КНР, а на материке — признать за Тайванем право толковать содержание «одного Китая» по своему усмотрению.

Итак, в КНР считают, что «консенсус 92 г.» — это признание сторонами пролива принципа «одного Китая». Гоминьдан трактует «консенсус» как согласие с принципом «одного Китая», который каждая сторона толкует по-своему. Позиция администрации Чэнь Шуйбяня — в 1992 г. стороны согласились придерживаться различного толкования «одного Китая». Никто не отрицает событий, имевших место осенью 1992 г., но им дается разная интерпретация. Это стало возможным из-за главной особенности «консенсуса 92 г.», которую можно охарактеризовать как «конструктивная неопределенность». Данный прием, нередкий в дипломатической и переговорной практике, позволяет сторонам при наличии политической воли и заинтересованности в сотрудничестве, а также необходимого уровня взаимного доверия отложить разногласия и искать точки соприкосновения, сохраняя различия в позициях. При отсутствии или исчезновении этих факторов (политическая воля, заинтересованность в сотрудничестве, взаимное доверие) ни одна сторона не сможет доказать другой, что она права и что именно ее интерпретация достигнутых договоренностей является верной. Если начинается спор по существу «конструктивной неопределенности», то он приводит к «неконструктивной определенности» в позиции каждой из сторон, которая неприемлема для противоположной стороны.

При обоюдном желании берега пролива могут найти консенсус в отношении «консенсуса 92 г.». Наличие такого желания будет во многом определяться внутривнутриполитической ситуацией как на материке, где продолжается процесс перехода власти от третьего поколения лидеров к четвертому, так и на острове, где в 2004 г. пройдут очередные президентские и парламентские выборы.

1. Су Ци. «Игэ чжунго, гэцзы бяошу» гунши де иши юй гунсянь. (Идеология и заслуга консенсуса «Один Китай, разные толкования»). Сборник «Игэ чжунго, гэцзы бяошу» гунши де шиши. (История консенсуса «Один Китай, разные толкования»), Тайбэй, 2002, С.III.
2. Linda Chao, Ramon H. Muiers. The Divided China Problem: Conflict Avoidance and Resolution. Essays in Public Policy. Hoover Institute <http://www-hoover.stanford.edu/publications/epp/101/101a.html>
3. Цит. по указанному сборнику. С. 29-30.

4. Chiu Hungdah "Koo-Wang Talks and the Prospect of Building Constructive and Stable Relations Across the Taiwan Straits/ Occasional Papers, School of Law, University of Maryland, № 6, 1993 (119). С. 6.
5. Там же. С.8-9.
6. Там же. С. 9.
7. Чжэн Аньго. «Игэ чжунго, гэцзы бяошу» дэ лиши чжэньсян. (Историческая правда об «одном Китае, разных толкованиях»). Указанный сборник. С.10-11.
8. Там же. С. 12.
9. Kam Yiu-yu "Consensus on "one China" springs from Beijing's distortions"? // The Taipei Times Online. 2000. 15 ноября.
10. Цит. по указанному сборнику, с. 32.
11. Kam Yiu-yu "Consensus on "one China" springs from Beijing's distortions"? // The Taipei Times Online: 2000. 15 ноября.
12. Чжэн Аньго. Указанное сочинение. С.12-13.
13. Хайся ляннь гуаньси сехуэй яньцзюбу. «Цзюэр гунши» дэ лиши цжэньсян. (Ассоциация отношений между берегами Тайваньского пролива. Историческая правда о «консенсусе 92 г.»). Указанный сборник. С.152.
14. Цит. по указанному сборнику. С. 23-24.
15. Цит. по указанному сборнику. С. 28-27.
16. Цит. по указанному сборнику. С. 40.
17. Цит. по указанному сборнику. С. 43-46.
18. Чжэн Аньго. Указанное сочинение. С.14.
19. Цит. по указанному сборнику. С. 53.
20. Тайвань синьшэн бао. 1995. 8 августа.
21. Чжунсиньшэ. 1996. 1 ноября.
22. Указанный сборник. С. 68-69.
23. Там же. С. 43-46.
24. Ляньхэ бао. 2000. 29 апреля.
25. Seeking Constructive Cross-strait Relations: Taipei Current Mainland Policy Documents, January 2002. С. 3-2.
26. Там же. С. 7-2.
27. Там же. 7-1.
28. Чэнь цзунтун: У ичжун гунши, ичжун гэбяо (Президент Чэнь: Нет ни консенсуса об одном Китае, ни одного Китая с разными толкованиями) // Ляньхэ бао. 19.11.2001.
29. Хэ вэй «цзюэр гунши» (Что такое «консенсус 92 г.») // National Policy Foundation Backgrounder, September 6, 2001.
30. Seeking Constructive Cross-strait Relations: Taipei Current Mainland Policy Documents, January 2002, с. 5-5, 5-6, 5-7.
31. Цит. по <http://www.china.org.cn/e-white/taiwan/index.htm>
32. Люй Сюлянь: Чжунго сянь чэди туйфань «цзюэр гунши» (Люй Сюлянь: Коммунистический Китай первым бесповоротно отказался от «консенсуса 92 г.») // Ляньхэ бао. 6.12.2001. См. также Seeking Constructive Cross-strait Relations: Taipei Current Mainland Policy Documents, January 2002.
33. Ляньхэ бао. .2000. 19 июля.
34. Ляньхэ бао. 2000. 6 сентября.
35. Чжу Жунцзи жэньда баогао шоуцы лежу ичжун синь саньдуань лунь (В доклад Чжу Жунцзи на сессии ВСНП впервые включена новая триединая формула одного Китая), Ляньхэ бао. 2002. 5 марта.
36. Гао Лан. Цзэцзю и гунши. «Ичжун» гэцзы бяошу дэ циши. (Решение и консенсус. «Один Китай», который каждый выражает по своему) // Чжунго шибао. 2000. 14 мая.

Проблемы приграничного сотрудничества между Россией и Монголией

© 2003

М. Мещанинов

На протяжении многих десятилетий Монголия остается для России важным торговым партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Давние традиции добрососедских отношений, экономических связей содействуют дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества.

Особое место Монголия занимает во внешнеторговой деятельности приграничных регионов России, таких как Республика Бурятия, Республика Тыва (ранее — Тува), Республика Алтай, Алтайский край, Иркутская, Кемеровская, Читинская области и другие российские территории (протяженность российско-монгольской границы составляет 3543 км). Так, Читинская область (Забайкалье) имеет довольно протяженный участок границы с Монголией и поддерживает связи с тремя соседними аймаками — Селенгинским, Хэнтэйским и Восточным. Общая граница связывает Баян-Ульгийский, Кобдоский и Убсанурский аймаки с Бурятией, Иркутской областью, Алтайским краем, Республикой Алтай, Республикой Тыва. Монголия является традиционным поставщиком разного рода сырья для предприятий соседних российских территорий. Вместе с тем она налаживает и развивает связи с другими регионами России.

До 1990 г. торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Монголией осуществлялось в централизованном порядке — на общегосударственном уровне, когда взаимные поставки товаров регулировались пятилетними планами, а в их рамках — годовыми планами. Но оно постоянно дополнялось торгово-экономическими связями на межрегиональном и приграничном уровнях. Оборот регионального сотрудничества был частью общего советско-монгольского товарооборота. Наиболее яркими примерами приграничной торговли можно назвать поставки Гусиноозерской гидроэлектростанцией электроэнергии в Монголию и монгольские поставки мяса на Иркутский мясокомбинат. В 1980-х гг. приграничное сотрудничество двух стран набирало заметные темпы, закладывая, таким образом, основы для дальнейшего укрепления советско-монгольских отношений. Так, Читинская область, с советской стороны, и Восточный и Хэнтэйский аймаки Монголии, с другой, установили между собой непосредственные и весьма разнообразные контакты: прямые связи с родственными коллективами двух соседних аймаков Монголии поддерживали более сорока промышленных предприятий и учебных заведений. Наиболее успешным было сотрудничество между животноводами. К примеру, несколько тысяч голов тонкорунных овец, переданных Читинской областью Восточному аймаку, позволили начать там весьма перспективное разведение этой породы. При помощи Читинской области в окрестностях монгольского города Чойбалсана было создано крупное откормочное хозяйство на полторы тысячи голов скота. Кроме того, в монгольских аймаках стали довольно широко использоваться методы

читинских земледельцев по улучшению кормовой базы животноводства, в частности, технология выращивания многолетних трав — рапса и люцерны¹.

Развитие земледелия в Монголии вызвало к жизни сотрудничество монгольских приграничных полеводческих госхозов Селенгинского аймака МНР и колхозов Бурятской АССР. Пионерами в этой области стали колхоз «Мир» Джидинского района Бурятии и госхоз «Зэлтэр» Селенгинского аймака, расположенные в непосредственной близости от границы.

При помощи СССР в приграничных аймаках МНР сооружались промышленные предприятия, жилые поселки, устанавливались средства связи, в том числе, телевизионные антенны и т.д.

После окончания «холодной войны» и распада Советского Союза условия торгово-экономического сотрудничества между Россией и Монголией изменились.

Во-первых, в начале 1990-х гг. и в России, и в Монголии произошли события, направившие развитие этих государств по пути создания современной демократической политической системы и рыночной экономики. «Российско-монгольские отношения в то время определялись не только общностью целей, но и состоянием российской и монгольской экономик, все еще не вышедших на прямую стабильного экономического роста. Поэтому экономический кризис в России временно привел к фактическому прекращению с ее стороны материально-финансовой и других видов помощи развивающимся странам, в том числе и Монголии, во многом предопределив резкое ухудшение внутривнутриполитической обстановки в тогдашней МНР»². В результате, в самом начале переходного периода Монголия, если и не выпала из системы внешнеполитических приоритетов РФ, то столкнулась с резким падением объемов экономического взаимодействия и разрывом многолетних интеграционных связей между двумя странами в целом, регионами и областями, в том числе.

Во-вторых, поспешный перевод внешнеторговых сделок на расчеты в твердой валюте, острый недостаток которой испытывали обе стороны, пагубно сказался на выполнении взаимных обязательств и привел к резкому падению товарооборота и сужению других форм экономического сотрудничества. Так, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. поставки мяса в Россию были прекращены и возобновились только в 1994 г.³

В-третьих, ухудшение экономического положения приграничных российских и монгольских регионов породило бартерную торговлю, что не дает возможности произвести точную стоимостную оценку взаимного товарооборота, особенно до 1995 г. В общем Россия утратила прежние позиции на монгольском рынке, подобно тому, как это произошло на рынках других бывших социалистических государств.

В-четвертых, возобновление торгово-экономического сотрудничества происходило в обстановке острой конкуренции со стороны появившихся у Монголии новых серьезных торгово-экономических партнеров в лице Китая, Японии, США, Республики Корея, стран-членов Европейского Союза. Приграничное сотрудничество также перестало быть монополией России, так как восстановление монгольско-китайских отношений, последовавшее за выводом советских войск с территории МНР, стимулировало не только активную приграничную торговлю Монголии с Китаем, но и быстрое завоевание китайским бизнесом монгольского рынка в целом. В этом случае России, еще только начавшей переходить на рыночные принципы хозяйствования, пришлось столкнуться с достаточно мощным конкурентом, значительно опередившим ее на этом пути. В целом двусторонняя торговля России и Монголии как основная форма их сотрудничества в течение последнего десятилетия развивалась нестабильно, а объемы ее оставались на низком уровне. Желанная тенденция к устойчивому росту устанавливается медленными темпами. В 2001 г. в структуре монгольского экспорта на долю России приходилось 10,3%, тогда как на Китай — 55,1%. В монгольском импорте удельный вес России составлял менее

40%⁴. Товарооборот за 2000 г. равнялся 1241,4 тыс. долл. США, а российский экспорт в Монголию — 1182,8 тыс. долл. США⁵. По другим данным, на начало 2002 г. доля России составляла менее четверти торгового оборота Монголии, в том числе немногим более 20% импорта и всего 8% экспорта⁶. Но, так или иначе, несмотря на некоторые расхождения в статистических данных, вероятно, следует согласиться с тем, что в целом уровень внешнеэкономических связей между РФ и Монголией к началу 2000-х гг. фактически соответствовал уровню и темпам развития их национальных экономик, отражающих специфику переходного периода на данном этапе⁷.

Обоюдная заинтересованность в возобновлении и развитии двусторонних отношений России и Монголии проявилась как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Первым шагом в этом направлении стал официальный визит в Москву первого президента Монголии П. Очирбата в январе 1993 г., в ходе которого монгольским президентом и президентом РФ Б. Ельциным 20 января был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией. В статье 8-й этого Договора было записано, что стороны будут проводить в отношении друг друга открытую экономическую политику и развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество. В этих целях они обязуются взаимно предоставлять для участвующих в коммерческой, промышленной и финансовой деятельности государственных и негосударственных предприятий, индивидуальных лиц и других субъектов режим наибольшего благоприятствования. Стороны будут поощрять инвестиционное сотрудничество, в том числе с участием партнеров из третьих стран⁸. При этом особой строкой выделено положение о том, что *«Стороны всемерно будут содействовать развитию приграничной торговли и сотрудничества (подчеркнуто автором)»*⁹. Таким образом, Договор от 20 января 1993 г. создал правовую основу для всех форм торгово-экономического сотрудничества России и Монголии, активизировал налаживание торговли между регионами двух стран. В ходе рабочих визитов глав российских регионов — Бурятии, Алтайского края, Тывы, Иркутской, Читинской, а также Свердловской областей с монгольской стороной были подписаны протоколы и соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Большую роль в приграничном сотрудничестве играет транспортная инфраструктура. Прямые связи были установлены между Улан-Баторской и Восточно-Сибирской железными дорогами.

Таким образом, началось формирование новой правовой среды для приграничного сотрудничества; оживилась работа Российско-монгольской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). В ее рамках стала активнее действовать подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству, в задачи которой входит координация внешнеэкономической деятельности прилегающих к границе с Монголией российских регионов. На первом заседании подкомиссии, состоявшемся в Улан-Удэ 9-10 мая 1997 г., была принята Программа регионального и приграничного сотрудничества между Россией и Монголией, которая затем была обсуждена администрациями заинтересованных субъектов РФ. На заседании подкомиссии были одобрены прямые связи между субъектами РФ и аймаками Монголии, подписанные ими двусторонние протоколы о сотрудничестве и обмене рабочими визитами. Отношения между приграничными регионами России и Монголии регулируются Протоколом первого заседания подкомиссии по региональному и приграничному сотрудничеству МПК от 10 мая 1997 г. и Перечнем проектов регионального и приграничного сотрудничества между Россией и Монголией. В декабре 1998 г. в г. Барнауле состоялось заседание Координационного совета по внешним связям ассоциации «Сибирское соглашение», которое рассмотрело состояние торгово-экономического сотрудничества сибирских регионов с Монголией. Необходимо также отметить, что и Россия, и Монголия предприняли необходимые меры, в результате которых

было создано более двух десятков пограничных пропускных пунктов, в том числе действующих круглогодично. Это позволяет регулировать трансграничные торговые потоки, упорядочить и ускорить передвижение грузового и другого автомобильного транспорта.

Правовая среда, в которой развивается региональное сотрудничество двух стран, продолжает пополняться новыми законами. К примеру, в 2002 г. Великий государственный хурал Монголии (парламент) принял закон о создании на северной границе Монголии свободной экономической зоны Алтанбулак¹⁰.

Согласованная политика в области торгово-экономических отношений России и Монголии в целом и в области приграничного сотрудничества, в частности, отражена в Уланбаторской декларации 2000 г., подписанной президентом РФ В. Путиным и президентом Монголии Н. Багабанди во время визита российского президента в Монголию. В пункте третьем данного документа было сказано, что стороны приветствуют развитие региональных и приграничных контактов и приложат усилия для совершенствования правовых основ дальнейшего их расширения и углубления. Монгольская сторона заинтересована также в активном взаимодействии с региональными структурами Российской Федерации, в том числе с ассоциацией «Сибирское соглашение».

После этого приграничное сотрудничество двух стран получило новый импульс. В ноябре 2001 г. в Иркутске состоялась встреча сибирских губернаторов и президентов республик РФ, граничащих с Монголией, с представителями монгольских правительственных и деловых кругов. На повестке дня стоял вопрос о расширении торгово-экономического сотрудничества России и Монголии и участия в нем регионов двух государств. По итогам встречи был подписан меморандум. Особое внимание интенсификации регионального, в том числе приграничного сотрудничества, было уделено на девятом заседании МПК, которое состоялось в Москве 17-21 декабря 2001 г. На нем были рассмотрены выполнение решений 8-го заседания МПК, региональное и приграничное сотрудничество, ход работы над либерализацией двусторонней торговли, сотрудничество в области сельского хозяйства, геологии, инфраструктуры, науки и образования. Были выработаны соответствующие решения о взаимодействии совместных предприятий, о сотрудничестве в 2002 г., уделено внимание урегулированию вопроса, связанного с российской недвижимостью в Монголии. В числе приоритетных рассматривались перспективы совместного участия в международном геологическом проекте по оценке залегания руд в Центральной Азии, проведение картографической съемки, геозкология. Особо указывалось на необходимость развития сотрудничества в области геологии на региональном уровне. Первые результаты претворения на практике решений 9-го заседания МПК уже достигнуты. Во время форума инвесторов (сентябрь 2002 г., г. Улан-Батор) представители иркутского бизнеса выдвинули предложение о создании туристического центра в окрестностях монгольского озера Хубсугул. А 30 сентября того же года министр промышленности и торговли Монголии Ч. Ганзориг и председатель правительства Республики Алтай РФ М. Лапшин подписали Протокол о совместном освоении на территории Монголии Асгатского месторождения серебра (разведанные ресурсы месторождения оцениваются в 12 тыс. тонн серебра)¹¹. У Республики Алтай особый интерес к Асгату, поселку, с которым связан общей судьбой поселок Акташ в Горном Алтае. Освоение Асгатского месторождения даст возможность наладить переработку серебряного концентрата на бездействующем металлургическом заводе Акташа.

В настоящее время Монголия является поставщиком для предприятий, ориентированных на монгольское сырье, а также представляет собой рынок сбыта товаров упомянутых выше российских регионов. В 2000 г. более половины торгового оборота с Монголией приходилось именно на приграничные регионы (более 70%)¹², и эта доля продолжает увеличиваться.

В приграничном сотрудничестве задействованы такие отрасли как сельское хозяйство (переработка мяса, зерно и удобрения, ветеринария), транспорт, энергетика, добыча и разведка полезных ископаемых, машиностроение и производство товаров широкого потребления. Наиболее активно Монголия сотрудничает с Бурятией, Алтайским краем и Иркутской областью. В Монголии открыты представительства этих регионов. По данным представителя Иркутской области в Монголии (представительство области открылось в Улан-Баторе в марте 2001 г.), от 38 до 40 процентов российского экспорта в Монголию приходится на этот российский регион¹³. Еще в годы второй мировой войны крупнейший в Азии Иркутский мясоперерабатывающий комбинат принимал монгольский скот и направлял изготовленную из него продукцию на фронт. В настоящее время Иркутский мясокомбинат поддерживает деловые отношения со многими монгольскими партнерами, включая «Мах импэкс», «Разноимпэкс», «Буян». В 1996 г. Иркутская торгово-промышленная палата заключила договор о сотрудничестве с Монгольской торгово-промышленной палатой. На ежегодной ярмарке в Иркутске по старой традиции принимают участие и монгольские бизнесмены. Иркутская область приобретает в соседней Монголии мясо, шерсть, кожи и реализует нефтепродукты, электроэнергию, оборудование для горнодобывающей промышленности. В 1997 г. взаимный торговый оборот составил 47 млн. долл., а за первые восемь месяцев 1998 г. — 29,6 млн. долл.¹⁴ Последнее время возник обоюдный интерес к развитию туризма, к сотрудничеству в области химической промышленности и производства некоторых видов продовольствия.

Так, на основе подписанного в сентябре 1997 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Министерством сельского хозяйства и промышленности Монголии и администрацией Алтайского края существенно вырос экспорт в Монголию муки, алкогольных напитков, табачных изделий, взрывчатых веществ. В свою очередь из Монголии возобновились поставки мяса и сырьевых материалов. В 1999 г. в г. Улан-Баторе организовано монголо-русское совместное предприятие для торговли продукцией края, в г. Кобдо (Кобдоский аймак) — совместное предприятие по заготовке и переработке мяса. По контрактам в Монголию поставляются рубероид, семена, дизельные генераторы. Кроме того, контракты на экспорт в Монголию комбикормов и сена заключены между компаниями Алтайского края и Баин-Ульгийским аймаком. Перспективным считается и такое направление сотрудничества как поставки Алтайским краем горюче-смазочных материалов и запасных частей для тепловой дизельной электростанции в г. Ульгий. С Алтайским краем Монголия ведет переговоры о создании свободной экономической зоны.

В апреле 1993 г. в г. Горно-Алтайске (административный центр Республики Алтай) был подписан Протокол о намерениях по развитию прямых связей между Монголией и Республикой Алтай, которая вместе с Алтайским краем является с российской стороны участником промышленной разработки угольных месторождений в Дзабханском аймаке Монголии.

Большую роль в сотрудничестве приграничных регионов России и Монголии играет Республика Бурятия. Развитие Республикой Бурятия внешнеэкономических связей с Монголией получило поддержку на федеральном уровне. Только за 2001 г. объем двусторонней торговли двух регионов увеличился на 35% по сравнению с 2000 г. и достиг почти 26 млн долл. США, что составило 14% всего товарооборота внешней торговли Бурятии. Доля последней в торговле России с Монголией составил более 11% в том числе в импорте — более 30%. Экспорт республики в Монголию имеет для последней стратегическое значение. Это — электроэнергия, продукция машиностроительного комплекса и продукты питания. В 2001 г. Бурятия экспортировала в соседнюю страну более полутора тыс. тонн макаронных и кондитерских изделий и более 3 тыс. тонн муки, а в 2002 г. ожидалась поставка в Монголию 2 тыс. тонн семян рай-

онированных и качественных зерновых¹⁵. Монголия поставила Бурятии в 2001 г. около 16 тыс. тонн мяса. По предварительным расчетам, в ближайшее время Монголия сможет ежегодно экспортировать 40 тыс. тонн мяса. Правительство Бурятии считает торгово-экономическое сотрудничество с Монголией приоритетным и перспективным¹⁶. Республика Бурятия и Монголия сейчас заинтересованы в создании свободной таможенной зоны, которая могла бы привлечь отечественных и иностранных инвесторов к развитию производительных сил Бурятии и северных аймаков Монголии и в известной степени внести вклад в решение проблемы, тормозящей рост монгольско-российской торговли, — смягчения российского таможенного режима.

Укрепляются взаимоотношения между Монголией и Республикой Тыва. Это закономерно, так как протяженность их границы составляет 1 тыс. км — едва ли не четверть всей российско-монгольской границы. В приграничных районах Тывы говорят по-монгольски, а до Второй мировой войны в Туве было посольство МНР. Его отозвали, после того как Тува вошла в состав СССР. Сейчас со стороны Монголии широкие связи с Тывой поддерживает Убсанурский аймак¹⁷. О росте значимости связей сторон свидетельствует открытие 12 октября 2001 г. генерального консульства Монголии в административном центре республики — г. Кызыле (новое консульство одновременно обслуживает Республику Алтай, Алтайский край и Республику Хакасия). Торговый оборот Тывы и Монголии в 2001 г. составил 5 млн долл. США¹⁸. Обе стороны неизменно подчеркивают, что у них имеются общие интересы в области экономики и экологии. К ним относятся, например, установление режима судоходства и защита уникальной природной среды в бассейне приграничного с Тывой монгольского озера Убса-Нур (по размерам оно больше Рыбинского водохранилища и немногим меньше Онежского озера). Есть данные о том, что правительство Республики Тыва приглашает монгольских специалистов для изучения опыта строительства микрогэс в поселке Кызыл-Хая.

Налаживается сотрудничество Монголии с Читинской областью. В частности, сторонами изучается вопрос о возможности экспорта угля в Читинскую область и регионы Дальнего Востока из каменноугольного разреза Адуунчулун, расположенного на территории Восточного аймака Монголии.

Кемеровская область также проявляет значительный интерес к сотрудничеству с Монголией в области торговли и экономики. Действует Соглашение о сотрудничестве между Баян-Ульгийским аймаком Монголии и Кемеровской областью. Дальнейшие перспективы выявились в ходе проведения в январе 1999 г. в г. Кемерово заседания ассоциации «Сибирское соглашение», а также во время вскоре последовавшего за ним визита в Улан-Батор по приглашению правительства Монголии кемеровского губернатора А. Тулеева. Сторонами было определено, что эффективными направлениями сотрудничества могут стать совместное предпринимательство в области переработки мяса, выделки шкур, первичной переработки шерсти, производства одежды и обуви. Была также высказана заинтересованность сторон в совместном освоении месторождений угля, вольфрама, драгоценных металлов, в реализации проектов дорожного строительства между Сибирью и Западными аймаками Монголии. В целях расширения приграничной торговли стороны договорились об открытии торговых домов, создании сети магазинов розничной торговли в Западных аймаках Монголии. Монгольская сторона одобрила предложение об открытии в Улан-Баторе представительства Кемеровской области, глава которого, будучи наделенным большими властными полномочиями (в ранге вице-губернатора области), станет непосредственно участвовать в организации партнерских отношений между Кузбассом и Монголией¹⁹.

Дальнейшее расширение межрегионального сотрудничества РФ и Монголии связано с увеличением числа российских регионов, проявляющих интерес к участию в этом процессе. К ним относится, например, Новосибир-

ская область. В г. Новосибирске, который представляет собой не только административный центр Сибирского федерального округа, но и один из крупнейших промышленных, научных и образовательных центров России, открыт Монгольский центр культуры и сотрудничества. Среди других регионов можно назвать Красноярский край. В марте 1998 г. представители администрации г. Красноярска посетили Монголию, заложив основы для организации двустороннего сотрудничества. К настоящему времени представители Красноярска провели переговоры с руководством министерства внешних сношений Монголии, министерства сельского хозяйства, министерства развития инфраструктуры. Конкретные предложения сибирских предпринимателей были переданы в Торгово-промышленную палату Монголии для изучения.

Россия и Монголия прилагают значительные усилия для дальнейшего упорядочения и расширения взаимной приграничной торговли. В Монголии действуют утвержденные Великим государственным хуралом Концепция внешней политики, Концепция национальной безопасности, Концепция зонального развития и ряд других документов, имеющих непосредственное значение для развития приграничных монгольских аймаков. В Концепции зонального развития ставится задача детального изучения и учета особенностей потребности каждого аймака, налаживания инфраструктуры, необходимой для развития производства, запасов сырья и рабочей силы, активизации сотрудничества с российской стороной в области ветеринарной науки, продолжения работы по созданию благоприятных условий для экспорта в Россию живого скота и мяса промышленного забоя. В 1997 г. президентом Монголии Н. Багабанди была выдвинута Концепция развития трех Западных аймаков, удаленных от основных развитых регионов и примыкающих к монгольско-российской границе. Концепция предусматривает разумное распределение перспективных отраслей по аймакам с целью обеспечения ускорения развития западного региона Монголии. Обращается внимание на возможности интенсивного развития в Кобдском аймаке земледельческой отрасли, предприятий по производству цемента, строительных материалов, в Баян-Ульгийском аймаке — предприятий по переработке мяса, шерсти, кожи, освоению месторождений золота, серебра, вольфрама, в Убсанурском аймаке — предприятий по выпуску строительных и химических материалов, переработке фруктов и ягод. В Концепции развития трех Западных аймаков особое внимание уделяется ускоренному развитию инфраструктуры западного региона. Очевидно, что такая политика способна сыграть большую роль в обеспечении стабильности экономического и политического развития Монголии, поскольку способствует взаимодействию ее предприятий и отраслей с хозяйственными единицами на российской территории. В условиях, когда цены на медный концентрат и кашемир (основные статьи монгольского экспорта на мировой рынок), в настоящее время имеют тенденцию к падению, поставки в Россию животноводческого сырья на постоянной контрактной и долгосрочной основе могут стать определенной гарантией экономической безопасности Монголии.

Общим результатом обоюдных усилий России и Монголии в развитии сотрудничества стало подписание 14 ноября 2000 г. Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о принципах сотрудничества между местными администрациями Монголии и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. В развитие этого соглашения был подписан Меморандум о сотрудничестве между Советом Сибирского федерального округа, ассоциацией «Сибирское соглашение» и монгольской частью Российско-монгольской межправительственной комиссии.

Однако развитию взаимовыгодных связей между регионами и предприятиями препятствуют многие еще не решенные проблемы. Они обсуждались в процессе переговоров в Улан-Баторе между представителем президента РФ в Сибирском федеральном округе Л. Драчевским и президентом Монголии Н.

Багабанди, в том числе вопрос о снижении транспортных тарифов, таможенных пошлин, о льготах для приграничного сотрудничества.

Кроме того, представители администраций российских регионов в качестве одной из причин, тормозящих приграничное сотрудничество, часто называют неплатежеспособность и ненадежность расчетов во взаимной торговле и по объектам экономического сотрудничества. Вместе с тем, существуют недостатки и в организации сотрудничества. Посол Монголии в РФ Санжаа Баяр приводит убедительные доводы, подкрепляя их конкретными примерами: «В Монголии чуть ли не переизбыток скота, — говорит он, — огромные стада которого уже не уменьшаются на наших пастбищах. Мясо не только дешевое, но и экологически чистое, без всякой химии. А в соседних сибирских областях, не говоря уже об остальной России, не каждый может себе позволить иметь мясо к столу, потому что оно здесь дорогое. Или другой пример. В Иркутской области самая дешевая в мире электроэнергия, ее иногда некуда девать. А в Монголии энергетическая проблема — одна из самых острых. Мы считаем, что надо устранить все препоны, все бюрократические и прочие рогатки, мешающие нашим взаимовыгодным отношениям»²⁰. Добавим, что такую точку зрения разделяют и представители российских регионов. Так, администрация г. Бийска, где в расчете на поставки монгольского скота был сооружен крупный мясоперерабатывающий комбинат, считает, что импорт монгольского мяса тормозится тем, что он квотируется и лицензируется в Москве, что послужило одной из причин снижения объема торговли РФ и Монголии²¹.

По нашему мнению, неблагоприятное положение дел складывается во многом из-за того, что реализации формально предоставленных регионам РФ широких прав в области их экономической политики на практике часто тормозится из-за несогласованных действий центральной и местных властей. Видимо, эта и другие проблемы приграничного сотрудничества еще ожидают решения на правительственном уровне. Сейчас Россия отводит Монголии важную роль в своей внешней политике на азиатском континенте. Успех этих отношений во многом будет зависеть от внутрirosсийских отношений (регионы — центр — регионы) и собственной политики местных властей, как в России, так и в Монголии.

Уже имеющийся опыт приграничного сотрудничества Монголии и РФ дает основания для некоторых предварительных выводов.

1. Внешняя торговля двух государств на сегодняшний день является основной формой их сотрудничества в экономической области, приграничные связи являются главным торговым каналом для всей Монголии в целом.

2. Приграничные связи России и Монголии представляют собой сотрудничество двух государств, которые находятся в переходном периоде и испытывают во многом схожие проблемы — недостаток валюты, слабое развитие инфраструктуры и сферы услуг, неустойчивость внутренних рынков и т. д. Этим определяются организационные неполадки в налаживании более эффективных торгово-экономических связей приграничных территорий двух стран. В данном отношении у обеих сторон имеются значительные резервы для их улучшения.

3. Приграничное сотрудничество РФ и Монголии наталкивается на серьезную конкуренцию со стороны Китая, который также стремится укрепить свои позиции на внутреннем рынке Монголии через приграничные связи.

4. Перспективы сотрудничества российских приграничных регионов с Монголией в целом и с соседними монгольскими аймаками, в частности, зависят от следующих обстоятельств:

- от успехов в развитии экономики и решении задач переходного периода, стабилизации и эффективности экономического роста;
- от политической воли российского и монгольского народов и их руководства;

- от решения вполне конкретных проблем, препятствующих расширению двустороннего торгово-экономического сотрудничества (задолженность Монголии перед Россией, железнодорожные тарифы на перевозки монгольских грузов по российской территории, установление более тесных связей между отраслями промышленного и сельскохозяйственного производства).

5. Планируя дальнейшее развитие приграничного и регионального сотрудничества (первое выступает как органичная часть второго), Монголия, на наш взгляд, могла бы использовать некоторые свои существенные преимущества с немалой выгодой для себя. Результаты последних геологических исследований свидетельствуют о наличии на монгольской территории крупных залежей полезных ископаемых: флюорита, золота, меди, молибдена и др. Причем, одно из недавно открытых месторождений медно-молибденовых руд в Монголии по своим запасам превосходит знаменитое месторождение, эксплуатируемое ГОК «Эрдэнэт», входящее в первую десятку объектов такого рода в Азии. В то же время многие регионы Сибири, получив в начале 1990-х гг. свою долю суверенитета и пытаясь ее использовать, столкнулись с пассивностью иностранных инвесторов. Дело в том, что среди неосвоенных месторождений этих регионов богатых месторождений не так уж немного, а те, которые разрабатываются, имеют аналоги в других странах с более благоприятными природно-климатическими условиями²². Следовательно, сибирские регионы могли бы принимать участие в разработке более крупных месторождений на территории Монголии с участием третьих стран.

- 1 Новости Монголии. Улан-Батор. 1984. 28 сентября.
- 2 Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. М. Институт востоковедения РАН. 2002. С. 139.
- 3 Азия и Россия. Экономические связи в 2000 году // Ежегодный статистический справочник. М.: Бизнес-пресс. 2001.
- 4 Интервью заместителя министра промышленности и торговли Монголии О. Эрдэнэ // Зууны мэдээ. 2002. 28 ноября.
- 5 Интервью посла Монголии в Российской Федерации Санжаа Баяра корреспонденту «Красной Звезды» Ярославу Ястребову // Пульс планеты 2002. 15 марта.
- 6 Яскина Г. С. Монголия и внешний мир. С. 139.
- 7 Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией // Дипломатический вестник, 2000, № 3.
- 8 Там же.
- 9 Монголия сегодня. Еженедельная независимая газета. Улан-Батор. 2002. 3 августа.
- 10 Агентство ВПС\WPS, Бюллетень №20(1370). 2002. 29 мая.
- 11 По данным Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации.
- 12 Новости Монголии. Улан-Батор. 2002. 29 июля.
- 13 Засгийн газрын мэдээ. 1998. 31 октября.
- 14 По материалам «АМИ-Центр».
- 15 Интернет: [http:// www.buryatia\ gov\isp-vlass\press](http://www.buryatia.gov\isp-vlass\press).
- 16 РИА «НОВОСТИ». 2001. 11 февраля.
- 17 Одрийн сонин. 2002. 28 сентября.
- 18 По материалам Медиахолдинга «Пионер». Все СМИ Иркутской области ОИЦ «Сибирь».
- 19 Азия и Россия. Экономические связи в 2000 году // Ежегодный статистический справочник.
- 20 Интервью посла Монголии в Российской Федерации Санжаа Баяра корреспонденту «Красной Звезды» Ярославу Ястребову // Пульс планеты 2002. 15 марта.
- 21 Интернет: <http://www.amic.ru\data\2000\09\27\news\2913/shtml>.
- 22 ЭКО. 1998. № 9. С. 98-100.

Общество

Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР

© 2003

О. Почагина

В Китае, как и во многих других странах, все резче обозначаются проблемы, вызванные особенностями современных социально-демографических процессов. Одна из них — старение населения, иными словами — стабильное увеличение доли пожилых людей в составе населения. В КНР доля граждан старше 65 лет, согласно Всекитайской переписи населения 2000 г. составляла 6,96% от общей численности населения (88,11 млн. человек). Ежегодно численность пожилых людей увеличивается более, чем на 3%¹.

Процесс старения населения КНР идет гораздо более стремительными темпами, нежели в какой-либо другой стране, что объясняется успехами в реализации жесткой политики ограничения рождаемости и улучшением социально-бытовых условий жизни китайского народа в последние десятилетия. Регулирование рождаемости в целях ускорения экономического развития страны породило проблему «наоборот» — в стране стремительно растет группа населения старше 60 лет. Согласно прогнозам демографов, к 2030 году каждый пятый житель Поднебесной перешагнет эту возрастную границу.

Нация, имеющая более 10% населения старше 60 лет, считается в соответствии с документами ООН «стареющей». Китай в XXI веке станет самой старой (по составу населения) страной мира. Такого рода демографическая ситуация в свою очередь порождает непростые экономические, социокультурные и социопсихологические проблемы, которые необходимо решать, причем экстренно, уже сейчас, не дожидаясь 2030 года. Впервые в истории человечества сложится столь неблагоприятная для общественного развития возрастная структура населения. В интересах сохранения социальной стабильности и поступательного развития руководство Китая в короткие исторические сроки должно выработать такую систему попечения престарелых, которая могла бы обеспечить достойную жизнь пожилым гражданам.

Политики, ученые и китайская общественность в последние годы все активнее обсуждают проблемы старения общества, ищут пути их решения. Наиболее актуальны, по мнению китайских специалистов, следующие проблемы: 1) снижается уровень жизни пожилых людей в связи с изменением структуры доходов; 2) отсутствует гарантированная медицинская помощь пожилым

Почагина Ольга Валерьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

людям в связи с недостаточными отчислениями предприятий на медицинское обслуживание пенсионеров; 3) старики эксплуатируются собственными детьми, которые подчас жестоко обращаются с ними и даже оставляют на произвол судьбы; 4) многие старики старше 80 лет нуждаются в помощи по ведению хозяйства и самообслуживанию; 5) многим пожилым людям недостает духовной и культурной активности².

Экономические процессы, отсутствие национальной системы социального обеспечения, недостаточное (до середины 80-х годов) внимание к проблемам старшей возрастной группы населения со стороны политического руководства, неполное осознание проблем пожилых людей обществом, трансформация межпоколенных отношений, противоречие между традиционной системой ценностей (обязательства семьи перед стариками) с реальными социально-экономическими условиями — таковы основные причины обострения проблем, связанных с пожилыми людьми.

Перед государством и обществом встают проблемы не только материального, но морально-этического порядка по отношению к престарелым. Гуманное отношение к старости — это не только пенсионное обеспечение, достойные человека социальные услуги и гарантированное медицинское обслуживание, это и повседневная практическая работа по разрешению медико-социальных, семейно-бытовых, эмоционально-психологических и многих других проблем граждан старших возрастов, которая должна осуществляться на местах различными структурами системы социальной защиты населения совместно с общественными и благотворительными объединениями.

В данной статье особое внимание уделено социокультурным и социопсихологическим аспектам старения населения в КНР³, что очень важно для более полного представления о тенденциях развития ситуации и перспективах решения возникающих в этой связи проблем.

Социокультурные аспекты

Система ухода за стариками в обществе детерминируется уровнем экономического развития, социальной структурой, семейной организацией и культурными традициями. В Китае эта система, ставшая культурной традицией, эффективно функционировала на протяжении более двух тысячелетий. Социальные и экономические изменения второй половины XX века оказали значительное влияние на систему ухода за престарелыми в китайском обществе, подорвали саму основу ее существования, сложившуюся на основе конфуцианской концепции сяо модель взаимоотношений между родителями и детьми, представителями разных поколений — старшими и младшими. Первый удар системе был нанесен «Законом КНР о браке», закрепившим основные принципы матримониальной системы и отношений между членами семьи в социалистическом Китае: единобрачие, равенство мужчины и женщины, свободный выбор брачного партнера. Трансформировались и взаимоотношения между представителями различных поколений, что было связано с изменениями порядка наследования, счета родства, происшедшими в связи с внедрением в китайское общество идей демократии, равенства представителей различных возрастных групп, социалистических представлений о собственности.

Жесткая демографическая политика, резко ограничившая количество детей в китайских семьях, также нанесла некоторый ущерб системе семейного ухода за родителями, взвалив на плечи единственного ребенка объективно непосильную заботу о собственных родителях и двух парах прародителей (дедушках и бабушках).

В современном Китае традиция уважения и ухода за пожилыми теряет свою культурную основу. Конфуцианская концепция сяо, предполагающая

«абсолютное послушание отцу», постепенно заменяется концепциями индивидуального развития и равного диалога представителей разных поколений. «Уважение приходит с возрастом» — это представление еще сохраняется в китайском обществе, но за ним кроется уже несколько иной смысл, нежели раньше.

По мнению профессора Яо Юаня, ослабление системы семейного ухода за пожилыми членами связано с происшедшими структурными изменениями. Традиционная структура системы уважения старших включала три компонента: пожилых членов общества, их детей и общество в целом, между которыми существовали горизонтальная (отец — сын) и вертикальная (семья — общество) связи. В исторических источниках имеются данные, свидетельствующие о жестких наказаниях (ссылка, и даже смертная казнь) некоторых непокорных сыновей. Государство расценивало нарушение семейных порядков как преступление, угрожающее социальным устоям общества. Считалось, что «человек, уважающий родителей и старших, никогда не поднимет восстание против властей».

Таким образом, в традиционном Китае поддержка пожилых являлась одной из основных функций семьи. Родители в полной мере могли рассчитывать на спокойную старость, заботу и уход со стороны детей и внуков. Почитание старших было не только поведенческой нормой в рамках семьи, (которую можно соблюдать или игнорировать), но одной из важнейших социальных норм, подкрепленной идеологически и жестко контролируемой государством посредством законов.

В настоящее время уважение старших превратилось из социальной нормы в поведенческий стереотип. Чем это обусловлено? Во-первых, значительно изменилось и китайское общество, и пожилые люди, и их дети, и связи между ними как по горизонтали, так и по вертикали. В целом пожилые люди продолжают пользоваться в китайском обществе уважением, но последнее не является абсолютным требованием, связанным с государственной идеологией, отойдя в сферу морали и этики.

В отношениях престарелых родителей и их взрослых детей в современном Китае все больший акцент делается на материальные аспекты, все меньше внимания уделяется душевному состоянию пожилых людей. В традиционном обществе существовала лишь единственная форма ухода за стариками — в рамках семьи. Сегодня, помимо заботы и помощи, осуществляемой непосредственно детьми, живущими с престарелыми родителями или отдельно от них, появились и другие формы ухода и помощи пожилым — за деньги, по контракту между родителями и детьми, по решению суда, социальными работниками, волонтерами-членами благотворительных организаций. В современном Китае семейная забота о престарелых в большей степени определяется самой семьей, а не обществом. При этом отказ от заботы о престарелых, равнодушные к их проблемам не могут быть объяснены лишь экономическими факторами. Бесспорно, считает Яо Юань, имеет место и девальвация нравственных норм, что не может не вызывать беспокойства⁴.

Социальные и экономические процессы последних двух десятилетий негативно сказываются на традиционном отношении к старшим. Быстрый экономический рост, ускорение темпов жизни, миграция оказывают значительное влияние на межпоколенные отношения, делая их все более эгалитарными. Молодые люди делают ставку на карьеру и хорошо оплачиваемую работу, быстро усваивают западные ценности в отношении родителей и ответственности перед ними. Отсутствие у старшего поколения собственности, передаваемой по наследству, в определенной мере подорвало власть над детьми.

Трансформация структуры китайской семьи от традиционной модели (родители + сын/сыновья вместе со своими семьями, живущие под одной крышей) к нуклеарной также нанесла определенной ущерб социальной безопас-

ности старшего поколения, изменив отношения между членами семьи и гендерные роли в семье. При практическом отсутствии системы социального страхования более двух третей стариков, особенно в сельской местности, зависят от финансовой поддержки своих взрослых детей. Сейчас престарелые, нуждающиеся в уходе, как в городе, так и на селе в связи с недостаточной развитостью социальных служб могут рассчитывать на помощь детей, других родственников и соседей. Пожилые люди ожидают поддержки от взрослых детей, независимо от их пола. При решении вопроса о месте проживания стариков, требующих ухода, основную роль стали играть жилищные возможности и межличностные отношения.

Плохое обращение со стариками фиксируется медицинскими, социальными службами, средствами массовой информации. Народные суды все чаще рассматривают иски престарелых граждан к своим взрослым детям, отказывающим им в помощи и уходе. Безразличие, невнимание и даже жестокость по отношению к пожилым людям проявляются в различных формах (физическое, психологическое и материальное унижение). Так, например в Тяньцзине, социологическое исследование выявило, что наиболее часто конфликтные ситуации с элементами насилия связаны с жилищными проблемами, невыполнением сыновних и дочерних обязательств и повторными браками пожилых родителей⁵.

Может ли традиция уважения к старшим противостоять унижению и принижению социальной роли и нравственной ценности старости и пожилых людей в современном китайском обществе?

Нравственные нормы конфуцианства пока еще в определенной мере сдерживают отчуждение детей от престарелых родителей. Согласно конфуцианской традиции, дети должны уважать родителей, заботиться о них в старости, ухаживать за ними в случае болезни, достойно проводить в последний путь, хранить о них память, соблюдая ритуалы культа предков. «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почитательность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим»⁶.

Конфуций, разъясняя своим ученикам суть «сыновней почитательности», особо подчеркивал: «...Ныне [некоторые] называют сыновней почитательностью то, что они кормят своих родителей. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. Если это делается без особого почтения к родителям, то в чем здесь разница?». «Разве можно считать сыновней почитательностью, когда младшие берут на себя заботу о делах, а старшие имеют только вино и пищу»⁷. Здесь Конфуций, по всей видимости, хотел сказать о внимательном, искреннем, теплом отношении к родителям, делая акцент на духовных аспектах отношений разных поколений. Только такой подход вдыхает жизнь в его концепцию «сыновней почитательности».

Конфуций учил:

— «В обращении с отцом или матерью проявляй мягкость и учтивость. Если видишь, что твои желания им неуютны, все равно проявляй почитательность — не противься их воле. И пускай ты устанешь — не смей роптать».

— «Пока живы отец и мать, далеко не уезжай. А если уехал, постоянно живи в одном месте».

— «Нельзя не помнить о возрасте отца и матери, чтобы, с одной стороны, радоваться, а с другой — тревожиться».

— «При похоронных обрядах лучше скорбеть, чем заботиться о тщательности [исполнения обрядов]»⁸.

Таковы основные нормы «сыновней почитательности», которые, даже в первом приближении, сложно исполнять в современном модернизирующемся обществе, с его тенденциями индивидуализации, урбанизации, активизации миграционных процессов. Вышеперечисленные нормы сформировались в не-

драх традиционного общества, базировавшегося на аграрной экономике в условиях нехватки земельных ресурсов и господстве натурального хозяйства. Укрепление отдельной семьи как экономической единицы традиционного общества способствовало формированию патрилинейного порядка наследования и становлению патрилинейного счета родства. Авторитаризм главы семьи культивировал иерархические отношения в семье и родственной группе. Безусловное повиновение в рамках концепции «сыновней почтительности» сводилось в определенной степени к навязыванию воли старших, подавлению воли и отчасти игнорированию интересов младших.

Семью возглавлял «старший», ее женскую часть «старшая», обычно его жена, чаще всего эта пара была старшей по возрасту. «Старшие» распределяли хозяйственные работы между другими членами семьи, руководили их выполнением, распоряжались расходом семейных запасов, наблюдали за порядком и нравственностью, ведали отправлением семейного культа, связанного с почитанием предков. Члены традиционной семьи были связаны системой прав и обязанностей друг перед другом (ответственностью, помощью, защитой), земельной собственностью, переходившей к сыну только после смерти отца, и культом предков. Старшие в семье пользовались авторитетом и, поскольку они являлись носителями опыта, знаний, навыков хозяйственной деятельности, были собственниками основных средств производства, хранителями нравственных норм и семейных традиций. В традиционной семье стержнем внутрисемейных отношений были отношения отец—сын, все остальные отношения являлись второстепенными, подчиненными.

В современном обществе доминирующим структурным типом является нуклеарная семья (состоящая из супругов и не состоящих в браке детей), а основными отношениями — отношения между супругами. Вместе с изменением структуры китайской семьи в пользу нуклеарных семей растет и пропасть между родителями и детьми в представлениях о жизненных ценностях и образе жизни. Именно поэтому современные молодые супружеские пары стремятся жить отдельно от родителей. Так, количество новобрачных, живущих отдельно от родителей с 1992 по 1998 г. возросло вдвое, достигнув 68%. В Пекине количество семей, состоящих из людей старше 60 лет, составляют 34%, а в Шанхае 36.8% от общего числа семей⁹.

Семья в Китае в настоящее время несет основную ответственность за заботу и обеспечение престарелых членов. Изменение гендерных ролей и размытие концепции сяо привели к трансформации традиционных представлений о том, на ком лежит основная ответственность по уходу за стариками. Если раньше основная ответственность и тяжесть ухода за стариками лежали на жене старшего сына, которая жила вместе с родителями мужа, но не обладала значительным весом в семейной иерархии, то в современном Китае образование и занятость молодых женщин приводит к их желанию жить отдельно от родителей мужа, что, естественно, негативно сказывается на качестве и интенсивности их ухода за стариками. Женщинам из однодетных семей в ближайшем будущем придется одновременно ухаживать за несколькими пожилыми людьми (своими родителями и родителями мужа), что угрожает их возможности делать карьеру, зарабатывать деньги, дабы обеспечить собственную старость¹⁰.

В рамках одной расширенной семьи (когда родители проживают вместе с сыном, его женой и детьми) проблемы приготовления пищи, уборки жилища, стирки, общения решаются повседневно как само собой разумеющиеся. В случае раздельно проживания, молодая пара должна выкраивать время для визита к родителям. Как правило, это получается при современном ритме жизни в городах не чаще, чем раз в неделю, а то и реже. Если старики здоровы и сами

могут обслуживать себя, то они страдают от недостатка общения, если же заболевают, проблемы ухода становятся острее и не могут быть решены без помощи соседей и муниципальных социальных служб.

Потребность в межпоколенном взаимодействии и взаимопомощи становится все более актуальной в связи с увеличением практически вдвое по сравнению с 1949 г. средней продолжительности жизни китайцев и ростом числа людей преклонного возраста. Вместе с тем социально-экономические процессы конца XX века порождают препятствия для взаимодействия представителей разных поколений. Примечательно, что экономическая и финансовая помощь не всегда является главной для горожан преклонного возраста, большое значение имеет духовное общение и ежедневная помощь в решении бытовых проблем.

Социологический опрос студентов и пожилых людей в Пекине, выявил, что представители различных поколений по-разному понимают концепцию сыновней почтительности и обязательства взрослых детей по отношению к родителям. Для старших возрастных групп характерны высокие ожидания относительно почтительности и уважения со стороны младших по возрасту. Молодежь также положительно оценивает уважительное отношение к старшим, особенно к родителям, однако такие показатели как «повиновение» и «послушание» получили самые низкие коэффициенты, тогда как «уважение» — самый высокий. Забота о престарелых родителях (имеется в виду уход и помощь по дому) и финансовая помощь — так видят свои обязанности молодые люди. Девушки на первое место поставили сохранение связей со старшими. «Уважение старших, но без обязательного повиновения им» — такова новая культурная установка, характеризующая отношение к старшим в современном китайском обществе¹¹.

В XXI веке молодые поколения даже при всем желании (наличие которого находится под вопросом) объективно не смогут обеспечить адекватную требуемой и необходимой экономическую и иную помощь старшим поколениям. Проблема состоит в том, что на одного молодого человека падает забота о шести ближайших родственниках (родителях и двух парах прародителей). Это практически невозможно при необходимости делать карьеру, добиваться повышения уровня жизни, создавать свою семью, воспитывать, обеспечивать и давать образование своим детям. Все это требует затрат, несоизмеримых с затратами на детей в традиционном обществе. Время и возможности ухаживать за родителями, бабушками и дедушками и общаться с ними сильно ограничено из-за значительно ускорившегося ритма жизни. Ситуация усугубляется и устойчивой тенденцией к раздельному проживанию родителей и состоящих в браке детей, отсутствием братьев и сестер, с которыми можно было бы разделить заботы по уходу за престарелыми родственниками.

Экономические перемены и смягчение ограничений на миграцию расширили возможности трудоустройства сельской молодежи в городах и интенсифицировали миграционные процессы. Молодежь, покидая сельскую местность и перебираясь в города, территориально отделяется от престарелых родителей, что осложняет уход за ними. Часто в этих случаях на плечи дедушек и бабушек помимо забот о собственном существовании ложатся еще и дополнительные заботы о несовершеннолетних внуках.

Родители, как правило, стараются оказать детям материальную и финансовую поддержку в первые годы после их вступления в брак. Эти отношения укрепляют связи между поколениями. В дальнейшем старшее поколение потеряет эту возможность, поскольку уровень доходов молодых будет расти, а доходы пожилых останутся прежними.

Помощь старших родственников по хозяйству, уходу за внуками и их воспитанию часто, особенно в городах, носит ограниченный характер из-за

раздельного проживания. Следствием ослабления взаимной помощи и падения интенсивности общения между представителями различных поколений внутри родственной группы явится частичная потеря ощущения взаимозависимости между поколениями, усиление чувства независимости, самостоятельности членов семьи. В результате этих процессов роль семьи в обеспечении ухода и поддержки стариков будет, по всей видимости, неуклонно снижаться.

Социопсихологические аспекты

Говоря о социопсихологических аспектах старения, надо особо подчеркнуть, что сами представления о старости претерпели значительные изменения у современных китайцев, достигших 60 лет. Средняя продолжительность жизни до образования КНР в 1949 году составляла всего 35 лет, в 1996 г. — 68 лет для мужчин и 73 года для женщин. Некоторые эксперты считают, что эти показатели достигнут к 2010 г. 70 лет и 74 лет соответственно. Многие пожилые люди в Пекине посещают колледжи, одинокие вступают в браки, многие, кому за 60, не считают себя стариками, некоторые даже хотели бы работать.

Следует, однако, отметить, что большинство пожилых людей, вне зависимости от состояния их физического и психического здоровья, сталкиваются с такими социальными проблемами как одиночество, изоляция, скука, связанными с изменением социальной роли.

Адаптация к изменившимся условиям существования (окончание трудовой деятельности, выход на пенсию, смена темпа и образа жизни, характера общения) представляет серьезную дополнительную нагрузку для психической сферы стареющего человека, вне зависимости от его этнокультурной принадлежности. К этому универсальному обстоятельству добавляется и то, что население КНР последние два десятилетия испытывает воздействие факторов, связанных с реформированием социально-экономической системы и модернизацией общества, которые особенно чувствительны для психологического состояния представителей старших возрастных групп.

Утрата чувства стабильности и уверенности в завтрашнем дне, отсутствие общенациональной системы социального страхования, введение платной медицины, рост расходов на медикаменты, крушение прежних идеалов стали по ряду причин как экономического, так и психологического свойства психотравмирующими факторами для пожилой части китайского населения.

Психика пожилых людей претерпевает изменения, порой весьма существенные. У людей старших возрастных групп часто отмечаются депрессии, чувства страха. В XXI в. КНР, по мнению директора научно-исследовательского института по проблемам психического здоровья при Пекинском университете Юй Сина, предстоит решать серьезную проблему, связанную с ухудшением состояния психического здоровья людей преклонного возраста. По его словам, одной из основных болезней пожилых людей стало слабоумие¹².

Обычно слабоумие возникает после 65-70 лет, характеризуется вязкостью мышления, стереотипичностью суждений, повышенным консерватизмом, забывчивостью и пр. До 80-х годов этим психическим расстройством в КНР было поражено от 0,46% до 1,86 населения старших возрастных групп, тогда как в Японии этот показатель составлял около 5%. В середине 90-х ситуация изменилась. В Шанхае (где каждый седьмой житель старше 60 лет) был зафиксирован показатель более 4%, что уже вполне сопоставимо с европейскими данными. Является ли такое резкое увеличение заболеваемости результатом более точных методик исследований или действительно старческое слабоумие распространяется быстрыми темпами в КНР, пока нельзя ответить однозначно. С нашей точки зрения, истина находится где-то посередине: возникновению та-

кого рода психических нарушений в старческом возрасте способствуют психотравмирующие ситуации, которые, бесспорно, имеют место в модернизирующемся обществе. Кроме того, увеличилась доля стариков в обществе, в последнее десятилетие значительно возросло количество и качество исследований психологического состояния населения КНР¹³. К психическим отклонениям в старческом возрасте в Китае традиционно относятся негативно, что являлось еще одной причиной скрывать заболевание и не обращаться за медицинской помощью.

Чувство страха в значительной мере обусловлено переживаниями, связанными с нарушением традиционной системы норм и этических принципов, разрушением идеалов и привычного образа жизни. Под угрозой оказались ценности, которые имели для представителей старших поколений КНР существенное значение, а в какой-то и мере и их внутренний мир из-за необходимости следовать нормам поведения и образу жизни, кардинально отличающимся от усвоенных ранее. На их судьбу выпало сразу несколько ценностных ломок. Сначала традиционный образ жизни, в котором они были воспитаны, был революционным путем заменен на уравнилельно-коммунистический с совершенно чуждым моральным кодексом. Затем началась эпоха открытости и модернизации, зазвучали совершенно другие лозунги и были поставлены иные ценностные ориентиры, соответствующие рыночным отношениям.

Исследование психического здоровья пожилых людей провинции Хунань выявило воздействие социокультурного окружения на распространенность депрессии. Отсутствие гармоничных, с точки зрения традиционных представлений, отношений между членами семьи, нарушение традиционных социокультурных норм являются основными причинами возникновения депрессии у пожилых людей.¹⁴

Для людей преклонного возраста в принципе характерны опасения за судьбу своих детей, страх перед нарастающей беспомощностью и увяданием собственного организма, перед болезнями. Эмоциональные переживания в старости вызывает само осознание приближающегося конца жизни и неотвратимости смерти. В традиционной китайской культуре имеется целый пласт философских и религиозных воззрений, касающихся смерти. Смерть не прекращала отношения и взаимодействие между родственниками (родителями и детьми, прауродителями и внуками). Более того, погребальные и поминальные ритуалы направлены на сохранение этих отношений. Живые потомки обеспечивают умерших предков пищей, деньгами и вещами, они обязаны поддерживать духов умерших предков (материально и морально) и содержать в порядке их могилы. Могилы предков занимали особое место в культе их почитания.

При выполнении всех этих обязанностей предки даруют потомкам удачу, богатство и продолжение рода. Таким образом сохраняются взаимовыгодные отношения между живыми и умершими, предками и потомками. Считалось, что если потомки не уделяют должного внимания духу и не приносят регулярно подарки и подношения на могилу предка, он прекратит свою помощь потомкам и будет вынужден искать пищу и поддержку в иных местах, превратившись в «голодного духа».

После прихода к власти КПК традиционные погребальные ритуалы и представления, связанные со смертью, подверглись осуждению. Более того, с 1949 г. в КНР был взят курс на замену традиционного погребения кремацией. Такие перемены мотивировались как идеологически — отсутствием потустороннего мира и загробной жизни, так и сугубо прагматическими причинами: рубка деревьев на гробы способствует истреблению лесов, дисперсность семейных захоронений сокращает земельный фонд, усиливает эрозию почв. Традиционно длительные поминальные и траурные обряды предписывалось заме-

нять более короткими по времени и менее сложными по характеру церемониями. Так, ношение траурной одежды заменялось нарукавной повязкой или черным и белым платком, который полагалось носить в кармане. Женщины в знак траура могли носить белый цветок в волосах. Подвергся остракизму обычай дорогостоящих поминальных трапез.

Автор концепции модернизации китайского общества, председатель КНР Дэн Сяопин, согласно его воле, был кремирован, а его прах был развеян над морем. Этот вариант современного погребального обряда в модернизированном обществе, по мнению китайского руководства, идеален: гробы могут быть использованы неоднократно, земли для захоронения не требуется, исключаются даже затраты на строительство колумбариев для хранения урн с прахом усопших.

Политика КПК имела успех в городах, где в настоящее время кремируются более 90% умерших горожан. Что касается сельских жителей, то лишь около 20% из них подвергаются кремации¹⁵. Стремление КПК изменить тип погребения вызвало в китайском обществе отторжение, что было обусловлено именно традиционными представлениями китайцев о смерти. Кремация, по их мнению, означает, что смерть — это конец, тогда как сохранение костей (при захоронении в земле) воплощает жизненную энергию ци, посредством которой осуществляется связь ушедших и живущих поколений¹⁶.

Пожилые люди предпочитают следовать традиции. В городах они сталкиваются с дилеммой быть кремированными или покинуть город и уехать в сельскую местность, дабы быть погребенными после смерти. Сельские жители часто не хотят переселяться в дома престарелых, поскольку боятся, что их участки для погребения или место на кладбище отберут, и жизненный путь закончится кремацией.

Как это ни парадоксально, изменение погребальных обрядов (наиболее консервативных у всех народов мира), свидетельствует о вовлеченности в процесс глобализации социокультурной, в частности обрядовой сферы, включая семейную обрядность жизненного цикла.

В КНР для престарелых людей создаются государственные реабилитационные центры, распространяющие информацию о профилактике заболеваний и оказывающие консультационную и медицинскую помощь, а также досуговые центры, где пожилые могут заниматься хоровым пением, танцами, каллиграфией, фотографией, спортом и др. Помимо этого, активно стимулируется участие престарелых в делах общества. Местные сообщества (деревенские, районные, квартальные, уличные) в последние годы на общественных и благотворительных началах организуют службы по оказанию медицинской и психологической помощи пожилым людям, которые решают и вопросы их ежедневного быта.

В 2002 г. в КНР насчитывалось более 10 млн. нуждающихся в уходе граждан в возрасте старше 70 лет. В государственных домах для престарелых живут 170 тыс. человек, в домах для престарелых, содержащихся за счет коллективов — 660 тыс. человек, в приютах, созданных на благотворительные средства — 30 тыс. человек¹⁷. Потребность в такого рода заведениях гораздо выше. Как правило, прежде в дома престарелых попадали люди, не имеющие детей и родственников. Сейчас ситуация принципиально изменилась: одиночество перестало быть основным критерием.

Ситуация, когда родители единственного ребенка в возрасте 50-60 лет, после его вступления в брак оставались одни, была редкостью в Китае. Сегодня таких семей много. Более того, появились одинокие люди — после смерти одного из супругов или развода. Проблема одиночества — беспрецедентный социальный феномен для Китая. Сейчас в КНР насчитывается более 120 млн.

людей старше 60 лет, из них 45 млн. — вдовцы и вдовы. Многие из них, приняв решение вступить в повторный брак, столкнулись с негативной реакцией своих взрослых детей. Неприятие выражается в различных формах — от отказа общаться до вербального и физического насилия и прекращения материальной поддержки родителей. В связи с этим в новую редакцию «Закона о браке» (2001г.) законодателями была включена статья, согласно которой «дети должны уважать право родителей на заключение брака и не должны вмешиваться в повторный брак или жизнь родителей после заключения брака. Обязанность детей содержать родителей не отменяется из-за изменения брачных отношений родителей»¹⁸.

В последние годы появились многочисленные службы знакомств, причем их клиентами являются не столько молодежь, сколько люди среднего возраста и овдовевшие пожилые люди. Средства массовой информации широко освещают позитивные моменты такого рода повторных браков, их благотворное влияние на психологическое состояние пожилых людей, решение их ежедневных забот и проведение досуга. Государство поддерживает повторные браки пожилых людей, поскольку они в определенной мере одновременно решают проблемы одиночества стариков и ухода за ними.

Социальная политика в отношении пожилых граждан

В последнее десятилетие геронтологи, социологи, психологи, выполняя социальный заказ, активизировали усилия по изучению проблем, связанных со старением населения. Значительно расширился диапазон исследований, в сфере внимания попали социокультурные и социопсихологические аспекты. Результаты исследований публикуются в научных журналах и средствах массовой информации, обсуждаются на многочисленных научных конференциях и симпозиумах.

Существуют две основные системы обеспечения и ухода за престарелыми — семейная система, характерная в чистом виде для традиционных обществ, и система социального обеспечения и страхования по старости, свойственная современным экономически развитым государствам. В КНР в настоящее время эти две системы сосуществуют при явном доминировании первой. Система семейного обеспечения и ухода за пожилыми, рассматривается учеными как культурное наследие китайской нации, по их мнению, она не исчезнет полностью, хотя ее роль будет постоянно снижаться.

Сменит ли в конечном итоге государственная система социального страхования по старости семейную систему по мере перехода от аграрного к индустриальному обществу? Несмотря на разнообразие точек зрения на перспективы и пути решения проблем, связанных со старением населения, китайские ученые едины в следующем. Поскольку Китай станет «старющей нацией» гораздо быстрее, чем экономически развитой страной, и имеет традиционную систему семейного ухода за престарелыми, эта система останется основной еще достаточно длительный период времени. Тем не менее неэффективное функционирование этой системы в новых социально-экономических условиях делает жизненно необходимой выработку национальной социальной системы обеспечения престарелых, что со временем повысит значение последней, обеспечив плавный переход от традиционной к современной модели попечения.

В соответствии с рекомендациями ученых государственные инстанции выработали систему мер для решения проблем и охраны прав граждан старших возрастных групп. «Основой этой системы должно стать семейное содержание и домашний уход за престарелыми, ее опорой — услуги, оказываемые по месту жительства, ее дополнением — работа общественных благотворительных организаций»¹⁹. На первом этапе в городах планируется создать сис-

тему основного страхования по старости, а в селах придерживаться принципа домашней заботы о престарелых, совершенствовать правила оказания материальной поддержки и режим "пяти гарантий" (питания, одежды, жилья, медобслуживания, погребения).

Под формированием благоприятной среды для пожилых людей прежде всего имеется в виду обеспечение гарантий прав престарелых, разработка и совершенствование законодательства и политических установок по охране их прав, усиление контроля за исполнением уже имеющихся законов, поддержка престарелых в их желании продолжить свое образование, поощрение их участия в общественной жизни, использование их богатого жизненного опыта и знаний. Планируется также осуществление льготных мер в области налогообложения, предоставления кредитов, аккумулярование средств для развития отраслевого хозяйства для престарелых²⁰.

Совершенствование систем основного страхования старости и основного медицинского страхования для городских рабочих и служащих предусматривает сочетание возможностей единых общественных фондов с личными банковскими счетами граждан и создание в сельской местности, где есть на то условия, системы социального страхования.

Государство, таким образом, не берет курс на переход от традиционной модели семейного ухода к общенациональной системе социального страхования даже в отдаленной перспективе. Это можно объяснить нежеланием правительства на данном этапе взваливать на себя чрезмерные, с его точки зрения, обязательства.

В документах всячески подчеркивается важность идейно-нравственного воспитания молодежи и подростков, соблюдения традиционных норм в отношении старших по возрасту, осознания, что каждый гражданин должен самостоятельно заботиться о своей старости, причем заранее. Признавая необходимость взаимодействия индивидуума и общества, государство подчеркивает, однако, что человек несет главную ответственность за свое обеспечение в старости. Такая установка отражает все возрастающее влияние рыночной экономики. Все предпринимаемые и планируемые меры говорят о том, что несмотря на то, что обязанность взрослых детей содержать своих родителей закреплена в Конституции, в реальной жизни на эти обязательства полагаться не всегда возможно.

Таким образом, государство с одной стороны настаивает на возрождении традиционной системы семейных ценностей, включая уважение к пожилым людям, а с другой — утверждает, что отдельный человек несет основную ответственность за обеспечение себя в старости, что соответствует современным социально-экономическим условиям и возможностям государства. В этом и таится, на наш взгляд, главное противоречие — традиционная система ценностей не может в полной мере функционировать в новых социально-экономических условиях. Необходима иная, отличная от традиционной, концепция уважения людей старшего возраста, не исключая, однако, традиционные ценности, совместимые с социально-экономическими изменениями, идущими в стране.

* * *

Анализ социокультурных и социопсихологических проблем, связанных со старением населения КНР, показывает, что они тесно связаны с кардинальными переменами, происходящими в социальной структуре и семейной организации. Указанные процессы активизируют трансформацию культурных традиций, способствуют их размыванию. Современное посттрадиционное китай-

ское общество не может жить в строгих рамках традиции, в действие вступает новация. Традиции, сформировавшиеся в иных социально-экономических условиях не могут по совершенно объективным причинам противостоять экономическим тенденциям индустриального общества и процессам глобализации.

Выясняется, что некоторые тенденции трансформации культурных ценностей имеют этнокультурную специфику: общинные формы заботы о престарелых (сельские, уличные комитеты). Другие — идут в русле общемировых тенденций и могут быть отнесены к явлениям глобализации в сфере культуры: изменение обрядовой сферы (кремация, упрощение траурных церемоний, представлений о старости, роль и статус стариков в обществе и др.) Имеет место и своеобразная культурная мимикрия — старые ценности приобретают новые формы (колумбарии и поминание усопших на специальных сайтах в Интернете).

Индустриальная революция, новые информационные технологии, прочно вошедшие в жизнь китайского общества, изменение бытовой культуры, нуклеаризация семей, интенсивные социально-экономические процессы превратили старость в проблему как пожилых людей, так и молодежи. Аналогичным образом ситуация складывается и в других модернизирующихся обществах Азии²¹. Справедливости ради, необходимо отметить, что описанные явления пока еще не приобрели общенационального масштаба, наиболее очевидны они в городах и экономически развитых провинциях КНР. Тем не менее именно они являются индикатором основных тенденций развития китайского общества в XXI веке.

Китайское общество, руководство страны лишь недавно пришли к осознанию того, что традиционная семейная система ухода за пожилыми функционирует в новых социально-экономических условиях неудовлетворительно, а численность пожилых людей и проблемы, связанные с ними, нарастают как снежный ком. В настоящее время представители старших поколений расплачиваются за социальные эксперименты, разрушившие традиционную систему семейного ухода за стариками. Они не успеют воспользоваться преимуществами новой системы социального страхования, поскольку она только лишь начала формироваться в Китае. Усилия, которые начало предпринимать государство, дает определенную надежду на то, что сфера действия социального страхования через 30 лет охватит и сельское население, которое к тому времени перестанет уповать на государство и начнет откладывать деньги на старость.

Современной молодежи не надо прививать сознание о необходимости позаботиться о собственной старости, она уже чувствует на себе жесткость рыночной экономики. Накопление частной собственности, повышение уровня жизни в исторической перспективе неизбежно приведут к тому, что современные молодые люди подойдут к пожилому возрасту в совершенно иных, более благоприятных для них условиях (действующей национальной системы социальной защиты населения и с личными накопительными пенсионными счетами). Таким образом, необеспеченные граждане получают возможность воспользоваться социальными гарантиями, а обеспеченная часть населения будет иметь средства, которые смогут гарантировать ей достойную старость с возможностями оплачивать услуги патронажных сестер по уходу или проживать в комфортабельных домах для престарелых, не завися материально от своего единственного ребенка.

Как долго будет сохраняться острота этой проблемы? Финансовая самостоятельность старших поколений, которая станет реальностью при условии стабильного развития китайского общества через 30-50 лет, другие условия воспитания и жизни нынешних молодых поколений, несколько снимут сегодняшнюю остроту межпоколенных отношений. Появление собственности у ро-

дителей и перспектива получить ее в наследство, а следовательно обеспечить себе лучшие стартовые условия в жизни реанимируют уважение к родителям и старшим быстрее, нежели идейно-воспитательная работа, которую планируют развернуть КПК.

Говоря о негативных явлениях, имеющих место в межпоколенных отношениях, нельзя представлять ситуацию таким образом, что современная молодежь совсем не уважает старших. Ситуация не столь однозначна. Бесспорно, старикам сейчас нелегко, но молодежи тоже непросто адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, ей приходится быть гораздо более активной, нежели родителям, чтобы преуспеть в модернизирующемся обществе с рыночной экономикой. Дефицит времени, отличающиеся культурный и образовательный уровни, разные потребности привели к тому, что проявление уважения к родителям в большинстве случаев сводится к оказанию им материальной и финансовой помощи. Снижение уровня духовного и эмоционального общения между разными поколениями связано с тем, что нормы и ценности старших кажутся молодежи архаичными, а их опыт и знания несоответствующими реалиям современной жизни. Стиль жизни молодых людей, ограниченное общение зачастую воспринимается пожилыми как неуважение, поскольку не соответствуют их ожиданиям и представлениям о взаимоотношениях разных поколений.

Растущая безработица среди трудоспособного населения (цифры колеблются от 150-200 млн. чел.), падение доходов у некоторых слоев населения (в связи с реорганизацией государственных предприятий) также негативно сказываются на возможностях молодежи и людей среднего возраста помогать родителям и прародителям. Здесь скорее нужно говорить не о нежелании первых, а об объективных ограничителях. Руководство Китая признает, что порог нищеты в КНР занижен (он составляет 625 юаней /менее 80\$/ в год), если его поднять до 825 юаней /100\$/ то, по словам, нового премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, за этим порогом окажется втрое больше людей.

Ставка на семью как на основу решения проблем престарелых в будущем, надежды КПК на возрождение традиционной семейной этики, по всей видимости, не дадут ожидаемых результатов, потому что в Китае институт семьи, его структура и функции, претерпели значительные изменения, а морально-нравственные стандарты современного общества далеки от традиционных. Неэффективность в последние годы семейной системы ухода за престарелыми признается китайскими специалистами, более того, они практически единодушно считают, что с развитием рыночной экономики данная тенденция будет набирать силу.

Таким образом, в XXI в. в Китае традиционную семейную систему ухода за престарелыми все-таки должна (это в интересах и общества, и государства) сменить социальная система страхования по старости, дополненная семейным уходом и услугами, оказываемые по месту жительства (муниципальными или деревенскими службами), осуществляемыми на благотворительной и коммерческой основе. Задача эта чрезвычайно сложная, требующая бюджетного финансирования и постоянного жесткого контроля со стороны государства.

Сможет ли китайская духовная традиция аккультурировать новации, привнесенные модернизацией (индивидуализм, эгалитаризм и коммерциализм) и каково будет соотношение традиции и новации в формирующейся системе ухода за пожилыми, покажет время. Тем не менее, эта система в XXI в., бесспорно, будет обладать определенной этнической спецификой.

1. Report: China's Aging Population Expanding Fast // <http://english//peopledaily.com.cn/2002/08/15>.
2. Жэньминь жибао. 1999. 24 апреля.
3. Экономические и демографические аспекты проблемы были проанализированы в статье д.и.н. Я.М. Бергера «Социальная поддержка пожилых людей в Китае» // «Проблемы Дальнего Востока». 2002. №1-2.
4. Yao Yuan. Weakening Family Support for Elderly in China//Chinese Society and Anthropology, 2001, Vol. 34, № 1, P. 26-34.
5. Wang Laihua, Bai Hongguang Safeguarding the Lives of the Elderly and Their Dependence on the Community// Social Sciences in China. 2000, Spring, P.123.
6. Л.С. Переломов. Конфуций. «Лунь юй». М., 1998. С. 300
7. Там же. С. 308.
8. Там же. С. 317, 332-333.
9. People's Daily Online 2000. 8 Aug.
10. Economist. 1998. November 21.
11. Asian Journal of Social Psychology. 1999. Aug., Vol.2, Issue 2.
12. Синьхуа. 2001. 8 мая.
13. Dein S., Huline-Dickens S. Cultural Aspects of Aging and Psychopathology//Aging and Mental Health. 1997. May. Vol. 1. P. 115.
14. A.Zhang, L. Yu, etc. Family and Cultural Correlates of Depression among Chinese Elderly// International Journal of Social Psychiatry. 1997. Vol. 3. N 3. P. 200.
15. Bezlova A. China: Battle with Tradition Spills into Cyberspace. Traditional Funerals and the Internet//Religioscope. 2002. April 9.
16. Kenworthy E. Homes for Ancestors: Establishing New Traditions of Burial Through the Provision of Columbaria in Hong Kong// Chinese voice, P. 2.
17. Синьхуа. 2002. 16 октября.
18. Жэньминь жибао. 2001. 1 мая.
19. См: Материалы пресс-канцелярии Госсовета КНР «Народонаселение и развитие Китая в XXI веке». Пекин. 2000.
20. Там же.
21. Cultural Aspects of Aging and Psychopathology//Aging and Mental Health. 1997. May. Vol 1. P.114.

Экономика

Размышления о теории и практике реформы в Китае

© 2003

Ху Дэпин

С 1978 г. история нашей страны неотделима от истории осуществления политики реформ и открытости миру. По мере развития и углубления процесса реформ ряд наших экономистов сформулировали новое научное направление в экономической науке — "теория экономической реформы".

Предметом исследований на этом направлении должны стать те страны бывшего социалистического лагеря, в которых существовала система высокоцентрализованной плановой экономики и перед которыми стоит проблема: как осуществить переход к системе рыночной экономики. В их числе находится и наша страна. Подобный переход сопряжен с преодолением множества невиданных ранее трудностей и вызовов, в том числе в идеологии, в опыте и уроках ведения социалистического хозяйства, внедрения частного хозяйства, в политике открытости доступа к капиталистическому рынку, в вопросах соотношения принципов справедливости и эффективности в экономике и т.д. Здесь мне хотелось бы высказать свои соображения по этим проблемам.

I. Невозможность построения социализма в отдельно взятой стране

1957 г. был чрезвычайно важным в истории Китайской Народной Республики. Начиная с этого года и вплоть до окончания так называемой "культурной революции" линия нашей партии все больше отклонялась "влево". В статье товарища Мао Цзэдуна "Обстановка летом 1957 г.", опубликованной в июле того же года, говорилось: "Подобная дискуссия имела место в Советском Союзе в 20-х годах (дискуссия с Троцким и другими о возможности построения социализма в одной стране). У нас в стране она возникла в 50-х годах, а именно в нынешнем году. Если в этой дискуссии мы не добьемся полной победы, то не сможем продолжать наше движение вперед"¹. Он считал

Ху Дэпин, заместитель заведующего отделом по работе Единого фронта ЦК КПК, член Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, заместитель председателя Комитета славного дела. Настоящая статья — выступление Ху Дэпина 28 октября 2002 г. на Ученом совете ИДВ РАН в связи с вручением ему дипломов доктора экономических наук (*Honoris causa*) и "Почетный доктор ИДВ РАН" и избранием членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии.

также, что после побед, одержанных в том году, потребуется еще десять-пятнадцать лет, чтобы социализм можно было считать в основном построенным. Еще десять-пятнадцать лет понадобится для того, чтобы создать необходимые условия для перехода к коммунизму. Догнать и перегнать США в экономическом отношении, в соответствии с намеченными планами, предполагалось приблизительно к 2000 г.

Очевидно, что и Сталин, и Мао Цзэдун считали возможным построение социализма в отдельной стране, однако реальные результаты были либо полностью противоположны их благим замыслам, либо народное хозяйство оказывалось почти на грани краха. Сегодня, когда международное коммунистическое движение переживает спад, жизненно важное значение имеет серьезный и добросовестный критический анализ теоретических ошибок в концепции "построения социализма в отдельной стране", необходимый нам, чтобы глубже понять поэтапный характер процесса становления социализма, его долговременность, а также его обязательную неразрывную взаимосвязь с миром.

В стране с древней историей и культурой, которая, находясь на этапе развития традиционного аграрного общества, подвергалась давлению со стороны нарождающегося в ее недрах капитализма или внешней агрессии иностранного капитала, должны были неизбежно возникать решительные настроения революционного сопротивления со стороны народных масс. При отсутствии в таких случаях твердого руководства со стороны политической партии марксистской ориентации, ведущее положение могут занять различного рода ошибочные идеологические течения. Классическим примером таких идеологических течений было российское народничество.

Одним из источников возникновения российского народничества являлась система крестьянских общин, долгое время существовавшая на обширных сельских просторах России. Каждая община представляла собою отдельный мир, изолированное и закрытое сообщество, члены которых слышат, как говорят, крики петухов и лай собак у соседей, но люди между собой никогда не общаются. Это была тихая, спокойная, своего рода идиллическая жизнь: люди сообща владели общинной землей, сообща трудились, поровну платили налог зерном; вели натуральное хозяйство объединяясь по родам. Они были против разделения труда, товарного обмена, применения крупных механизмов и оборудования. Им не нравился капитализм и они ненавидели все атрибуты капиталистической цивилизации. Это подготовило почву для того, чтобы сталинская концепция построения социализма в отдельно взятой стране имела, так сказать, свой рынок и влияние среди широких масс кадровых работников. Идеи народничества и ленинская новая экономическая политика (НЭП) были диаметрально противоположны. В такой ситуации необходимо проявлять бдительность во избежание влияния народнических идей.

Сталинская теория построения социализма в отдельной стране на деле была выдвинута в противовес ленинской концепции НЭПа. Суть ленинской концепции состояла в том, что НЭП не изменяет сущности рабочего государства, но в корне меняет способ и формы строительства социализма, потому что НЭП разрешает, чтобы социализм в период своего строительства и капитализм, пытающийся возрождаться, могли соревноваться в экономике на основании рынка для удовлетворения потребностей миллионов крестьян. НЭП означал признание понятия товара, товарообмена, рынка, соревнования между строящимся социализмом и капитализмом, звал коммунистов учиться торговать и побеждать стихию рынка с помощью чудодейственных методов свободной торговли, реформаторским способом строить социализм. Однако Сталин лично исходил из того, что "капитализм нам не нравится", что "капиталистическая система нерациональна в экономическом плане", поэтому

“для развития существует только один путь”, который был сформулирован в учебнике истории ВКП(б), а именно: партия должна ликвидировать кулачество точно так же, как она экспроприировала, ликвидировала капиталистов в 1918 г. Таким образом, осуществление ленинской НЭП было фактически приостановлено и в авантюрном порядке с помощью административных указов были упразднены товарные отношения и рыночный обмен.

История подтвердила полную несостоятельность попыток обособления отдельного государства от мировой экономики и культуры, его самоизоляции и замкнутости, существования в мире двух параллельных рынков, а также теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Эти ошибки в области познания и теории коренятся в попытках игнорировать естественные законы экономики при строительстве и развитии нового общества. В предисловии к первому изданию “Капитала” К.Маркс писал: “Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, — а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов.” “Моя точка зрения состоит в том, что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс”².

Когда в партии царит высокий подъем революционных настроений, когда совершается революция, радикально меняющая лицо общества, естественный ход истории может восприниматься как скучный и прозаический, и существует соблазн совершать скачкообразное движение вперед, осуществлять “революционные” социальные эксперименты. Глубокой проницательностью в этом отношении обладал Ф. Энгельс, соображения которого могут служить отправной точкой при разработке теории реформы экономики в социалистических странах.

В 1853 г. в письме к И. Ведемейеру он пояснял: “Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти... В таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* (здесь и далее подчеркнуто Ф.Энгельсом) оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой страной, как Франция, — при первом же серьезном конфликте, как только будет угрожать *действительная опасность*, наступит черед этой передовой партии действовать, а это было бы во всяком случае *преждевременным*. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, — это уже заранее подготовить в нашей партийной *литературе* историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет.”³

II. Построение социализма методами рыночной экономики

Теоретический фундамент экономической науки, существующей уже на протяжении двух веков, был заложен в трудах классиков политэкономической науки А. Смита и Д. Рикардо, которые стали идейным источником политэко-

номии марксизма. Различные экономические понятия и определения, которыми оперировали А. Смит и Д. Рикардо, такие, как “капитал”, “товар”, “прибыль”, “заработная плата”, “земельная рента”, “проценты”, “стоимость”, “труд”, “рабочая сила” и т.д. — являются понятиями и формами мышления, признанными различными современными экономическими школами. Эти понятия базируются на представлении о первичности объективных экономических процессов и имеют под собой материалистическую основу. Всякий, кто игнорирует их, будь то отдельный человек, партия или целое государство, — вынужден будет платить за это высокую историческую цену.

Коммунистическая партия Китая с момента основания рассматривала марксизм в качестве идейно-теоретической основы своей деятельности. На протяжении длительного времени она неуклонно отстаивала тезис о неизбежности прихода социализма на смену капитализму, раскрывала блестящие перспективы социализма, проповедовала высокие гуманистические идеалы. В правильности этого не может быть никаких сомнений, иначе она не была бы революционной партией. Однако, будучи правящей компартией более полувека, она была бы обречена на поражение и потерю статуса правящей партии, если бы трезво не осознавала степень отсталости производительных сил в стране, не знала о повседневной экономической жизни сотен миллионов ее населения, не видела противоречий между надстройкой и экономическим базисом и, забыв о реальном положении в стране, погрязла в разглагольствованиях об общественных идеалах. Что такое социализм? Как его строить? На протяжении долгого времени у нашей партии не было ясного ответа на эти вопросы. Возможно ли применение в социалистической стране экономических категорий, которые упоминались выше? Полагаю, что постепенное осознание этого нашей партией произошло в ходе осуществления исторического процесса реформ и расширения внешних связей. Необходимо осознавать, что с помощью научных понятий и категорий, применяемых в разнообразных сферах, можно выстраивать теории, создавать учения и школы, руководствоваться ими в практической деятельности. Совершенно недопустимо, однако, в рамках единого временного и пространственного измерения изобретать какие-то другие, противоречащие им “категории”, вести бесконечную полемику, жонглируя словами. Безусловно, категории и понятия совершенствуются по мере развития объективной действительности, изменяются с изменением логики ее развития. Одним из примеров таких изменений является трактовка концепции развития акционерных обществ в “Капитале” К. Маркса.

Возникает вопрос: если наша страна по своей идеологии, социальной системе и образу жизни отличается от капиталистического общества, обосновано ли в таком случае использование понятий, идущих вразрез с общепризнанными экономическими категориями? Нелепость состоит в том, что мы, отрицая рыночную экономику, не признавали также те понятия и категории, которыми оперирует экономическая наука. Была ли необходимость в том, чтобы в политэкономии вместо, скажем, понятия “капитал” вводить понятие “денежные средства”, вместо “товар” — “продукт производства”, вместо “прибыль” — “доходность”, вместо “зарплата” — “трудовой доход”? В 50-е годы в нашей стране даже нашлись люди, которые категории “необходимый труд” и “прибавочный труд” предлагали заменить понятиями “труд на себя” и “труд на общество”. Субъективные стремления, лежавшие в основе таких нововведений, преследовали цель провести четкую грань между социализмом и капитализмом и показать преимущества первого перед вторым. Приверженность таким теоретическим постулатам отразилась на экономической жизни. Реальными результатами этого подхода стали значительный ущерб и бедствия. Если государственные капиталовложения не являются капиталом, то как

производить хозяйственный расчет по вложенным средствам? Потому-то в нашей стране и возникла теория, в соответствии с которой сначала необходимо было учитывать политическую составляющую и только потом делать экономические расчеты или же вовсе не делать таких расчетов. Именно так рассчитывались успехи и потери в ходе “большого скачка” в 1958 г. Поскольку производимые предприятиями материальные ценности не считались товаром, их сбыт, естественно, не был предметом заботы предприятий. Таким образом, в конце каждого года наша страна рапортовала об успехах в промышленности, а в сфере торговли итоги были неутешительными. Поскольку банк был просто кассиром государства, процентные ставки оставались неизменными. В результате отношения между банками и предприятиями формировались и регулировались правительственными указами и не было возможности установить между ними нормальные кредитные отношения. Если эффективность предприятия не зависит от прибыли и не связана с рынком, зарплата гарантируется, но на протяжении длительного периода остается без изменений, как бы “замораживается”. В результате активность работников не может быть постоянной. Поэтому в нашей стране наблюдалась такая ситуация, когда рабочие и крестьяне на работу выходили, но не прилагали особых усилий, а если и прилагали, впечатляющих результатов не было видно.

Одним из первых в нашей партии обратил внимание на эти пороки товарищ Чжан Вэньтянь⁴. В начале 60-х гг. прошлого века он уже понимал, что “экономические категории Маркса отражают не только характер производственных отношений, но и уровень развития производительных сил, что они проявляются в неразрывном единстве двух этих аспектов. Поэтому даже учитывая, что сущность этих категорий претерпела коренные измерения, их по-прежнему можно и нужно использовать в социалистическом производстве”. “Как можно преобразовать и наследовать экономические категории, разработанные в “Капитале”? К ним нельзя подходить механически, но наследие марксизма в этой области необходимо использовать в полной мере”⁵. Даже при определенной ограниченности идей Чжан Вэньтяня свет их не погас под нажимом политических ударов, и они оставались ярко горящим факелом, освещавшим нам путь к выходу из мрака ошибок и заблуждений. Поскольку Коммунистическая партия Китая искренне стремилась к построению социализма, ей необходимо было использовать различные экономические категории, содержащиеся в “Капитале”, те, которые являются общепризнанными в экономической науке.

Практическое осуществление реформ и политики расширения внешних связей поломало все запреты. Вопросы рыночной экономики были поставлены на повестку дня. В 1984 г. наша партия, обобщив исторический опыт, выдвинула задачу создания плановой товарной экономики. Так был совершен первый прорыв. На своем XIV съезде партия поставила задачу создания системы социалистической рыночной экономики, решительно признала и стала использовать целый ряд общепризнанных экономических категорий, таких как капитал, рынок, рабочая сила, фондовая биржа, прибыль и т.п. Были разработаны различные установки, политика и законы, стимулирующие производство, признана роль рынка в оптимальном распределении государственных ресурсов, важность механизма распределения с учетом различных необходимых факторов производства. Таким образом, эти решения помогли экономике нашей страны расстаться с системой высокоцентрализованного планирования, встать на путь здорового экономического развития в интересах всего народа. Практика последних двадцати с лишним лет убедительно показала, что рыночная экономика может служить делу строительства социализма, что методом рыночной экономики можно строить социализм.

III. Результаты осуществления китайской концепции экономических реформ

С 1840 г. Китай представлял собой полуфеодальное полукOLONиальное общество. После образования КНР он встал на путь социалистического развития, но и по сей день в нашей стране все еще весьма заметен экономический разрыв между двумя общественными полюсами: традиционное аграрное производство и современное промышленное производство сосуществуют параллельно. В обширных сельских районах, особенно в центральной и западной частях Китая, способ производства остается традиционным — на уровне семьи и крестьянского двора. И если сегодня структура производства в целом имеет биполярный характер, то в середине 50-х годов прошлого века, к примеру, в Тибете, в округе Сишуйан Банья⁶ провинции Юньнань и в южной части Синьцзянского автономного района еще существовал феодально-рабовладельческий строй, а в пограничных районах, расположенных между провинциями Сычуань и Юньнань, в районах Большого и Малого горных хребтов Ляньшань сохранялось рабовладельческое общество. Более того, некоторые национальности страны все еще находились на последней стадии первобытного патриархального общества, между тем как в Гонконге и Макао уже давно господствовал классический капитализм.

Практика осуществления реформ и политики открытости дала нашей партии возможность еще глубже осознать, сколь многослойными и невысокими по уровню развития остаются производительные силы нашей страны, насколько неравномерным является ее социально-экономическое и культурное развитие. И хотя считалось, что наша страна уже вступила в период социализма, она все еще находилась на низшей стадии его первоначального этапа, причем — социализма незрелого. Всесторонняя модернизация общественного производства, науки и культуры в основном будет осуществлена в Китае к середине нынешнего века. На первоначальном этапе социализма центральной задачей партии и народа нашей страны по-прежнему остается интенсивное развитие общественных производительных сил, поэтому ни в коем случае не следует предаваться излишней амбициозности и разглагольствовать о переходе к коммунизму.

Практика осуществления реформ и политики открытости дала нашей партии возможность осознать, что цель социалистического производства заключается в интенсивном развитии общественных производительных сил, в удовлетворении постоянно возрастающих материальных и культурных потребностей народных масс. К 2000 г. наша страна в основном решила проблему обеспечения одеждой и продовольствием своего 1,3-миллиардного населения. В 2000 г. чистый душевой доход крестьянина в Китае составил 2235 юаней, т.е. меньше одного доллара США в день. Поэтому проблема бедности по-прежнему остается острой, и жизнь населения далека от зажиточной. Целью борьбы нашего народа является в настоящее время всестороннее обеспечение уровня средней зажиточности. Все определенное в центре внимания оказываются такие проблемы, как средние доходы на человека, объем ВВП на душу населения, постоянное увеличение внутренних потребностей страны, девятилетнее обязательное образование и повышение общеобразовательного уровня населения, социальное страхование трудящихся, размер средней жилой площади на душу населения, организация досуга в праздники и выходные дни. В наньянском музее, носящем имя китайского мудреца - целителя Чжан Чжунцзиня, вывешены парные надписи, которые гласят: "Взаимодействие женского и мужского начал творит третье; диагностировать необходимо диалектически" и "Лечение должно быть лишено двойственности: жизнеспособность государства

— в жизнеспособности его людей”. Величие китайской культуры и сущность социализма дают нам более четкое представление о целях социалистического производства.

Практика реформ и политика открытости также обеспечили нашей стране возможность успешного решения проблем мирного возвращения Гонконга и Макао под юрисдикцию КНР на основе концепции “одна страна — две системы”. Этот регион, в особенности Гонконг, является одним из мировых транспортных, финансовых и информационных центров, в котором в чистом виде сохраняется капитализм. После возвращения Гонконга под эгиду Китая все прежние общественные институты в нем сохранились в первоначальном виде. Мы признаем различия между материковым Китаем и регионом Гонконга и Макао в социальных системах, идеологии и образе жизни. Мы лишь восстановили свой суверенитет над этим регионом и, успокоив таким образом общественные настроения, добились того, чтобы этот анклав капитализма мог более активно участвовать в экономическом строительстве нашей родины. Весьма позитивные результаты принесло то, что привлеченные нашей страной из Гонконга, Макао и Тайваня инвестиции составили 60-70% всех внешних инвестиций.

Практика реформ и политика открытости дали нашей стране возможность проводить масштабную политику расширения связей с внешним миром. В старом Китае такие связи носили вынужденный характер, их история началась с разрешения на ведение торговли через пять открытых портов и закончилась проведением “политики открытых дверей”. А ныне инициатива активного осуществления курса открытости целиком и полностью принадлежит нашей стране, поскольку ее суверенитет находится в наших собственных руках. Осуществляется активное привлечение зарубежного капитала, с тем чтобы иностранные предприятия инвестировали средства и открывали производства в Китае. Инициативно изучается и заимствуется зарубежный передовой опыт и теория управления, концепции различных экономических школ. Поощряется привлечение в страну иностранных интеллектуалов и проведение в отношении обучающихся за границей студентов политики “поощряем учебу за рубежом, выезд и возвращение свободны”. В конце 2001 г. Китай официально вступил в ВТО, руководствуясь принципом: “польза велика, если выгода обоюдна”. Великий китайский реформатор Ван Аньши говорил в XI веке: “Когда отец и сын торгуют между собой за закрытой дверью, не допуская никого из посторонних, даже если отец приобретет все имущество сына, семья богаче не станет”.

Практика реформ и политика открытости дали нашей стране возможность создания такой экономической структуры, главенствующую роль в которой играет сектор общественной собственности, находящийся в совместном развитии с различными другими экономическими компонентами. Мы называем такую структуру основным экономическим строем нашей страны. Под “различными другими экономическими компонентами” подразумеваются иностранные предприятия, предприятия, созданные на средства Гонконга, Макао и Тайваня, а также предприятия, созданные этническими китайцами разных стран мира, акционерные общества и предприятия с преобладанием капитала населения, частные предприятия и индивидуальные лица, занимающиеся промышленно-торговой деятельностью. Особое внимание в самом Китае и за его пределами привлекают проблемы частного капитала и частных предприятий. Было бы крайне несправедливым, если бы трудящиеся социалистической страны могли заниматься только сельским хозяйством, быть рабочими или служащими, заниматься умственным трудом, но не могли бы заняться торговлей и предпринимательством. Государство не в состоянии взять на себя задачу полного обеспечения более чем миллиардного населения страны одеждой, пи-

танием, жильем и транспортными услугами. Оно не в силах также решить проблему трудоустройства сотен миллионов людей. Поскольку труд, работа в социалистическом обществе остаются средством существования человека, необходимо развязать ему руки, спокойно и смело поощрять людей к самостоятельному поиску путей и способов обеспечения такого существования, поощрять их к занятиям торговлей и предпринимательством. Только масштабное развитие предпринимательства может гарантировать широкую занятость. Возникновение экономического сектора необщественной собственности вначале было связано с появлением специализированных дворов, не занятых в сельскохозяйственном производстве, индивидуальных мелких торгово-промышленных предприятий в городах и сельских районах, людей, занятых коммерцией и транспортировкой товаров и грузов. Благодаря исследованиям русского ученого Б. Славина⁷ выяснилось, что использование в русском и китайском переводах "Манифеста коммунистической партии" К. Маркса и Ф. Энгельса словосочетания "уничтожение частной собственности" было ошибочным. Более точным было бы употребление вместо слова "уничтожение" слова "снятие". Хотя переводческая ошибка могла носить чисто технический характер, я считаю, что вероятнее всего ее происхождение объясняется недостаточным пониманием некоторых положений марксизма и его конкретной практики. Такой взгляд уже получил распространение среди наших ученых. Число рабочих и служащих, занятых на государственных предприятиях Китая, ныне сократилось до 50 миллионов человек, а количество работающих в экономических секторах необщественной собственности достигло уже 120 млн. С начала реформ число новых рабочих мест увеличилось до 330 млн. Ныне никто не может недооценивать размах и значение развития в Китае частных предприятий. Такова отличительная особенность основы экономического строя нашей страны.

Практика реформ и политика открытости дали возможность нашей стране внедрять систему рыночной экономики. До 1978 г. в Китае господствовала высокоцентрализованная система плановой экономики. В 1982 г. произошли перемены: популярными стали концепции, главенствующая роль в которых по-прежнему отводилась плановой экономике, а второстепенная — рыночному регулированию. В 1984 г. произошли новые перемены, и упор был сделан на товарную экономику с элементами планового регулирования. В результате очередных изменений в 1992 г. главенствующую роль стала играть система социалистической рыночной экономики. Сложилась достаточно гармоничная ситуация, при которой государство занимается мобилизацией ресурсов, рынок их распределяет, а предприятия, относящиеся к различным экономическим секторам, пользуются ими. И хотя эта экономическая система находится в процессе становления и развивается в направлении оздоровления, стандартизации и упорядочения, хотя все еще немало проблем, связанных с изменением функций правительственных ведомств, углублением реформы государственных предприятий и финансовых органов, обеспечением занятости рабочих и служащих, уволенных с госпредприятий, перемещением излишков сельской рабочей силы, одинаковым отношением граждан к предприятиям различных категорий, использованием финансовых средств населения, социальным страхованием и т.п., тем не менее в конечном итоге наш народ уже использует методы рыночной экономики в интересах строительства социализма.

Практика реформ и политика открытости привели к серьезному пересмотру народом нашей страны категории ценностей, изменению отношения к понятиям конкуренции, духа демократии, свободы жизненного пространства, культуры производства. Это подтверждают идеи, выдвинутые Всекитайским комитетом содействия славному делу, к числу которых относятся концепции об общественном и частном интересе, об эффективности и справедливости, о до-

верии и кредитоспособности. А на практике деятельность комитета состоит в том, чтобы, опираясь на законы рынка, развернуть работу по ликвидации бедности.

Перечисленные выше примеры являются конкретными результатами теории и практики строительства социализма с китайской спецификой. Именно на этой основе возникла теория экономической реформы, которая требует дальнейшего глубокого совершенствования. В отдельно взятой стране невозможно построить социализм. Только при условии последовательного отстаивания важнейшей идеи о “трех представительствах” и полного учета коренных интересов народных масс можно обеспечить строительство социализма с использованием методов рыночной экономики.

*Перевод с китайского языка
Цао Чжундэ и А. С. Давыдова*

1. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. V. Пекин, 1977. С. 581.
2. К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 23. С. 10.
3. Ф. Энгельс — Иосифу Ведемейеру. 12 апреля 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 28. М., 1962. С. 490, 491.
4. Чжан Вэньтянь (1900-1976), один из руководителей КПК. В 1931-1956 гг. член Политбюро ЦК КПК, в 1935-1938 гг. — генеральный секретарь ЦК КПК, после 1956 г. — кандидат в члены Политбюро, зам. министра иностранных дел КНР. В 1959 г. за критику политики “большого скачка” на пленуме ЦК КПК вместе с Пэн Дэхуаем был отстранен от руководящей работы и направлен в Институт экономики АН Китая. Подвергался преследованиям в период “культурной революции”. Умер в изгнании. Реабилитирован в 1979 г. — Прим. ред.
5. Чжан Вэньтянь. “Ду Сунь Ефан тунчжиди “Лунь цзячжи” (Читая статью товарища Сунь Ефана “О [категории] стоимости”). “Дан дэ вэньсянь” (Документы партии). Пекин, 1988. № 3. С. 24-25. — Прим. ред.
6. Сишуан Баньна — название округа в южной части провинции Юньнань, преобладающее население которого составляют тайцы. — Прим. ред.
7. Б.Славин. После социализма. М., 1997. С. 55, 61. — Прим. ред.

Перспективы добрососедских отношений между Китаем и Россией хорошие Сфера торгово-экономического сотрудничества широкая*

© 2003

Сюй Чжимин

Я очень рад предоставившейся сегодня возможности посетить Институт Дальнего Востока РАН и принять участие в заседании Ученого совета.

Прежде всего выражаю сердечную благодарность Институту Дальнего Востока Российской академии наук за присвоение мне званий доктора экономики (*Honoris causa*) и Почетного доктора института, а также за избрание меня членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии. Институт Дальнего Востока РАН — это научно-исследовательское учреждение, имеющее международную известность. Он внес важный вклад в развитие человеческого общества и в укрепление китайско-российской дружбы. Присуждение мне Вашим институтом звания почетного доктора и избрание членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии делает мне честь и также налагает на меня обязанности. Это значит, что мне следует направить все свои силы на благо мира и развития человеческого общества и укрепление дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией.

Теперь я хотел бы высказать свое мнение о добрососедстве и дружбе между Китаем и Россией и совместных усилиях по дальнейшему развитию экономических и внешнеторговых связей между двумя странами.

За несколько дней своего короткого пребывания в России я, как говорится в китайской пословице, "мог лишь полюбоваться цветами, не останавливая коня", то есть получить лишь самые общие впечатления, но я все же почувствовал громадную мощь вашей великой страны и огромные резервы для ее дальнейшего развития. Я с чувством веры и почтения отношусь к славному будущему этого великого государства.

Мы много знаем о великой российской нации. Это — прекрасная нация, которая создала самобытную цивилизацию, сохраняет на протяжении длительного времени превосходную традиционную культуру. Произведения вели-

---

Сюй Чжимин, президент Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций, член народного Политического консультативного совета Китая, член Постоянного Комитета Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев, заместитель председателя Всекитайского комитета содействия славному делу — делу ликвидации бедности в стране.

* Полный текст выступления автора на заседании Ученого Совета ИДВ РАН 28 октября 2002 г. в связи с вручением ему дипломов доктора экономических наук (*Honoris causa*) и "Почетный доктор ИДВ РАН" и избранием членом Международного научного совета по проблемам мира, безопасности и развития в Восточной Азии.

кого писателя Л.Н.Толстого и великого поэта А.С.Пушкина доставляют эстетическое наслаждение китайцам. Глубокое влияние на мои взгляды, характер и мировоззрение оказали произведения революционных писателей А.М.Горького "Детство", "Мои университеты", Н.Островского "Как закалялась сталь" и др.

В прошлом народы наших стран жили в дружбе и установили глубокие братские отношения. Китайский народ не может забыть о дружественной и бескорыстной помощи народов России в деле строительства и развития экономики Китая.

В настоящее время после некоторых перипетий Российская Федерация встает на свой оригинальный путь развития. Все китайцы надеются на дальнейшее развитие дружбы и добрососедских отношений с Российской Федерацией, на укрепление экономического и внешнеторгового сотрудничества между двумя странами, что будет способствовать подъему их экономики.

Развитие дружбы и сотрудничества между Китаем и Россией — основа дальнейшего расширения экономических и внешне- торговых связей

После окончания холодной войны мир и развитие — ведущий мотив нашей эпохи. Региональные экономические и политические интересы различных стран мира становятся с каждым днем все теснее. Благодаря дипломатическим усилиям Китая и России все теснее становится наше взаимодействие по экономическим и внешнеполитическим вопросам. И Китай, и Россия — великие державы, их связывают горы и реки, обе страны раскинулись на широких просторах, они соединяют Европу с Азией, их ресурсы дополняют друг друга, они оказывают друг другу экономическую помощь, полагаются друг на друга в вопросах безопасности, совместно выступают за многополярный мир, против гегемонизма, против терроризма; они выступают в защиту мира и стабильности во всем мире, способствуют процветанию наших двух стран, миру и прогрессу всего человечества. На этой взаимовыгодной основе в 90-е годы дипломатические отношения между Китаем и Россией достигли невиданного размаха: обе страны наладили механизм встреч глав государств и правительств, а также других ответственных лиц, механизм дружественных контактов по линии народной дипломатии, разрешили оставшийся с прошлого ряд вопросов, включая вопрос о границе между двумя странами.

Чрезвычайно важно, что в 1996 г. обе страны заявили об "Установлении на пороге XXI века отношений стратегического партнерства и сотрудничества, основанных на принципах равенства и взаимного доверия", что открыло новую эру в истории китайско-российских дипломатических отношений. Подписание 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией способствовало дальнейшему развитию дружественных дипломатических связей, ознаменовало вступление отношений стратегического партнерства в новый этап, создало условия для расширения двустороннего сотрудничества, в особенности в области экономики и внешней торговли.

Широкое развитие экономического и внешнеторгового сотрудничества и взаимодополняемость рынков обеих сторон

Китай и Россия, обращая внимание на развитие своих преимуществ, активно участвуют в освоении рынков друг друга

Экономические и внешнеторговые связи — важнейший элемент в китайско-российских отношениях стратегического сотрудничества и партнерства. Поэтому за последние несколько лет лидеры Китая и России в ходе регулярных встреч прилагали усилия для активизации сотрудничества в области экономики и внешней торговли. В ноябре 2000 г. главы правительств Китая и Рос-

сии подписали серию соглашений, в том числе 13 важнейших документов о сотрудничестве в области внешней торговли в 2001-2005 гг. В сентябре 2001 г. они подписали 7 соглашений, в том числе о широкомасштабном сотрудничестве в области энергетики. Все эти документы отражают квинтэссенцию экономического сотрудничества между Китаем и Россией.

Президент В.В.Путин говорил, что "Китай — это важнейший партнер России". В марте 2002 г. премьер Чжу Жунци на пресс-конференции после закрытия Пятой сессии ВСНП 9-го созыва сказал: "В 2001 г. объем внешней торговли между Китаем и Россией достиг 10 млрд ам. долларов, что на треть больше, чем в 2000 г. По прогнозам, в течение 2-3 лет мы можем удвоить нынешний объем китайско-российской внешней торговли". Председатель Госплана КНР Цзэн Пэйянь в марте 2002 г. предложил "одновременно с укреплением и расширением традиционных рынков предпринять усилия для освоения новых рынков в России, Восточной Европе, Латинской Америке и других местах". Как видно, руководители Китая полны веры и решимости в расширении сотрудничества Китая и России в области экономики и внешней торговли. Эта вера и решимость исходят из огромной взаимодополняемости рынков обеих стран — Китая и России.

Освоение российского рынка — важнейшее направление диверсификации рыночной стратегии Китая

Освоение российского рынка отныне будет важным направлением диверсификации рыночной стратегии Китая. В течение длительного времени основными партнерами внешней торговли Китая были Япония, Америка, Европа и район Гонконга и Тайваня. За последние годы четвертым крупным внешне-торговым партнером стала Республика Корея.

За 20 с лишним лет реформ и открытости внешнему миру главный упор во внешней торговле делался на Америку, Японию и страны ЕЭС. Эта стратегия, вообще говоря, соответствовала реальной обстановке того периода, однако налицо были некоторые перекосы.

В настоящее время в этих странах наблюдается экономический спад, что неизбежно сказалось на китайском экспорте и привело к ежегодному падению активного сальдо во внешней торговле. В 1998 г. активное сальдо внешней торговли Китая составляло 43 млрд 470 млн ам. долл., в 1999-2002 гг. — сократилось соответственно до 29 млрд 230 млн, 24 млрд 110 млн и 22 млрд 540 млн ам. долл. Поэтому Китай надеется увеличить экспорт, преодолеть замедление темпов экспорта по сравнению с импортом. В этой связи совершенно необходим соответствующий поворот внешней торговли к России. Качественные и дешевые товары из Китая пользуются в этом регионе широким спросом.

Посещение мною и моими коллегами из Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций России имеет целью изучение российского рынка. Я верю, что Гонконгская Генеральная ассоциация международных инвестиций подпишет соглашения о дружественном сотрудничестве с Институтом Дальнего Востока РАН, Российским союзом промышленников и предпринимателей и другими учреждениями, что непременно будет способствовать укреплению дружбы и сотрудничества между Россией и Китаем и внесет важный вклад в дальнейшее развитие экономических и внешнеторговых связей между Китаем и Россией.

В предыдущие годы развитие экономического сотрудничества между Китаем и Россией отставало от уровня развития их политических отношений

В 1993 г. объем китайско-российской внешней торговли достиг 7 млрд 670 млн ам. долл., затем в течение нескольких лет объем торговли колебался на уровне 5-6 млрд ам. долл. В 2000 г. он достиг 8 млрд ам. долл. и вырос по сравнению с 1999 г. на 4,3%, намного ниже темпов роста внешней торговли на-

шей страны, а также ниже темпов развития внешней торговли России в тот период — 31%. В 2001 г. объем китайско-российской внешней торговли достиг 10 млрд 670 млн ам. долл., однако это составляет лишь 2% общего объема внешней торговли нашей страны. Россия ежегодно импортирует продовольствие на сумму в 8-10 млрд ам. долл., причем на Китай приходится только 10%.

Что касается России, то отмечу, что объем ее внешней торговли с европейскими странами выше объема торговли со странами Азии. В 1999 г. доля внешней торговли России с европейскими странами составляла 63% от общего объема, а доля стран Азии — лишь 18,8%. Планы России известны: она должна входить в деловой мир Европы и Азии, а не только всего лишь в западный мир. Рынок Азии по-прежнему чрезвычайно активен. Застой в экономических и внешнеторговых отношениях между Китаем и Россией — ненормальное явление. Он вызван временными факторами, некоторыми аномалиями в работе и несовершенством механизма внешней торговли обеих стран. Я думаю, что эти явления вскоре удастся быстро исправить.

В течение 2-3 лет объем торговли между Китаем и Россией может возрасти в несколько раз

Россия, располагаясь в Азии и Европе, имеет преимущество в своем географическом положении, является важным соседом Китая, а также крупным государством, обладающим большим влиянием в мире. Особое значение имеет то, что она вступила в период возобновления экономического роста, что у России прекрасные перспективы развития, что экономики Китая и России взаимодополняемы, что имеется громадное пространство для развития торгово-экономического сотрудничества.

Китай представляет собой «мировую фабрику по производству и обработке товаров», множество китайских потребительских товаров и продукции машиностроения, относящихся к высшей и средней категории сложности, после завершения производства и обработки в Китае, уходит в разные части света. Рынок для китайской продукции образуют и потребности населения России, потребности ее экономического строительства. Высокий потенциал поставок из Китая в Россию и совместное производство бытовой электроники. Очень хорошие перспективы существуют в сфере предоставления Китаем России рабочей силы: Дальний Восток испытывает потребность в 5 млн. работников. Китай имеет прекрасные отношения сотрудничества в подрядном строительстве и сельскохозяйственной сфере с сибирскими и дальневосточными территориями; китайский экспорт трудовых услуг чрезвычайно выгоден России.

В сфере китайско-российского сотрудничества начаты работы по прокладке нефтепровода, который в 2005 г. вступит в строй. Трасса трубопровода пройдет из Сибири на Северо-Восток Китая, ее общая протяженность составит 2400 км, сумма инвестиций составит 1,7 млрд. долл. США. Ежегодно будет прокачиваться в Китай 20-30 млн. т сырой нефти. Таким образом, товарооборот между двумя нашими странами будет существенно возрастать. В смете на газопровод для транспортировки природного газа с Востока на Запад заложено 10 млрд. долл. США, объем поставок газа в 2002 г. достигнет 140 млрд. кубических метров, а к 2030 г., по оценкам, объем поставок природного газа в Китай сравняется с нынешним объемом поставок газа Россией в страны ЕЭС.

Кроме поставок сырья и энергоресурсов Россией в Китай, Китай в свою очередь — важный рынок для российской научно-технической продукции, включая авионику и астронавтику, военную технику и оборудование и т.д. Поэтому оценка, согласно которой в течение 2-3 лет товарооборот между Китаем и Россией увеличится вдвое, достигнув 20 млрд. долл. США, является научно-обоснованной и разумной.

Всемерно развивать экономику в контакте с мировым рынком

Вступление в ВТО играет стимулирующую роль в финансово-экономическом отношении государства и одновременно является новым этапом развития политики открытости миру

Вступление в ВТО стимулирует экономическое развитие Китая

После вступления Китая в ВТО начиная с 2002 г. таможенные пошлины снизились с 15,3 до 12%, это затронуло 5300 наименований товаров. Одновременно на Китай как на члена ВТО распространилось право наибольшего благоприятствования, а члены ВТО полностью отменили таможенные и нетаможенные преграды для большинства китайских товаров.

Хотя вступление в ВТО потребовало вести дела по принятым в мире правилам, регламентировало отношения со странами-членами ВТО, а политика государства в области экономики может подвергнуться тем или иным ограничениям, хотя многие отрасли, сфера занятости и прочее оказались перед многочисленными вызовами, но процесс развития в Китае не прервался, экономика страны стала развиваться ещё быстрее и вышла на шестое место в мире. Экономика Китая продолжает развиваться по пути открытости и реформ, предпринимаются усилия для повышения внутреннего потребительского спроса, продолжает осуществляться стратегия возрождения страны путем развития науки и образования; основой всей стратегии при этом по-прежнему остается экономическое строительство. В 2001 г. ВВП Китая превысил 9,58 трлн. юаней, рост экономики за год составил 7,3%. В 2002 г., согласно прогнозу «Синей книги», рост ВВП составит свыше 7%. Если не случится большой войны или стихийного бедствия, то ВВП Китая к 2015 г. достигнет 30 трлн. юаней. Несмотря на то, что Сянган и Аомэнь пережили период следовавших одна за другой экономических трудностей, и несмотря на вызовы экономического развития, китайская экономика продолжает расти, районы Сянгана и Аомэня как бы находятся «в тени большого дерева в период зноя», что играет большую роль для экономической стабильности.

Надежды на процветание России обоснованы

Три ведущие экономики мира — американская, европейская и японская (их удельный вес в мировом продукте 38 трлн долл. США, или 67%) — после «событий 11 сентября» испытали спад и оказались в состоянии неопределенности, которых не наблюдалось за последние пятьдесят лет.

За последние десять лет экономика России вследствие распада СССР подверглась колоссальным разрушениям. Если в 1990 г. ВВП России составлял 1 трлн. долл. США, то в 2000 г. — всего 400 млрд. долл. США. Согласно данным МВФ, начиная с 2000 г., в российской экономике наблюдается быстрый рост ВВП. В 2000 г. он составил 8,3%, а в 2001 г. — 5%. Это свидетельствует о том, что экономика вышла из опасного состояния.

По данным Всемирного банка, в 2001 г. производство зерна в России было самым высоким за последние 10 лет и составило 85 млн. т, а ВВП возрос на 5%, в лучшую сторону стало меняться положение с народным потреблением, товаров было приобретено на 3 трлн. рублей, то есть на 100 млрд. долл. США больше, чем весь годовой бюджет государства.

Президент Путин после своего избрания ведет решительную политику реформирования, разумного упорядочения и урегулирования развития России. Президент Путин планирует, развивая экономику в течение 10-15 лет, вновь поднять показатель ВВП до 1 трлн. долл. США. Россия располагает чрезвычайно мощной промышленной, научно-технической и образовательной базой, имеет богатые природные ресурсы, в целом — большую экономическую мощь.

По запасам нефти Россия занимает 7 место в мире, уже разведанные запасы составляют от 5 до 10 процентов общемировых. По запасам природного газа Россия стоит на 1 месте. Экспорт нефти составляет важнейшую статью поступлений валюты. Если реформы и открытость наберут силу, будет выбран верный курс, то надежды на процветание России оправдаются.

Россия создает условия для вступления в ВТО

Развитие любого государства является не результатом действия внешних сил, а результатом движения по пути, избранного самостоятельно. Правление Путина осуществляется чрезвычайно успешно, усиливается стабильность, происходит оживление экономики, достигнуто смягчение российского кризиса, во всем имеется поддержка и понимание народа. Путин осуществляет очень ясный политический курс: противодействовать не только ослаблению международных позиций и влияния России, но и всему тому, что сдерживает развитие российской экономики. России нужна мирная среда, ей нужно напрячься, чтобы войти в процесс глобализации, только это соответствует ее коренным интересам. Таким образом, необходимо создать благоприятную для России международную среду, чтобы, сконцентрировав усилия, развивать экономику. Российской стороне насущно необходимо избавиться от дискриминации в сфере торговли, добиться равноправного выхода со своими товарами на рынки Европы и Америки, необходимо энергично бороться за вступление в ВТО. Иначе говоря, не являясь членом ВТО, страна ограничивает свои возможности по защите собственных интересов. Поэтому необходимо создать благоприятные условия для вступления в ВТО. Через несколько лет, вступив в ВТО, Россия сможет получить и справедливые условия внешней среды, и внешние инвестиции. Это не только принесет пользу развитию российской экономики, но и будет способствовать восстановлению Россией своего положения в мире как большого государства и ее дальнейшему подъему.

Я обратил внимание, что в политическом послании, с которым Путин выступил в апреле 2002 г. в парламенте, было сказано о сокращении вмешательства государства в экономику, особенно подчеркнуто, что малые и средние предприятия могут стать главной силой экономического роста. Такой курс благоприятствует усилиям России, направленным на вступление в ВТО. Для осуществления этой цели, Россия должна ускорить строительство рыночной экономики и правовой системы, надлежащим образом решить вопрос соответствия рыночных механизмов России международным требованиям.

Россия, занимающая 1/8 земной суши, пройдя начальный период экономической реформы — через трудности «шоковой терапии», имеет возможность обобщить большой и ценный опыт. Она может всецело использовать выстраданный опыт и развить другие преимущества — преимущественно большой территории и изобилия природных ресурсов — полезных ископаемых, нефти, природного газа, цветных металлов, богатые угольные месторождения. Принимая во внимание также такие преимущества, как прекрасные качества русской нации, богатую культуру всех народов и сравнительно высокий уровень жизни, учитывая старания народов России, перспективы развития российской экономики прекрасны. В жизни мирового сообщества Россия будет играть все более важную роль.

Я от всего сердца желаю России успешно осуществить великое возрождение! Сердечно желаю процветания дружбе российского и китайского народов!

Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики.

© 2003

О. Борох

Высокие темпы экономического роста Китая и усиление влияния этой страны на ситуацию в мировой экономике привлекают все большее внимание зарубежных экономистов. В последние годы были опубликованы многочисленные статьи с оценками современного состояния китайской экономики и роли «китайского фактора» в мировом экономическом развитии.

Число публикаций о растущем китайском присутствии на мировых рынках значительно увеличилось в связи со вступлением Китая в ВТО в конце 2001 г. Представления зарубежных исследователей о влиянии этого события на дальнейшее развитие экономики КНР и на мировую экономическую систему в целом оказались весьма различны. Одни аналитики полагали, что членство в ВТО способно нанести удар по китайской экономике. Другая часть исследователей высказала опасения, что Китай обрушит мировую экономическую систему.

Зарубежные оценки перспектив развития китайской экономики также выглядят противоречивыми. Одни ученые сочли официальные показатели экономического роста КНР завышенными, что дало основания для пессимистических прогнозов на тему грядущего «краха» Китая. Другие исследователи, напротив, акцентировали внимание на усилении экономической мощи Китая и отмечали его возрастающую роль в глобализирующейся мировой экономике. Однако оптимистическая оценка перспектив развития Китая привела отдельных экспертов к выводу: будущий рост китайской экономики и увеличение китайского экспорта на мировые рынки приведет к спаду в других странах. Иными словами, успешное развитие Китая будет происходить за чужой счет.

Эти споры привлекли к себе повышенный интерес внутри Китая. Ими заинтересовались не только профессиональные экономисты, но и государственные чиновники и представители органов пропаганды. Хотя иностранные ученые, обсуждавшие перспективы китайской экономики, не претендовали на создание теоретических обобщений, в китайской пропаганде их рассуждения были квалифицированы как «теории» (*лунь*), что повысило статус полемики в глазах китайской аудитории. Необходимо подчеркнуть, что китайские критики оценивали разработки отдельных зарубежных экономистов не как взгляды отдельных людей, а как «теории», якобы получившие за рубежом широкое распространение. В Китае эти достойные осуждения иностранные «теории» были классифицированы по группам. К ним были отнесены:

- «теория экспорта Китаем дефляции» (*Чжунго шуцзю тунсо лунь*),
- «теория фальсификации китайских статистических данных» (*Чжунго тунцзи шуцзю шуифэнь лунь*),

- «теория краха Китая» (*Чжунго бэнжуй лунь*),
- «теория китайской угрозы» (*Чжунго вэйсе лунь*),
- «теория создания Китаем опасности» (*Чжунго цзао вэйсянь лунь*).¹

В ходе полемики китайские авторы концентрировали свое внимание на критике наиболее представительных, по их мнению, иностранных публикаций, представляющих эти «теории». К примеру, в основе «теории фальсификации китайских статистических данных» лежали сомнения в достоверности данных официальной статистики КНР, высказанные в 2001 г. авторитетным специалистом по китайской экономике профессором Питтсбургского университета Томасом Равски (Thomas Rawski).² Под «теорией краха Китая» имелись в виду предсказания неминуемого коллапса китайской экономики, содержащиеся в изданной в США публицистической книге Гордона Чана «Грядущий крах Китая».³ Сюда же были причислены рассуждения главного редактора журнала «China Economic Quarterly» Джо Стадвелла (Joe Studwell), также поставившего под вопрос достижения китайской экономики в книге «Мечта о Китае».⁴ «Теория создания Китаем опасности» была почерпнута из статьи декана Школы менеджмента Йельского университета Джеффри Гартена (Jeffrey Garten) «Когда все будет производиться в Китае», опубликованной в июне 2002 г. в журнале «Business Week».⁵ Привлекшая повышенное внимание в конце 2002 г. «теория экспорта Китаем дефляции» восходит к докладу главного экономиста инвестиционного банка Морган Стэнли Стивена Роуча (Stephen Roach) «Китайский фактор», в котором Китай был охарактеризован как экспортер дефляции.⁶

Необходимо признать, что эти разрозненные и несхожие между собой позиции имеют общий предмет рассуждения — все они связаны с оценкой экономической мощи Китая и его влияния на развитие мировой экономики. В глазах китайских авторов все эти «теории» объединяет то, что они возникли на Западе и в каждой из них «Китай подвергается осуждению».⁷ Свою главную задачу критики видят в том, чтобы проанализировать «состряпанные странные рассуждения о Китае и чудовищные теории (*ци тань гуай лунь*)» и показать Западу их необоснованность.⁸

Необходимо отметить, что китайская критика вышеперечисленных «теорий» адресована не только внутренней аудитории, но и иностранцам. Критические материалы размещаются на английском языке в Интернете, публикуются на страницах издаваемых в Китае англоязычных периодических изданий, на эти темы в КНР проводятся пресс-конференции, на которые приглашаются китайские и иностранные журналисты. Наиболее ярким примером такого общения является доклад Стивена Роуча «Глобальный вызов Китая», с которым он выступил на пресс-конференции в октябре 2002 г. во время визита в Пекин с делегацией зарубежных инвесторов.⁹

Китайская версия истории «заблуждения» и «раскаяния» Роуча заслуживает особого внимания. Его «теория экспорта Китаем дефляции» вызвала особое недовольство среди руководителей страны, поскольку Китай был обвинен в провоцировании снижения темпов роста мировой экономики. С появлением этой «теории» проблема вышла за рамки споров о том, насколько успешно в действительности развивается Китай. Ранее вопросы экономического развития страны считались внутренними и затрагивали прежде всего самих китайцев, а также иностранных инвесторов, вложивших деньги в китайскую экономику. Обвинение в «экспорте дефляции» перевело проблемы китайской экономики в разряд международных, они стали рассматриваться как угроза развитию мировой экономики в целом.

Наиболее острые дискуссии о том, является ли Китай мировым экспортером дефляции, развернулись во второй половине 2002 г. В середине октября

Роуч опубликовал исследовательский доклад под названием «Китайский фактор», в котором заявил, что Китай уже стал главным фактором депрессии американской экономики и локомотивом глобальной дефляции. По мнению ученого, китайская экономика, особое место в развитии которой отводится увеличению экспорта, играет все более заметную роль в определении уровня мировых цен, при этом влияние Китая на глобальную дефляцию становится все более ощутимым. Роуч заключил, что китайская экономика «несомненно стала важным ингредиентом дефляционной истории США» и признал, что Китай является важнейшим фактором глобальной дефляции.¹⁰

Хотя сам Роуч не называл свой трехстраничный доклад «теорией», в китайском изложении он был преподнесен как хорошо аргументированная целостная концепция. Основные аргументы этой «теории» были сведены к следующим ключевым положениям.

Во-первых, в 2002 г. в Китае наблюдался быстрый рост, при этом в стране обозначились дефляционные тенденции и ощущался заметный недостаток внутреннего спроса. Китай вышел из затруднительного положения за счет использования ценовых преимуществ, экспортировав излишние товары на мировые рынки. Во-вторых, приток дешевых китайских товаров ослабил возможности стран-импортеров по производству аналогичных товаров. Заниженный курс юаня к доллару и другим валютам сделал цены китайских экспортных товаров еще более конкурентоспособными, что увеличило давление на валютные курсы в других странах. На основании этих аргументов Роуч назвал Китай источником глобальной дефляции.¹¹

Излагая содержание «Китайского фактора», китайские авторы соглашались с некоторыми положениями Роуча. Они часто цитировали первую фразу доклада, где Китай был назван «оазисом» среди находящейся в тяжелом положении глобальной экономики.¹² Не вызвал возражений и тезис о все большем выдвигании Китая на передовые позиции на мировой арене. По мнению главного экономиста ГСУ КНР Яо Цзинъюаня (он стал одним основных китайских оппонентов Роуча), американский исследователь был прав, когда признал, что Китай становится все более влиятельной силой в формировании глобальных цен.¹³

Однако китайские авторы сочли необоснованным главный вывод о Китае как экспортере глобальной дефляции.¹⁴ Они резко отрицательно отнеслись к рекомендациям Роуча, предложившего Китаю изменить подход к определению макроэкономической политики. Роуч подчеркивал, что не выступает за радикальное изменение денежной политики Китая, но, по его мнению, в новом глобальном контексте она должна адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Он призвал китайское руководство признать, как минимум, настоятельную необходимость перехода к открытости по капитальным операциям и к полной конвертируемости юаня. Ученый также указал на то, что Китай должен более настойчиво двигаться к реформе финансовой системы и более активно стимулировать внутренний спрос. Китайская реакция на доклад Роуча показала, что критики были задеты уже тем фактом, что иностранец «вмешивается» во внутрикитайские дела и дает советы по изменению макроэкономической политики. Суть предложений американского ученого также была отвергнута.

Выступая в Пекине в конце октября 2002 г., Роуч смягчил свою позицию, заявив, что ни Китай, ни какую-либо другую страну Азии не следует обвинять в том, что она служит источником дефляции. По его словам, уровень мировых цен определяется многими странами, которые в экономическом отношении значительно более развиты, чем Китай. Американский ученый высоко оценил успехи КНР, достигнутые в экономической сфере после азиатского

кризиса конца 1990-х годов. Однако он вновь повторил, что в перспективе Китаю крайне важно будет при управлении экономикой учитывать также и глобальные задачи и что стране настоятельно необходимо стимулировать внутренний спрос.

Полемизируя с Роучем, китайские экономисты акцентировали внимание на двух вопросах. Прежде всего они стремились доказать, что в Китае нет дефляции. Во-вторых, они старались опровергнуть тезис о том, что Китай «экспортирует дефляцию» в другие страны.

По мнению Яо Цзинъюаня, хотя в Китае сохраняется низкий уровень цен, это явление нельзя назвать дефляцией. Дефляция возникает в том случае, когда одновременно со снижением цен происходит экономический спад. Поскольку китайская экономика является одной из наиболее динамично развивающихся экономик мира, нынешнее снижение цен нельзя назвать дефляцией. Кроме того, за последний год потребительские цены снизились лишь на 1%, поэтому преждевременно заключать, что китайская экономика уже вошла в период дефляции. Более того, продолжающееся падение индекса потребительских цен в 2002 г. в значительной степени объясняется технологическими инновациями и повышением эффективности. Таким образом, заключал Яо Цзинъюань, поскольку в Китае нет дефляции, то не может быть и ее экспорта. При этом он посоветовал Западу (прежде всего США) не перекладывать ответственность за экономические проблемы на другие государства и искать причины неурядиц у себя дома.¹⁵

Не менее критически был воспринят в Китае тезис Роуча об экспортно-ориентированном росте китайской экономики. Как подчеркивал Яо Цзинъюань, на долю экспорта приходится всего лишь 1% из 8% годового экономического роста КНР, тогда как на увеличение потребления приходится 3% и на инвестиции — еще 4%. Иными словами, основной силой, позволившей Китаю добиться высоких темпов роста, был внутренний спрос. Вывод Яо Цзинъюаня заметно отличается от оценок компании Морган Стэнли, согласно которым 54% роста ВВП Китая в первой половине 2002 г. приходилось на рост экспорта.¹⁶

Критика взглядов Роуча содержалась также в издаваемом в Гонконге ежемесячном журнале Банка Китая. По мнению китайских экономистов, авторы «теории экспорта дефляции» увидели лишь внешнюю сторону проблемы, то есть конкурентоспособность экспортируемой китайской продукции, не замечая при этом важных внутренних факторов. Китай становится «мировой мастерской» из-за низкого уровня инфляции в мире и даже глобальной дефляции. Под давлением глобальной дефляции для сохранения прибыли производителям необходимо снижать издержки. В этой ситуации преимущества Китая, прежде всего низкая себестоимость продукции, стали особенно заметными, что привело к перемещению многих производств в Китай. Из этого китайские экономисты сделали вывод, что увеличение спроса на китайские экспортные товары было результатом растущей глобальной дефляции, а не ее причиной.¹⁷

Против аргументов Роуча выступил и известный китайский экономист Ху Аньган. Он счел тезис об «экспорте дефляции» лишенным реальных оснований и неоправданно преувеличивающим некоторые факты. Согласно расчетам Роуча, в 1996-2002 гг. китайский экспорт в США составлял половину всего азиатского экспорта в эту страну. Исходя из этого Роуч заключил, что Китай уже стал важным фактором депрессии в мировой экономике. Ху Аньган назвал такие расчеты не соответствующими действительности. По данным американской таможенной статистики, объем китайского экспорта на американский рынок составляет всего 1,1% ВВП США. Этого явно недостаточно, чтобы вызвать дефляцию в США. Ху Аньган признает, что быстрый рост китайской экономики может увеличить избыток производственных мощностей в мире, то

есть стать фактором, способным привести к дефляции. «Однако нельзя на этом основании утверждать, что Китай является причиной глобальной дефляции, более того, Китай также пострадал от глобальной дефляции».¹⁸

Дальнейшее развитие дискуссия о «теории экспорта дефляции» получила в декабре 2002 г. после появления нового исследовательского доклада Роуча, в котором американский ученый пересмотрел многие высказанные им положения. Китайская пропаганда уделила повышенное внимание этому докладу, озаглавленному «Остановить нападки на Китай» ("Stopping Attack on China"). В китайских СМИ подчеркивалось, что 15-ый визит в Китай осенью 2002 г. наконец-то предоставил Роучу возможность собственными глазами увидеть достижения китайской реформы и выслушать жесткую критику оппонентов, что произвело на ученого глубокое впечатление.¹⁹ Комментируя новый доклад, в котором Роуч «дал ситуации в китайской экономике оценку, отличную от прежней, как небо от земли», китайские авторы называли его «докладом взрывной силы» и отмечали, что «моральная смелость» Роуча заслуживает восхищения.²⁰ Примечательны уже сами названия китайских публикаций, посвященных изменению позиции Роуча: «Главный экономист Морган Стэнли признал ошибку», «Стивен Роуч по-новому оценил положение в китайской экономике», «"Теория экспорта Китаем дефляции" не соответствует фактам», «Главный экономист Морган Стэнли назвал Китай самым большим шансом для мирового развития».²¹

Наиболее часто в китайских материалах цитировался призыв Роуча «прекратить нападки на Китай». По словам американца, в тот момент, «когда миру более чем когда-либо необходим стабильный Китай, беспричинные обвинения Китая не имеют никаких оснований; необходимо, не щадя сил и затрат, прекратить обвинения в адрес Китая».²²

В новом докладе, содержание которого подробно излагалось в ведущих периодических изданиях КНР («Жэньминь жибао», «Бэйцзин циньняньбао», «Чжунхуа гуншан шибao» и др.), Роуч признал, что доля китайского экспорта в ВВП США сравнительно невелика (менее 10%), это не создает угрозы развитию экономики США и глобальной экономики. По мнению Роуча, низкая норма сбережений, торговый дефицит и снижение индекса потребления внутри США связаны со спадом в американской экономике. Что же касается дешевой китайской продукции, то она не только приносит пользу американским потребителям, но и стимулирует американских производителей повышать конкурентоспособность.

Роуч полагает, что при хорошей экономической ситуации в мире рост китайского экспорта не представлял бы никакой опасности. Однако при неблагоприятной конъюнктуре Китаю следует проводить более сбалансированную политику и одновременно с наращиванием экспорта стимулировать внутренний спрос. Он выделил три источника экономического роста в Китае — высокие темпы увеличения экспорта, большие расходы на инфраструктуру и прямые иностранные инвестиции. По словам Роуча, он «всего лишь хотел предупредить Китай, что страна может подвергнуться несправедливым обвинениям извне». В китайских СМИ было подчеркнуто, что «этим выводом Роуч сбалансировал свою точку зрения», изложенную в его прежнем докладе.²³

Особое внимание китайцы уделили рассуждениям Роуча о том, что при возникновении трудностей в мировой экономике некоторые люди начинают искать ответственного за эти трудности «козла отпущения». На современном этапе таким «козлом отпущения», привлечшим к себе всеобщее внимание, стал Китай. «Независимо от того, называют ли его источником растерянности в глобальной экономике или магнитом, создающим новые возможности трудоустройства, Китай все теснее связан с крупными проблемами, приводящими к

трудностям в мировой экономике». «Однако, — заключал Роуч, — не следует отрываться от реальности: переход китайской экономики к рынку и ее развитие в значительной степени по-прежнему предоставляют наибольший шанс для мирового развития».²⁴

К числу стран, обвиняющих Китай в экспорте дефляции, помимо США, была отнесена еще и Япония. В последнее время японские экономисты и государственные деятели неоднократно заявляли, что корни японской дефляции находятся в Китае. Заместитель министра финансов Японии Харухико Курода (Haruhiko Kuroda) утверждал, что изначальная причина дефляции в его стране лежит в соседних азиатских странах, прежде всего в Китае. В статье, опубликованной в начале декабря 2002 г. в газете "The Financial Times", Курода призвал китайское правительство принять меры для уменьшения дефляции путем ослабления валютного контроля и ревальвации юаня.²⁵ Стоит отметить, что Роуч в своем новом докладе поддержал китайцев, подвергнув критике тезис об экспорте дефляции из КНР в Японию. По расчетам Роуча, на импорт из Китая приходится менее 2% ВВП Японии, поэтому, как и в случае США, причины дефляции следует искать внутри страны, а не в Китае.²⁶

Наибольшее недовольство в Китае вызвали предложения Куроды провести ревальвацию юаня. В ходе полемики китайские исследователи напоминали, что в период азиатского кризиса конца 1990-х годов Китай часто присутствовал в пессимистических сценариях некоторых экономистов-международников. В то время пессимисты тревожились, что Китай девальвирует юань для повышения конкурентоспособности своей продукции. Тогда бытовали опасения, что результатом девальвации юаня станет новый раунд девальваций азиатских валют, который перерастет в глобальный финансовый кризис.

Как известно, в период азиатского финансового кризиса Пекин решил не девальвировать юань и сохранил его привязку к американскому доллару с курсом 8,28, что вызвало «облегчение во всем мире».²⁷ Сегодня на Китай вновь пытаются оказать давление. Ведущие торговые партнеры КНР, прежде всего Япония и США, заставляют китайские власти провести ревальвацию юаня опасаясь, что Китай наводнит мир дешевыми товарами. Существование иностранных предложений сводится к тому, чтобы сделать китайскую продукцию более дорогой, что, в свою очередь, приведет к сокращению ее экспорта. Однако, по мнению ряда китайских и зарубежных аналитиков, конкурентоспособность китайских товаров настолько высока, что незначительное повышение курса юаня можно будет легко компенсировать. Предложение дешевой китайской рабочей силы неисчерпаемо, а ежегодно направляемые в Китай масштабные иностранные инвестиции, по расчетам Банка Китая, позволяют повысить производительность в среднем на 4% в год. Если же курс юаня будет повышен очень резко, это может привести к финансовому кризису в КНР, за которым последует социальный кризис, что представит угрозу не только для Китая, но и для других стран.²⁸

Критикуя Японию за призывы к ревальвации юаня, китайские экономисты объясняли их стремлением Японии «сдерживать экономическое развитие Китая». Они проводили аналогию с периодом 1980-х годов, когда США заставляли Японию ревальвировать йену, чтобы сдерживать рост японской экономики. Однако, по мнению китайских авторов, ревальвация юаня не только не позволит Японии значительно увеличить экспорт, но и окажет негативное воздействие на импорт в КНР из Японии по причине снижения темпов роста китайской экономики. Был сделан вывод, что «ревальвация юаня совсем не обязательно окажет положительное влияние на возрождение японской экономики». Что касается США, то «вместо того, чтобы оказывать давление и заставлять Китай

ревальвировать юань», им предлагалось «соблюдать единство слова и дела, проводить в жизнь политику сильного доллара».²⁹

Аргументируя свою позицию, китайские авторы черпали доводы также и в новом докладе Роуча, отрицавшего необходимость ревальвации юаня и возлагавшего ответственность за дефляцию в США и Японии на правительства этих стран. В китайской печати также цитировалось выступление на заседании Нью-Йоркского экономического клуба главы Федеральной резервной системы США Алана Гринспена. Он утверждал, что «экономический рост Китая не приведет к глобальной дефляции» и назвал «преувеличением» высказывания о том, что Китай является причиной дефляции в других странах.³⁰ Главный вывод китайских СМИ состоял в том, что получившая распространение за пределами КНР «теория экспорта Китаем дефляции» была опровергнута представителями деловых и научных кругов, и даже ее «зачинщик» (досл. — «первый, кто подал дурной пример») г-н Роуч был вынужден публично признать свою ошибку.³¹

Рассматривая развитие китайской экономики в глобальном контексте, китайская пропаганда подчеркивала, что принимаемые в КНР меры по стимулированию потребления и расширению внутреннего спроса способствовали развитию азиатской экономики. Отмечалось, что поддержание стабильности в Китае и разумного курса юаня для защиты от финансовых рисков не только соответствует национальным интересам Китая, но и позволяет обеспечить стабильность региональной и мировой экономик. «Жэньминь жибао» писала: «В процессе экономической глобализации жизненно необходимо усиливать конкурентоспособность собственной экономики и продукции. Односторонние требования к Китаю урегулировать валютный курс и даже распространение теорий «экспорта Китаем дефляции» и «китайской угрозы» не только не помогают делу, но и скрывают реальные причины собственной неспособности экономического выздоровления».³²

Обсуждение «теории экспорта Китаем дефляции» носило явно выраженный пропагандистский характер. Об этом свидетельствует появление в конце 2002 г. большого количества критических статей, повторяющих друг друга по содержанию и приемам аргументации. Хотя в китайских научных публикациях проблеме курса юаня уделялось серьезное внимание, ученые КНР не вступали в прямую полемику с зарубежными аналитиками, призывавшими ревальвировать юань. Во внешней пропаганде акцент делался на том, что Китай будет и далее самостоятельно определять судьбу юаня. Представители Народного банка Китая отказались от комментариев на эту тему, поскольку «сейчас это слишком деликатная проблема, и правительственной организации неудобно высказывать по данному вопросу какую-либо точку зрения».³³

В отличие от «теории экспорта Китаем дефляции», косвенным образом признавшей мощь Китая и его растущее влияние на развитие мировой экономики, «теория фальсификации китайских статистических данных» поставила под сомнение реальность высоких темпов экономического роста КНР.

Вопрос о достоверности китайской статистики обсуждался китайскими и зарубежными учеными и ранее. Вызванная несогласие китайских экономистов статья Т.Равски «Что происходит с китайской статистикой ВВП?» относится к 2001 г., однако выступления против его взглядов приходится в основном на 2002 г., когда в КНР поднялась волна критики западных «заблуждений», искажающих подлинный облик китайской экономики. Аргументы Равски и его оппонентов уже рассматривались в работах российских ученых, поэтому в данной статье они подробно не анализируются.³⁴ Напомним, что, исследовав статистические показатели развития китайской экономики, американский ученый обнаружил несоответствия между некоторыми из них.

На этом основании Т.Равски высказал предположение о фальсификации данных официальной китайской статистикой,

Примечательно, что в своей статье Равски ссылался на многочисленные исследования китайских экономистов (например на Мэн Ляня и Ван Сяолу), выражавших сомнения в достоверности официальных показателей. Равски отмечал, что некоторые ведущие китайские экономисты давали собственные оценки тенденций развития китайской экономики, которые отличались от официальной картины, представленной в сводках ГСУ. В статье были также процитированы слова Чжу Жунцзи о «преувеличениях и фальсификации» в статистике, произнесенные в марте 2000 г.

Взгляды Равски привлекли внимание американских СМИ, которые стали активно цитировать выводы ученого. Китайская пропаганда объясняла возникший на Западе ажиотажный интерес к статье Равски следующим образом: «После того как “теория китайской угрозы” не дала предполагаемого эффекта, они [ведущие западные СМИ] вдруг обнаружили, что взгляды Равски соответствуют их ожиданиям: “экономический рост Китая ложный”, “китайскую экономику скоро постигнет крах”». ³⁵

Отметим, что сомнения в высоких темпах экономического роста Китая выразил также и американский экономист Пол Кругман, снижавший известность благодаря своей статье «Миф об азиатском чуде», где был предсказан региональный финансовый кризис 1997 г. Кругман сравнил знакомство с китайской статистикой с «чтением научно-фантастического романа». ³⁶ В китайской печати цитировались новое «пророчество» ученого о том, что Китай «это самое большое чудо в азиатском чуде, может стать следующим рухнувшим мифом». ³⁷

Комментируя причины распространения за рубежом суждений о присутствии «воды» в официальной статистике, китайские авторы отмечали, что на Западе бытуют сомнения в истинности экономического процветания Китая. По мнению некоторых западных экспертов, официальная китайская статистика недостоверна, а темпы роста ВВП преувеличены. Из этих умозаключений следует практический вывод, что «инвестиционный климат в Китае совсем не такой хороший, как представляется». Ситуация обострилась после вступления Китая в ВТО, которое сравнивалось с «открытием “ящика Пандоры”». ³⁸

Китайские полемисты попытались показать, что успехи экономики КНР не опираются на ложные цифры. Значительная часть критических материалов была посвящена опровержению принятой Равски методики исследования и его конкретных выводов о количественных несоответствиях между различными показателями китайской статистики. Оппонентами Равски выступили профессиональные китайские экономисты, поставившие под сомнение выделенные Равски зависимости между ростом ВВП и рядом других показателей. Несогласие с логикой рассуждений Равски высказали и руководители статистических организаций. По словам заместителя начальника ГСУ Цю Сяохуа, «Равски был недостаточно строг в научном плане, и потому сделал ошибочные выводы. Что же касается злонамеренного использования некоторыми людьми его статьи, то это выходит за рамки научной проблемы». ³⁹

В официальной пропаганде главный акцент был сделан на обосновании достоверности китайских статистических данных. Подчеркивалось, что данные о росте ВВП достаточно точно отражают состояние экономики КНР. Аргументируя этот тезис, китайские авторы ссылались на использование официальной китайской статистики Всемирным Банком. Если в начале 1990-х годов Всемирный Банк сомневался в достоверности официальной статистики и корректировал показатели ВВП КНР, то с конца 1990-х годов в публикациях Всемирного Банка стали использоваться данные официальной китайской статистики. Ав-

торитетный экономист Фань Ган напомнил, что в 1998 г. Всемирный Банк проводил комплексное исследование китайской статистики и пришел к выводу, что отклонения в оценке роста ВВП колеблются в пределах 1%, но этот вывод не нашел отражения в западных СМИ. Он подчеркнул, что неточности в статистике часто связывают с «водой» в статистических данных на местах. Однако далеко не все местные руководители завышают показатели, напротив, некоторые развитые районы заинтересованы в их занижении. Кроме того, имеются многочисленные показатели (экспорт, импорт, реальные объемы привлеченных инвестиций, сбережения населения и др.), которые трудно сфальсифицировать, их можно использовать для верификации других статистических данных.⁴⁰

Сторонники «теории фальсификации китайских статистических данных» считали показатели роста ВВП Китая завышенными, не ставя под сомнение сам факт усиления экономической мощи КНР. Авторы «теории краха Китая» пошли еще дальше и открыто заявили о скором развале китайской экономики.

Наиболее последовательно эта «теория» была изложена в изданной в США книге Гордона Чана «Грядущий крах Китая», переведенной впоследствии на китайский, японский и корейский языки.⁴¹ Чан полагает, что уже в ближайшее время китайское руководство не сможет поддерживать высокие темпы роста экономики. Это приведет к усилению недовольства и протестам уволенных рабочих, разочарованных крестьян и других социальных элементов, партия и правительство утратят контроль над ситуацией, что будет иметь разрушительные последствия.⁴² По мнению Чана, вступление Китая в ВТО и дальнейшее открытие страны мировому рынку лишь ускорят приближение масштабного краха. С завершением предусмотренного соглашением с ВТО переходного периода, когда будут сняты ограничительные ввозные тарифы и пошлины, в стране возникнет торговый дефицит, и приток иностранных инвестиций в китайскую экономику значительно сократится. Чан обращает внимание на многие острые проблемы современного Китая — неэффективность государственных предприятий, слабую банковскую систему, чиновничью коррупцию. По его прогнозам, современный политический и экономический строй в Китае продержится максимум пять лет, экономический спад начнется уже до Олимпийских игр 2008 г. Тема скорого краха Китая получила дальнейшее развитие в статье Гордона Чана «Азиатская Аргентина?», опубликованной в «The Asian Wall Street Journal» в июне 2002 г. Исследователь предположил, что Китай может повторить судьбу этой южноамериканской страны. По мнению Чана, подобно Аргентине, Китай может в ближайшие несколько лет перейти от процветания и оживления к экономическому упадку.⁴³

Полемизируя с Чаном, китайские авторы подчеркивали, что при проведении реформ в такой большой и многонаселенной стране, как Китай, трудности возникают неизбежно. «Китай вовсе не отрицает существования этих проблем и принимает активные меры для их решения, а также приветствует доброжелательную критику и справедливые предложения, но он не может согласиться с тем, как небольшое число людей злонамеренно преувеличивает серьезность проблем». Хотя вступление в ВТО «поставило Китай перед тяжелыми вызовами», однако его нельзя назвать «ловушкой, застеленной живыми цветами» и, тем более, «катализатором краха китайской экономики».⁴⁴ По мнению китайских авторов, урегулирование экономической политики в соответствии с нормами ВТО и китайской ситуацией пойдет на пользу экономике страны и сделает Китай еще более привлекательным для иностранных инвесторов.

Как отмечает Фань Ган, трудностей, на которых любят спекулировать сторонники «теории краха», в Китае действительно очень много. Это и пробле-

мы Китая как развивающейся страны, и проблемы Китая как страны с переходной экономикой. К первой группе относятся бедность, безработица, проблемы крестьянства, разрыва в доходах, коррупции, ко второй — проблемы предприятий, государственных банков и другие. Ситуация становится еще более сложной в связи с тем, что обе группы проблем переплетены между собой. Так что отыскать в Китае проблемы не представляет особой сложности, нетрудно и написать книгу об этих проблемах. Намного сложнее показать, почему при таком множестве затруднений «крах» Китая не наступил. Фань Ган считает, что если иностранные ученые могут позволить себе завершить свое исследование выводом о том, что в Китае «есть проблемы», то китайские экономисты должны искать их решение. «Задача у нас, у китайцев, состоит не в том, чтобы зарабатывать деньги на продаже “теории краха”, а постоянно продвигать реформы и добиваться того, чтобы крах Китая не наступил никогда».⁴⁵

Фань Ган подчеркивает, что при оценке перспектив развития Китая всегда находились люди, которые говорили о грядущем «крахе» китайской экономики. Одни видели только возникавшие проблемы и не замечали потенциала роста. Другие надеялись, что китайскую экономику постигнет крах, и не хотели замечать огромного притока в страну иностранных инвестиций. Они отговаривали бизнесменов от инвестиций в китайскую экономику, убеждая их, что в Китае нельзя заработать денег. Однако среди выступавших с «теорией краха» не было профессионалов, глубоко разбирающихся в реальной экономической ситуации в КНР. На этом основании Фань Ган заявил, что не видит необходимости в том, чтобы обращать на них слишком много внимания.⁴⁶

Пессимистические прогнозы развития китайской экономики были развиты в книге главного редактора американского журнала «China Economic Quarterly» Джо Стадвелла, озаглавленной «Мечта о Китае: ускользящий поиск крупнейшего в мире неосвоенного рынка». В предисловии к книге автор отмечал, что на протяжении 700 лет, то есть с тех пор, как иностранцы начали писать о Китае, западный мир верил в несметные богатства этой страны. В последние 150 лет «вера в беспрецедентный потенциал Китая стала навязчивой идеей». Это наваждение достигло своего пика в последнее десятилетие 20 столетия, когда в экономику Китая были вложены 300 миллиардов долларов иностранных инвестиций.⁴⁷

В 1990-е гг., когда перед бизнесменами открылись огромные возможности для инвестиций, мир в первую очередь ухватился за два шанса: «это была новая мечта — Интернет и Китай — древнейшая мечта из всех».⁴⁸ Первая мечта лопнула в 2000 г. вслед за резким падением на западных биржах курсов акций компаний, занятых информационными технологиями. Стадвелл задается вопросом, сколько времени сможет продержаться «мечта о Китае». Автор спрашивает: как долго еще будет международный бизнес делать вложения, не приносящие отдачи, в надежде на будущие прибыли? Сколько раз китайское руководство может избежать кризиса доверия, доказывая, что в этот раз оно действительно проведет дерегулирование? До каких пор китайцы будут продолжать держать свои деньги в обремененной долгами государственной системе сбережений? Стадвелл оговаривается, что судьба Китая еще не определена окончательно, и, как и любая мечта, «мечта о Китае» может превратиться в действительность.

Отвечая на вопрос о том, является ли растущее увлечение Китаем и всем китайским предвестником новых времен или же предтечей кризиса, Стадвелл склоняется ко второму варианту ответа. «Эта книга, — пишет ученый, — доказывает, что экономические основания современного Китая лежат на песке». По мнению исследователя, налицо несоответствие между реальностью и ожиданиями инвесторов. Однако психологический настрой иностранного

бизнеса играет важную роль в судьбе Китая. На рациональном уровне, на котором оперируют экономисты, вложения в китайскую экономику выглядят не иначе, как «рецепт страданий и бедствий». Но на менее рациональном уровне, где действует реальная жизнь, «никогда нельзя держать пари против такой прочной силы, какой является мечта о Китае».⁴⁹

Оценивая книгу Стадвелла, китайские авторы выразили несогласие с главным выводом ученого, сравнившим современную экономику КНР со зданием, построенным на песке. Они выступили с критикой предсказания скорого наступления в Китае политического и экономического кризиса. Особое недовольство вызвало обращенное к инвесторам предостережение «не швырять с легкостью миллионы долларов в бездонную яму».⁵⁰

Сравнивая «Мечту о Китае» Стадвелла и «Грядущий крах Китая» Чана, западные рецензенты обращали внимание на различие в подходах исследователей. По мнению рецензента американской газеты «The Washington Times», в книге Чана более полно показан культурный контекст происходящих в Китае событий, в то время как книга Стадвелла отличалась лучшей организацией материала и богатством экономической фактуры.⁵¹ По существу обе книги посвящены общей теме. Как отмечала гонконгская «South China Morning Post», обе публикации «знаменовали переход от прежних страхов перед политической нестабильностью, вызванной различными разочаровавшимися группами — студентами, крестьянами, рабочими, меньшинствами или религиозными сектами, — к представлениям о том, что к финансовому краху ведут сами реформы».⁵²

В отличие от «теории краха», ставившей под сомнение успехи рыночных реформ в КНР, экономическая версия «теории китайской угрозы» не только признавала растущее влияние Китая на развитие глобальной экономики, но и утверждала, что дальнейший подъем страны приведет к экономической экспансии. Однако, как подчеркивала китайская печать, пропагандисты обеих теорий преследовали одну и ту же цель — «ухудшить международную среду, замедлить развитие Китая и ограничить его подъем».⁵³

Разъясняя суть «теории китайской угрозы», китайские авторы обращали особое внимание на три ее составляющих. Во-первых, это так называемая «теория черной дыры китайской экономики» («*Чжунго цзинцзи хэйдун лунь*»), согласно которой дальнейший подъем экономики КНР создаст «черную дыру» в азиатском регионе: Китай поглотит Корею и страны Юго-Восточной Азии, что приведет к новому азиатскому экономическому кризису.

Вторая составляющая получила название теории «комплексного похода Китая на Азию» («*Ячжоу дэ Чжунго цзунхэчжэн*»). По мнению ее сторонников, высокие темпы роста в будущем сделают Китай еще более мощным в экономическом отношении. При этом низкая себестоимость производимой в Китае продукции, небольшое число торговых барьеров и емкий рынок повысят его привлекательность для инвесторов. В результате направляемые в Азию иностранные инвестиции будут поглощены Китаем и странами Северо-Восточной Азии.

В качестве третьей составляющей называлась «теория двух боязней» («*лянь па лилунь*»). С этой точки зрения, страны Юго-Восточной Азии, оценивая возможные последствия вступления Китая в ВТО, испытывали опасения двоякого рода. С одной стороны, они боялись, что предприятия этих стран не смогут выдержать удара, вызванного вступлением Китая в ВТО. С другой стороны, высказывались опасения, что в результате присоединения Китая к ВТО «у тигра появятся крылья» и возникнет непосредственная угроза странам Юго-Восточной Азии.⁵⁴

Очевидно, что все эти «теории» были прямо связаны с ростом экономического влияния Китая в мире, и в особенности в азиатском регионе. Опровергая

«теорию китайской угрозы», китайские официальные лица подчеркивали, что «быстрый рост экономики Китая не может привести к внешней экспансии».⁵⁵

Вице-премьер Китая Цянь Цичэнь назвал эту концепцию «полностью обосновательной», изложив свои аргументы в статье, опубликованной в начале 2002 г. в журнале «Гоцзи чжэнчжи яньцзю» (Международные политические исследования). По мнению Цянь Цичэня, в истории действительно можно найти примеры стран с высокими темпами роста экономики, которые проводили внешнюю экспансию, однако было бы ошибкой распространять этот вывод на все страны. Во-первых, экспансионистские замыслы могут возникнуть и в странах, недостаточно развитых в экономическом отношении, и даже переживающих экономический кризис. Во-вторых, быстрый экономический рост вовсе не обязательно ведет к экспансии, поэтому не следует рассматривать отношения между быстрым экономическим ростом и экспансией как причинно-следственные.

Как подчеркивал Цянь Цичэнь, опыт экономического развития Китая в период реформ свидетельствовал об обратном. Ответственная политика китайского руководства способствовала восстановлению экономик стран, пострадавших от азиатского кризиса. Быстрый рост китайской экономики не только не препятствует развитию соседних стран, но и предоставляет им новые возможности. По образному выражению Цянь Цичэня, экономическое процветание Китая вовсе не означает, что страна «забирает у соседних государств "чашку риса", напротив, оно позволяет расширить их кухни и приносит пользу соседям».⁵⁶

Иная линия аргументации была представлена в докладе заместителя министра внешней торговли и внешнеэкономического сотрудничества Китая Лун Юнту. Выступая на форуме «ВТО и китайская экономика XXI века» в мае 2002 г., он подчеркнул, что чем более открыт рынок и чем более развита экономика, тем больше гарантий это создает для развития мировой экономики. Он отметил, что распространение за пределами КНР «теории китайской угрозы» связано со стабильным и поступательным ростом китайской экономики. Однако «в действительности всем известно, что страна с открытыми рынками, не может представлять угрозу миру и экономическому развитию, поскольку если ее рынки открыты, то тем более развитой становится ее экономика, более открытыми становятся ее рынки, тем более она гарантирует мир и экономическое развитие во всем мире».⁵⁷

Как подчеркивают китайские СМИ, в последнее время «теория китайской угрозы» получила распространение не только на Западе и в соседних с Китаем азиатских странах, но и в России, связанной с Китаем отношениями «стратегического партнерства». Согласно китайским публикациям, под «китайской угрозой» в России подразумевались прежде всего опасения, вызванные быстрым ростом экономического влияния Китая, а не политическая и даже не демографическая экспансия. В КНР отмечают, что во второй половине 2002 г. о «китайской угрозе» стали писать многие российские газеты.

Эта тема была поднята в связи с обсуждением вопроса о маршруте трубопровода, по которому будет экспортироваться за рубеж нефть из Восточной Сибири. Один из проектов предусматривал строительство трубопровода Ангарск — Дацин, в качестве альтернативного варианта был предложен маршрут Ангарск — Находка. Российская компания ЮКОС уже провела согласование с китайской стороной первого варианта, однако с декабря 2002 г., и особенно в январе 2003 г., когда в конкуренцию вступила Япония, стал рассматриваться второй проект, реализация которого позволила бы России экспортировать нефть не только в Китай, но и в другие страны АТР.

Комментируя споры о том, какое направление выгодно для России, китайские СМИ, ссылаясь на статьи в российской печати, отмечали, что измене-

ние маршрута нефтепровода не только повлияет на интересы крупнейшей нефтяной компании России, но и нанесет ущерб интересам стратегического соседа — Китая. В КНР также цитировались российские публикации, где говорилось о возможности замораживания первого проекта и желательности прокладки трубопровода в обход Китая в связи с тем, что изначальный план «стратегически повлияет на весь АТР, изменив сложившееся на сегодняшний день соотношение сил в пользу Китая».

Другим проявлением российских опасений, связанных с усилением экономической мощи Китая, китайские СМИ называли ситуацию с продажей акций компании «Славнефть». Они отмечали, что после решения Китайской нефтяной компании принять участие в аукционе по продаже «Славнефти», «в крупных российских газетах поднялась антикитайская волна».

Для обоснования этой точки зрения были использована публикация в «Известиях», где утверждалось, что приход китайской компании в Россию создаст непосредственную угрозу национальной энергетической безопасности. Приводилась также цитата из «Независимой газеты», заявившей, что «любой российский олигарх лучше китайского покупателя». Китайские авторы цитировали высказывания российских политиков, называвших допуск китайской компании к участию в аукционе «серьезной геополитической ошибкой» и прямо говоривших о «китайской угрозе». В заключение делался вывод, что на аукционе «Славнефть» была продана за четыре минуты, и «хотя «национальные интересы России» были соблюдены, из-за отсутствия конкуренции акции не были проданы по такой хорошей цене, как предполагалось».

Объясняя, почему «теория китайской угрозы» получила распространение в России, китайские СМИ выдвинули гипотезу о происках «прозападных антикитайских сил» внутри России, неспособных «признать реальности более быстрого развития Китая по сравнению с Россией». По мнению китайских авторов, «некоторые россияне не могут допустить мощи соседней страны, считая, будто мощь соседней страны создает для них угрозу», при этом «под воздействием таких представлений о безопасности они часто смешивают чисто коммерческое поведение и национальную безопасность». Другой причиной популярности в России этой «теории» китайские СМИ называли влияние западной пропаганды, убеждающей россиян, что только Запад может спасти Россию, а угроза исходит с Востока. Кроме того, в Китае писали о психологии части россиян, которые не могут примириться с тем, что «старший брат» живет хуже, чем китайцы.⁵⁸

Еще одна западная теория, вызвавшая волну критики в КНР, получила название «теории создания Китаем опасности». Основные ее положения были изложены в статье декана Школы менеджмента Йельского университета Джеффри Гартена «Когда все будет производиться в Китае».⁵⁹ Эта статья, опубликованная в журнале «Business Week» в июне 2002 г., вызвала в Китае особый интерес. В отличие от докладов Роуча, которые лишь выборочно цитировались китайскими СМИ, текст статьи Гартена был полностью переведен на китайский язык.⁶⁰

Гартен обратил внимание на то, что в последнее время многие крупные корпорации стали переводить свои производства в Китай. Компания Intel объявила об инвестировании 100 млн. долларов в производство микропроцессоров Pentium 4 в Шанхае; компьютерная корпорация Dell перевела мощности по производству компьютеров из Куала-Лумпура в Сямэнь; Toshiba стала производить в КНР телевизоры, а Sony — игровые приставки. Ссылаясь на мнение одного из руководителей компании Goldman, Sachs & Co. Кеннета Куртиса (Kennet Courtis), Гартен заключил, что «Китай превращается в индустриальную сверхдержаву (manufacturing superpower)», и эту тенденцию трудно остановить. Ученый задавался вопросом, не становится ли мировая экономика

зависимой от промышленной «жизненной артерии» Китая до такой степени, что уже в скором времени она окажется опасно уязвимой в случае крупного перерыва в поставках из этой страны, вызванного, к примеру, войной, терроризмом, социальными волнениями или природными бедствиями. Это вполне вероятно в том случае, если Китай займет в мировом производстве столь же важные позиции, как Саудовская Аравия на мировом нефтяном рынке.

В статье Гартена отмечалось, что с начала 1990-х годов Китай стал крупнейшим получателем иностранных инвестиций среди развивающихся стран, а с вступлением в ВТО их объемы будут увеличиваться. Китай обладает многочисленными преимуществами перед другими странами. Уровень заработной платы в Китае составляет одну треть от мексиканского или венгерского и лишь 5% от американского или японского. В КНР вкладываются значительные средства в образование и подготовку кадров, создается среда для развития производства, с которой трудно конкурировать другим странам. Китай представляет собой не только платформу для экспорта, но и привлекателен своим широким внутренним рынком. По мнению Гартена, пока еще преждевременно делать вывод о доминировании Китая в промышленности. Однако следует прислушаться к мнениям специалистов, предупреждающих о серьезных проблемах в снабжении, к которым может привести чрезмерная концентрация мирового производства на территории Китая.

Гартен выразил сожаление, что никто из экспертов специально не занимается проблемой подобных рисков. В условиях обостряющейся конкуренции руководство корпораций больше всего интересуется увеличением прибылей, в то время как политики, ответственные за национальную безопасность, сконцентрированы на проблемах терроризма и оружия массового поражения. При этом угрозы, связанные с крайне сложными цепями поставок, пока еще не привлекли к себе должного внимания. Гартен призвал администрацию США обратиться к исследованию этой важной проблемы. Ученый завершил статью следующими словами: «На протяжении четверти века Вашингтон и Уолл-Стрит хотели, чтобы Китай стал частью мировой экономики. Их желание исполнилось. Сейчас настало время проанализировать последствия этого».⁶¹

В ответ на это «Гуанмин жибао» написала, что смысл послания Гартена предельно четок: «Не следует повышать производственные возможности Китая, превращение Китая в «мировую фабрику» — опасно!»⁶² Китайские авторы сочли несостоятельными многие положения статьи американского ученого. По мнению Гартена, превращение Китая в гигантского поставщика с «мировой фабрикой» может иметь разрушительные последствия для глобальной экономики в случае, если поставки внезапно прервутся. Полемизируя с этим тезисом, китайские авторы ссылались на мировой опыт экономического развития. Они напоминали о первой «мировой фабрике» — Англии, на которую в 1860 г. приходилось 19,9% мирового производства, в том числе 53% стали и 50% угля. После Второй мировой войны больших успехов в экономическом развитии достигли Германия и Япония. Сегодня немецким автомобилям и японским фотоаппаратам принадлежит львиная доля рынка. Однако «ни вчерашняя продукция с маркой «сделано в Англии», ни сегодняшняя с марками «сделано в Германии» и «сделано в Японии» не принесли мировой экономике невыносимых бедствий»⁶³. Напротив, увеличение масштабов производства сделало многие товары, считавшиеся ранее роскошью, доступными для простых людей. На этом основании китайские авторы заключали, что продукция с маркой «сделано в Китае» также не может создать угрозу развитию мировой экономики.⁶⁴

Негативную реакцию в Китае вызвали озабоченность Гартена тем, что транснациональные корпорации увеличивают инвестиции в Китае, и его желание сдержать эту тенденцию. Китайские СМИ подчеркивали, что в условиях

растущей глобализации экономики крупные компании естественно стремятся к снижению издержек. Критикуя Гартена, в КНР ссылались на его же собственный вывод о «многочисленных преимуществах» Китая, делающих страну особенно привлекательной для транснациональных корпораций. Благодаря низким издержкам крупные компании оказываются в выигрыше от перенесения производств в Китай. Потребители, в том числе и американские, получают возможность с выгодой для себя покупать дешевую и качественную китайскую продукцию. Другими словами, в конечном счете выигрыш оказывается двойным.

Иное направление критики взглядов Гартена связано с его оценкой производственных возможностей Китая. По мнению китайских авторов, американский ученый явно поторопился с выводом о Китае как «производственной сверхдержаве», поскольку тот остается развивающейся страной. В 1999 г. доля Китая в мировом производстве составляла всего лишь 5%, в то время как на США приходилось 20%, на Японию — 15%. Несмотря на большие объемы производства, ассортимент китайской продукции остается ограниченным, ее уровень — недостаточно высоким. Многие крупные предприятия, работающие на экспорт, являются лишь «цехами» «мировой фабрики», но не самой «мировой фабрикой», Китаю предстоит еще долгий путь до превращения в «индустриальную сверхдержаву».⁶⁵ Некоторые исследователи акцентировали необходимость дальнейшего углубления реформ, поскольку в противном случае «имеющиеся преимущества в производстве могут не сохраниться, а привлекательность для иностранного капитала постепенно уменьшится».⁶⁶

Отметим, что на специфику китайской экспортной продукции обращали внимание и западные экономисты. По их мнению, в то время, как экспорт китайского текстиля, одежды, обуви, телевизоров на мировые рынки быстро увеличивается, и Китай превращается в «мировую фабрику» по их производству, значительно возрастает китайский импорт других видов продукции, например автомобилей. «По мере того, как Китай растет, он становится крупным рынком для продукции других стран и в то же время больше экспортирует сам. Если ничто не нарушит этот процесс, в выигрыше окажутся все».⁶⁷ Примечательно, что именно в дальнейшем развитии этой тенденции западные ученые видели путь к достижению баланса экономических интересов Китая и Запада.

Знакомство с западными оценками современного состояния экономики КНР и китайской реакцией на них позволяет заключить, что пристальный интерес к китайской проблематике объясняется прежде всего ростом экономической мощи страны и наплывом китайских товаров на иностранные рынки. Обращаясь к этой теме, западные экономисты преследовали не только научные, но и практические цели, за их рассуждениями о роли «китайского фактора» стояли реальные экономические интересы.

Не менее прагматические мотивы вдохновляли китайскую пропаганду, занявшуюся целенаправленной критикой «теорий», придуманных иностранцами. Полемические выступления в китайских СМИ были предназначены как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Во внутрикитайских материалах основное внимание уделялось доказательству несостоятельности и тенденциозности появившихся на Западе «теорий». Во внешней пропаганде доминировала задача создания положительного имиджа китайской экономики за рубежом и демонстрации привлекательности Китая для иностранных инвесторов. Китаю было важно добиться, чтобы иностранные бизнесмены не поддались страхам, что экономика КНР строится на фальсифицированной статистике, или что ее вместе со всеми многомиллиардными инвестициями постигнет неминуемый крах.

Усиление критики в адрес Запада было связано также с националистическим поворотом в настроениях китайской элиты. В 1990-е годы западные ис-

следователи критиковали Китай за медленные преобразования политической системы, хваля его за достижения в сфере экономических реформ. В начале 2000-х годов они стали обращать особое внимание на экономические проблемы страны и подвергать сомнению официальные китайские оценки состояния экономики КНР. Поворот к критике китайской экономики вызвал недовольство китайской элиты и привел дальнейшему к росту антизападных настроений. Примечательно, что националистические рассуждения находят отражение не только в официальной государственной пропаганде, но и в СМИ, не находящиеся под прямым идеологическим руководством государства (например в газете «Хуаньцю шибао»).

Китайские СМИ настойчиво повторяют, что вышеупомянутые «теории» создаются и тиражируются за рубежом умышленно в целях нанесения ущерба интересам Китая. Западные «заблуждения» были обобщены прежде всего для того, чтобы подчеркнуть важный вывод: китайцы сами могут объективно оценить состояние экономики КНР, тогда как западные авторы не всегда реально представляют китайскую действительность и часто допускают ошибки. Отсюда следует, что именно западным, а не китайским ученым следует переосмыслить свои взгляды на китайские реформы. В этом заключении также можно увидеть проявление современного китайского национализма.

На протяжении всего периода реформ китайская пропаганда четко отстаивала мысль о том, что Китай самостоятельно избрал соответствующую условия страны модель преобразований, которая позволила добиться экономических успехов. В КНР все больше привыкают гордиться этой моделью, подчеркивая, что китайцы сами знают, как проводить реформы, и не нуждаются в иностранных советах. В этом контексте зарубежные предложения ревальвировать юань были восприняты резко негативно и расценены как вмешательство во внутренние дела страны, которое может иметь отрицательные последствия не только для китайской, но и для иностранных экономик.

Упомянутые в современных дискуссиях иностранные «теории», скорее всего, уже в ближайшем будущем уступят место другим зарубежным «заблуждениям», а фамилии, которые звучат сейчас, забудутся через несколько лет. Вместе с тем было бы неправильным отнестись к сегодняшним спорам как к несущественному явлению. Анализ реальной экономической ситуации позволяет предположить, что экспорт дешевой китайской продукции на мировые рынки будет увеличиваться и далее. Эта тенденция затронет интересы иностранных производителей и приведет к появлению за рубежом слоев населения, полагающих, что Китай развивается за их счет. Это означает, что на Западе будут возникать новые варианты «теорий» о роли «китайского фактора» в мировом развитии. Следовательно, полемика о перспективах экономического роста Китая и его влиянии на глобальную экономику продолжится и в будущем.

1. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
2. Rawski T. What's Happening to China's GDP Statistics. <http://www.pitt.edu/~tgrawski/papers2001/gdp912f.pdf>.
3. Chang, Gordon G. The Coming Collapse of China. New York: Random House, 2001.
4. Studwell, Joe. The China Dream: the Elusive Quest for the Greatest Untapped Market on Earth. New York: Atlantic Monthly Press, 2002.
5. Garten, Jeffrey E. When Everything Is Made in China // BusinessWeek. 2002. June 17.
6. Roach, Stephen. The China Factor. <http://www.morganstaneley.com/GEFdata/digests/20021014-mon.html>.
7. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.

8. Там же.
9. См.: Бэйцзин цинняньбао. 2002. 30 октября.
10. <http://www.morganstaneley.com/GEFdata/digests/200021014-mon.html>.
11. http://english.peopledaily.com.cn/200212/25/eng20021225_109058.shtml.
12. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 23 октября; Чжунго чжэнцзюань бао. 2002. 23 октября.
13. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
14. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
15. <http://www1.chinadaily.com.cn/bw/2002-11-05/93511.html>,
<http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
16. Там же.
17. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
18. Там же.
19. Бэйцзин цинняньбао. 2002. 22 декабря.
20. http://english.peopledaily.com.cn/200212/25/eng20021225_109058.shtml.
21. Бэйцзин цинняньбао. 2002. 22 декабря; Жэньминь жибао. 2002. 25 декабря; Чжунго гуншан шибао. 2002. 20 декабря.
22. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
23. Там же.
24. Там же.
25. См.: The Washington Times. 2002. December 20; Чжунхуа гуншан шибао. 2002. 20 декабря.
26. Чжунхуа гуншан шибао. 2002. 20 декабря;
http://english.peopledaily.com.cn/200212/25/eng20021225_109058.shtml.
27. BusinessWeek. 2002. December 2.
28. Ibid.
29. Гоцзи цзиньжун бао. 2003. 17 января.
30. http://english.peopledaily.com.cn/200212/25/eng20021225_109058.shtml.
31. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021224/894641.html>.
32. Жэньминь жибао. 2002. 25 декабря.
33. Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 30 января.
34. См.: Бергер Я. О достоверности экономического роста Китая и «китайской угрозе» // Проблемы Дальнего Востока. М. 2002. № 6. С.40-55.
35. Хуаньцю шибао. 2002. 6 июня;
<http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>.
36. Ши лю да чжихоу гуаньчжу Чжунго мяньлинь дэ цзиньяо вэньти (Обратить внимание на важные проблемы, стоящие перед Китаем после 16-го съезда КПК). Пекин: Цинцзи жибао чубаньшэ. 2003. С.8.
37. Наньфан чжоумо. 2003. 17 января.
38. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>.
39. Там же.
40. Там же.
41. См.: Буров В. Гордон Г.Чан. Грядущий коллапс Китая » // Проблемы Дальнего Востока. М. 2003. № 1. С.180-183; Ломанов А. Убить «бумажного дракона» // Россия в глобальной политике. М. № 1. Ноябрь / декабрь 2002. С.180-183.
42. Chang, Gordon G. Op. cit. P.xix.
43. См.:Бай Цзиньфу. Чжунго цзинцзи цзяодун хайвай юйлунь (Китайская экономика обеспокоила зарубежную общественность) // Ляован. Пекин. 2003. № 4. С.36.
44. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>.
45. Ши лю да чжихоу гуаньчжу Чжунго мяньлинь дэ цзиньяо вэньти. С.23.
46. Чжунго цзинцзи шибао. 2002. 8 ноября.
47. Studwell, Joe. Op. cit. P.ix.
48. Ibid. P.x.
49. Ibid. P.xii.
50. Хуаньцю шибао.2002. 6 июня;
<http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>.
51. The Washington Times. 2002. April 14.
52. South China Morning Post. 2002. February 5.

53. Жэньминь жибао. 2002. 11 июня ;
http://english.peopledaily.com.cn/200212/25/eng20021225_109058.shtml.
54. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>.
55. Там же.
56. Чжунго вэньти баогао. 2002 нянь цюаньсинь сюдинбань. (Доклады о проблемах Китая. Новое исправленное издание 2002 года). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ. 2002. С.74.
57. <http://www.peopledaily.com.cn/GB/jinji/36/20021225/895011.html>. Наньфан души бао. 2002. 25 мая.
58. Хуаньцю шибао. 2003. 17 января.
59. Business Week. 2002. June 17.
60. http://www.businessweek.com:/magazine/content/02_24/b3787031.htm.
61. http://www.businessweek.com:/magazine/content/02_24/b3787031.htm.
62. Гуанмин жибао. 2002. 14 июня.
63. Там же.
64. http://english.peopledaily.com.cn/200206/22/eng20020622_98349.shtml.
65. Гуанмин жибао. 2002. 14 июня.
66. <http://news.enorth.com.cn/system/2002/08/20/20/000401078.shtml>.
67. The Economist. 2003. February 13.

**Подряд на землю в китайской деревне:
законодательные гарантии
и возможности его трансформации
(К вступлению в действие с 1 марта 2003 г.
"Закона КНР о земельном подряде в деревне")**

© 2003

Л. Волкова

На протяжении почти 55-летнего периода существования КНР правовому регулированию земельных отношений уделялось большее или меньшее внимание в зависимости от политических и экономических условий, складывавшихся в стране. "Закон о земельной реформе Китайской Народной Республики", принятый в июне 1950 г., закрепил ликвидацию помещичьего землевладения и передачу земли крестьянам в собственность. Этот закон был разработан на основе действовавших в районах, освобожденных до провозглашения КНР, "Основных положений земельного закона Китая", принятых Всекитайской земельной конференцией в 1947 г.

Последовавшие за осуществлением в масштабах всей страны земельной реформы коренные преобразования экономического строя деревни, а именно: создание групп взаимопомощи, сельскохозяйственных производственных кооперативов низшего и высшего типов, завершение процесса кооперирования, создание народных коммун и последующий их демонтаж — регламентировались партийно-правительственными документами. В последующем результаты этих преобразований были закреплены в различных редакциях Конституции КНР и поправках к ней (1978, 1982, 1988, 1999 гг.).

Собственность на землю в китайской деревне — согласно Конституции КНР — является общественной в двух ее формах: всенародной, т. е. государственной, и коллективной. Правом пользования земельными ресурсами сельскохозяйственного назначения обладают государственные хозяйства, коллективные хозяйственные организации крестьян и сами крестьяне. На различных этапах истории КНР реализация этого права на практике не была одинаковой.

После длительного перерыва законодательное регулирование земельных отношений получило воплощение в "Законе КНР об управлении землей", принятом в июне 1986 г. Закон преследовал цели улучшения использования земельных ресурсов, защиту системы социалистической собственности на землю, освоение и охрану земельных ресурсов, прежде всего обрабатываемых земель. В нем определялось, что на земле, находящейся в коллективной собственности, а также в собственности государства, используемой субъектами общенародной и коллективной собственности, коллективы или отдельные лица могут вести подрядное хозяйство, занимаясь земледелием, животноводством,

лесоводством и рыбозахватом. Подчеркивалось, что право хозяйствования на земле на основе подряда охраняется законом.

Более расширительное толкование права землепользования было дано в поправке к Конституции КНР, принятой в апреле 1988 г. Оно было вызвано развитием рыночных отношений в сельской экономике, во-первых, и стремлением руководства подготовить правовую основу для формирования более крупных хозяйств в деревне, во-вторых. До принятия поправки четвертый пункт 10-й статьи Конституции КНР формулировался следующим образом: "Никаким организациям или отдельным лицам не разрешается присваивать землю, покупать и продавать ее, сдавать в аренду, либо незаконно передавать в другой форме". Этот пункт в новой редакции был дополнен признанием возможности передавать право пользования землей в соответствии с законом¹.

Иными словами, крестьянам предоставлялось право передать весь подрядный участок или часть его в пользование другим крестьянам, кооперативам или различным хозяйственным объединениям. Принятие этой поправки содействовало облегчению и ускорению процесса формирования рынка пользования землей, а также создания более крупных хозяйств в деревне, что является одним из условий перехода сельского хозяйства от традиционных к современным формам организации.

В новой редакции "Закона об управлении землей (его переработанный и дополненный вариант был принят в августе 1998 г. и введен в действие с 1 января 1999 г.) более четко прописаны положения, касающиеся права собственности на землю и права пользования ею. Закон определяет, что земля, являющаяся коллективной собственностью крестьян, считается коллективной собственностью крестьян *данной деревни* (курсив наш. — Л.В.), она находится в хозяйственном ведении и под управлением коллективной хозяйственной организации крестьян *данной деревни* или комитета жителей деревни. Участки земли, которые по отдельности уже являются коллективной собственностью крестьян двух или более коллективных хозяйственных организаций *данной деревни*, находятся в хозяйственном ведении и под управлением каждой коллективной хозяйственной организации *данной деревни* или групп жителей деревни. Земля, относящаяся к коллективной собственности крестьян волости (поселка) находится в хозяйственном ведении и под управлением сельской коллективной хозяйственной организации волости или поселка. Право пользования землей на основе подряда передается крестьянской семье. Срок хозяйствования на земле по подряду законом определен в 30 лет. Законодательно закреплено разделение права собственности на землю и права пользования ею. Субъект права собственности, обладающий правом распоряжения землей, определен многовариантно, но на практике чаще всего в качестве собственника земли выступает или коллективная хозяйственная организация крестьян деревни или комитет ее жителей.

Новым этапом на пути расширения правового поля в регулировании земельных отношений является "Закон КНР о земельном подряде в деревне", принятый в августе 2002 г. ПК ВСНП и вступивший в действие с 1 марта 2003 г.² В законе определено, что полномочиями предоставления крестьянам земли в подряд обладает субъект права собственности на нее. Определение его дословно совпадает с тем, которое дано в последнем варианте "Закона об управлении землей", приведенном выше. Цель принятия закона о земельном подряде — стабилизировать и совершенствовать подрядные отношения в деревне, обеспечить законные права и интересы крестьян в сфере землепользования. Передаче в пользование крестьянам на основе семейного подряда подлежат пахотные земли, лесные угодья и пастбища, находящиеся в коллективной собственности, а также земли, являющиеся государственной собственностью

стью, но переданные в соответствии с законом в пользование коллективам крестьян. Стороной, получающей участок пахотной земли по семейному подряду, является крестьянский двор.

На целинные земли, горные склоны, холмы, канавы, отмели и другие подобные земли метод передачи земли по семейному подряду не распространяется. Отличие состоит в том, что подряд на земли этой категории передается желающим крестьянам данной деревни или людям со стороны¹ путем проведения открытых обсуждений, торгов и аукционов за определенную плату, которая устанавливается на договорной или конкурсной основе, тогда как пахотные земли в семейный подряд передаются бесплатно. В последнем случае крестьянин оплачивает только стоимость подрядного удостоверения, которое ему выдается местным народным правительством.

Характер собственности на землю, переданную крестьянам в пользование на основе любой формы подряда, не изменяется. Эту землю не разрешается продавать и покупать.

Законом определены права и обязанности стороны, предоставляющей землю в подряд, и крестьянского двора, который выступает стороной, ее получающей. Первая обладает правом передавать в подряд землю, контролировать использование земли стороной, получившей подряд, по назначению, определенному в договоре, а также следить за сохранностью земельного фонда, пресекать действия по нанесению ущерба подрядной земле и окружающей среде; а также имеет другие права, оговоренные в законодательстве и административных постановлениях.

В обязанности стороны, предоставившей земельный подряд, входят: охрана права на ведение хозяйства на полученном участке земли, невмешательство в хозяйственную деятельность стороны, получившей подряд, предоставление производственных, технических и информационных услуг, предусмотренных подрядным договором, проводить капитальное строительство на землях данной коллективной хозяйственной организации в соответствии с генеральным планом землепользования, а также другие обязанности, определенные в законодательных и административных актах. Особо отмечено, что стороне, предоставившей подряд, не следует в одностороннем порядке вносить изменения в договор или расторгать его, не имея на это законных оснований.

Крестьянский двор, получивший земельный подряд, имеет право пользования этой землей, получения прибыли и передачи права хозяйствования на этой земле, а также имеет право ведения производственной деятельности и распоряжения ее результатами. Если полученная в подряд земля отторгается на законных основаниях, крестьянин по закону имеет право на получение соответствующей компенсации. В обязанности этой стороны входят: использование земли по назначению, т. е. для ведения сельскохозяйственного производства, поддержание ее плодородия и рациональное использование, недопустимость причинения любого ущерба, а также другие обязанности, предусмотренные законодательством и административными постановлениями.

Передачу земли в подряд проводит рабочая группа, избираемая на общем собрании членов коллективной хозяйственной организации деревни. Она готовит проект плана распределения земли в подряда между крестьянскими дворами, который обсуждается и утверждается собранием жителей деревни, являющихся членами данной коллективной хозяйственной организации. Сле-

---

1 В случае если подряд передается людям со стороны, необходимо согласие более 2/3 состава собрания жителей деревни или более 2/3 членов собрания их представителей, необходимо также известить об этом и получить утверждение народного правительства волости (поселка).

дующим этапом является подписание подрядного договора двумя сторонами, одна из которых — коллективная хозяйственная организация или комитет жителей деревни, другая — крестьянская семья. В договоре содержатся следующие позиции. 1. Наименование сторон, заключающих договор: фамилия ответственного лица стороны, предоставляющей землю в подряд, и фамилия члена крестьянской семьи, которая получает подрядный участок, место их жительства. 2. Местоположение, площадь и степень плодородия (качество) подрядной земли. 3. Срок подряда, дата начала и окончания действия договора. 4. Целевое назначение данного участка земли. 5. Права и обязанности сторон. 6. Ответственность за нарушение договора.

Законом определен срок подряда на пахотные земли в 30 лет, на пастбища — от 30 до 50 лет, на участки под лесом — от 30 до 70 лет, а под особыми лесными породами этот срок может быть более длительным. После вступления в действие договора сторона, получившая землю в подряд, обладает правом ведения хозяйства на ней. Сторона, предоставившая подряд, не может его изменить по своему усмотрению или расторгнуть, в том числе и в случае разделения или слияния коллективной хозяйственной организации. Работникам государственных органов не следует, используя административный ресурс, вносить изменения в подрядный договор или расторгать его.

Особое внимание в “Законе о земельном подряде в деревне” уделено охране права крестьян на ведение хозяйства на полученной в подряд земле. Можно считать, что это право впервые получило законодательную гарантию после более чем двадцатилетнего существования семейного подряда. Охрана права хозяйствования на земле становится особенно актуальной с развитием рыночных отношений в деревне, формированием рынка прав пользования землей и увеличением объема сделок на этом рынке. В китайской печати неоднократно отмечались факты нарушения прав непосредственных производителей — крестьян в процессе перезаключения подрядных договоров на 30-летний срок в конце 90-х годов. Слабая защищенность интересов крестьян перед произволом властей различных уровней вызвала необходимость более четкой законодательной проработки возможностей изменения условий договора, касающихся подряда на землю. Закон констатирует, что в течение установленного срока подряда сторона, предоставившая подряд на земельный участок, неправомочна его отбирать. В случае же если в течение срока действия подрядного договора вся семья, имеющая подряд на землю, переселяется в поселок, то по ее желанию право хозяйствования на этой земле либо остается за ней, либо ей разрешается, руководствуясь законом, передать это право другому. В случае переселения семьи в город и изменения статуса двора, занимающегося сельским хозяйством, участок пахотной площади или пастбища следует вернуть стороне, предоставившей подряд. Если были осуществлены капиталовложения в землю, повысившие ее плодородие, семья, передающая подряд может рассчитывать на получение компенсации за вложенные средства.

В законе, в отличие от практики, действовавшей при заключении подрядных договоров в 80-е–90-е годы, считается неправомерным так называемое упорядочение участков подрядной земли, т. е. пересмотр и корректировка их размеров главным образом при изменении состава семьи. Если возникает необходимость, в случае стихийных бедствий или других неординарных обстоятельств, провести такое упорядочение, на него нужно получить согласие более 2/3 членов собрания жителей деревни или собрания их представителей. Кроме того, необходимо поставить в известность о предполагаемых изменениях народное правительство волости (поселка) и получить утверждение сельскохозяйственного отдела правительства уездного уровня.

Законом предусмотрены три возможных варианта проведения упорядочения подрядных участков в том числе в связи с увеличением населения. Первый — в том случае, если коллективная хозяйственная организация имеет какое-то количество земли в качестве резерва. Сохранение определенной пахотной площади в распоряжении комитета жителей деревни или ее коллективной хозяйственной организации при распределении пахотного клина между крестьянскими семьями по подряду было довольно широко распространено. В рассматриваемом законе определено, что если такой резервный фонд земли существовал до вступления в действие этого закона, т. е. до 1 марта 2003 г., он может быть сохранен, но площадь его не должна превышать 5% пахотной площади данной деревни. Если такого резерва земли не было, создавать его не следует. Второй вариант — пахотную площадь удалось увеличить в результате освоения целины на законных основаниях. Третий — сторона, получившая подряд (это может быть одна или несколько семей) по собственному желанию отказывается от подрядного участка. В этом, последнем, случае необходимо не менее чем за полгода известить об этом в письменной форме сторону, предоставившую подряд. Участок земли, от обработки которого отказались, может быть использован для увеличения площади, полученной в подряд другими крестьянами, имеющими на это те или иные основания.

Незначительные по размерам подрядные участки не могут обеспечить повышение рентабельности хозяйства и тем самым тормозят увеличение капиталовложений в отрасль, устойчивый рост производства и доходов крестьян. Необходимость расширения размеров хозяйственных единиц на земле была признана китайским руководством вскоре после перехода на систему семейного ведения хозяйства на основе подряда на землю. Предлагались и внедрялись в практику различные формы укрупнения хозяйств.

Основные надежды на повышение эффективности и объемов производства в сельском хозяйстве связывались с такими организационными формами, как хозяйственные объединения, укрупнение семейного хозяйствования с привлечением наемных работников при расширении обрабатываемой площади или на основе передачи права хозяйствования на подрядной земле одних крестьянских семей другим или на правах аренды. Однако эти формы ведения хозяйства не получили широкого распространения в целом по стране, хотя в отдельных провинциях передача подряда практиковалась довольно широко. По данным обследования 96 деревень шести провинций в 1998 г., доля крестьянских дворов, передавших другим право пользования подрядным участком, составляла 9,8% их общего числа, доля земли, вовлеченной в оборот, — 5,2% пахотной площади³. В трех из обследованных шести провинций — в пров. Чжэцзян, Хунань и Шэньси — до 30% дворов являлись участниками рынка прав пользования подрядной землей и примерно 15% их общей пахотной площади было вовлечено в этот рынок. Размеры земельных участков, передаваемых одними крестьянами другим были весьма незначительными: в 1998 г. в среднем — 2,67 му.

Переход к рыночной системе хозяйства в преломлении к сельскому хозяйству поставил проблему адаптации абсолютно преобладающего в деревне мелкого крестьянского производства к рынку, а более точно — к крупному рынку. Поиск адекватных новым условиям форм хозяйствования с учетом прошлого опыта и желания абсолютного большинства крестьян сохранить семейную подрядную систему привели к формированию новых, а частично и реанимации старых форм хозяйственных связей в деревне, объединяемых понятием “интеграция крестьянских хозяйств” с другими формами и типами хозяйств (чаньехуа). Это могут быть хозяйственные отношения двора с торговыми организациями, фирмами, снабженческо-сбытовыми кооперативами, пред-

приятными, перерабатывающими сельскохозяйственное сырье. В китайских официальных документах ведение хозяйства на основе такой интеграции оценивается как эффективный путь становления масштабного хозяйствования на базе семейного подряда, осуществления модернизации сельского хозяйства и стратегического урегулирования его структуры⁴.

В конце 2000 г. численность различных хозяйственных организаций, работающих в сельском хозяйстве на основе интеграции составила 66 тыс. Из них 41% был представлен объединениями "головное предприятие + крестьянский двор", 33% приходилось на посреднические торговые организации, 12% — на специализированные рынки, сотрудничавшие с крестьянами, 14% — на крупные специализированные дворы⁵.

Создание возможностей для более масштабного хозяйствования при передаче подряда, вовлечение права пользования землей в рыночный оборот, использование ее в хозяйственных структурах на основе интеграционных связей двора с промышленными предприятиями, компаниями или фирмами происходит более успешно в тех районах, где имеются возможности трудоустройства крестьян вне сферы земледелия. В наиболее развитом в экономическом отношении Восточном регионе страны в 2000 г. находилась почти половина (48,5%) всех хозяйственных структур, в той или иной форме сотрудничающих с крестьянскими дворами, в Центральном регионе — 31,8%, а в Западном — 19,7%⁶.

В "Уведомлении ЦК КПК о налаживании работы по передаче крестьянскими дворами права пользования подрядной землей", принятом в конце 2002 г., было признано, что в подавляющем большинстве деревень страны не подготовлены условия для обращения земли и формирования крупных хозяйств⁷. Необходимой предпосылкой для этого является развитие экономики деревни, прежде всего второй и третьей сфер общественного производства, что смогло бы обеспечить занятость и определенный уровень доходов крестьян, оставляющих земледелие и передающих другим право пользования подрядным участком. В настоящее же время, как явствует из законодательных и директивных документов, сообщений китайской печати, наиболее насущным представляется гарантирование крестьянам права на ведение хозяйства на подрядной земле, защита их интересов при использовании различных форм передачи права пользования подрядным участком, прежде всего соблюдение принципа добровольности.

В разделе "Закона КНР о земельном подряде в деревне", посвященном вопросам передачи права хозяйствования на подрядной земле, утверждены механизм, условия и формы такой передачи. Могут быть использованы такие формы, как передача подряда, аренда, обмен подрядными участками и некоторые другие.

Сторона, имеющая подряд на земельный участок, в соответствии с законом обладает правом решать передавать или нет право вести хозяйство на подрядной земле, а также способы передачи этого права. В течение срока действия подрядного договора сторона, предоставившая землю в подряд, не может в одностороннем порядке его расторгнуть. Признаны незаконными различные способы принудительного по отношению к крестьянину изменения права ведения хозяйства на подрядной земле или принуждение к отказу от земли. В этой связи закон требует прекращения довольно распространенной в 80–90-е годы практики разделения подрядного участка на поле-паек и поле ответственности, когда местные власти, оставляя за крестьянином подряд на поле-паек, объявляли торги и передавали поле ответственности другому субъекту уже не в качестве подрядного участка, т. е. бесплатно, а за определенную цену. Считается также недопустимым лишать семью подрядного участка за долги. Все расходы, связанные с передачей подряда, арендой, следует согласованно опре-

делять сторонами. Доходы от передачи подряда должны поступать стороне, его передающей, никаким организациям или отдельным лицам не разрешается их присвоение.

Вовлечение в рыночный оборот прав пользования подрядными участками помимо положительных сторон, главное — возможность укрупнения хозяйств, иногда приводит к вынужденной утрате крестьянами земельных наделов. Один из разделов рассматриваемого закона — “Разрешение спорных вопросов и юридическая ответственность” — предусматривает возможность обращения крестьян в комитет жителей деревни, народное правительство волости (поселка); в случае неудовлетворенности решением земельных вопросов законодательно закреплено право обращаться в различные инстанции Народного суда. Любые организации или отдельные лица, ущемляющие право хозяйствования на подрядной земле, должны нести за это гражданскую ответственность. До публикации рассматриваемого закона крестьяне уже обращались в суды различных инстанций, в конце 90-х годов, как сообщалось в китайской печати, ежегодно рассматривалось до 10 млн. спорных дел по поводу выделения и определения размеров подрядных участков⁸.

В разделе о юридической ответственности законом также предусмотрены определенные санкции по отношению к крестьянским семьям, допустившим причинение ущерба земле, и в случае если полученная по подряду земля используется не по назначению, например под строения.

В целом, введенный в действие с 1 марта 2003 г. “Закон КНР о земельном подряде в деревне” сможет внести определенный вклад в стабилизацию и совершенствование подрядных отношений, послужит стимулом для увеличения капиталовложений крестьянами в земледелие, явится правовой защитой их интересов при расширении рынка прав пользования земельными участками, полученными по подряду. С этим последним связываются надежды на укрупнение хозяйств в деревне и в перспективе — на постепенный перевод аграрного сектора на путь индустриального развития.

1. Жэньминь жибао. 1998. 13 апреля.
2. Цзинцзи жибао. 2002. 30 августа.
3. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2002. № 2. С. 19.
4. Чжунго цзинцзи шибао. 2001. 13 февраля.
5. Чжунго нунцунь цзинцзи. 2002. № 10. С. 5.
6. Там же, 2002. № . С. 7.
7. Нунминь жибао. 2002. 5 ноября.
8. Чжунго нунцунь гуаньча. 2000. № 2. С. 5.

Некоторые исторические аналогии в процессе адаптации Индии и Китая к западной модели модернизации

© 2003

Митя Сайе

В процессе исторической адаптации Индии и Китая к западной модели модернизации можно обнаружить много сходного, несмотря на значительные различия в их историческом и культурном наследии. Сопоставление общественной реакции в обеих странах на вызовы Запада показывает, что сходство это не ограничивается каким-либо временным периодом и прослеживается с самых первых контактов Индии и Китая с Западом. Если проанализировать проявления этого сходства, можно выделить определенные, общие для обеих стран модели поведения в период их борьбы за независимость. Некоторые параллели обнаруживаются и на более позднем этапе, в ходе развития Индии и Китая после завоевания ими независимости. Правда, эти события не всегда происходили одновременно. Поскольку Индия вступила в полномасштабный контакт с западным капиталом примерно на полстолетия раньше Китая, то и процесс адаптации стартовал там намного раньше. С началом первой мировой войны отклики в Индии и Китае на вызовы Запада стали все более сближаться по времени, и с этого момента реакция на них в обеих странах стала практически синхронной, что привело их к политической независимости и вылилось в борьбу за полную экономическую самостоятельность и соответствующее место в современном мире. В этом процессе, который продолжается до сих пор, но уже в контексте глобализации, Китай в конце концов вышел вперед и приступил к осуществлению программы экономических реформ и расширения связей с внешним миром приблизительно на десять лет раньше Индии.

Когда первые европейские путешественники и миссионеры начали осваивать новые маршруты, связавшие Европу с Индией и Китаем, их первоначальные контакты с населением этих азиатских стран-гигантов были отмечены любопытством с обеих сторон. Однако очарование от соприкосновения с новыми культурами отходило на второй план, уступая место главному интересу первопроходцев и их последователей, который заключался в открытии новых путей для расширения европейской торговли. Для Европы поиск новых рынков вскоре стал доминирующим по сравнению с другими целями, более близкими

культуре. И хотя такие цели тоже существовали, жителям Индии и Китая было трудно распознать их на фоне агрессивного поведения торговцев. Это проявилось особенно наглядно, когда с развитием капитализма Англия стала ведущей колониальной державой сначала в Индии, а позднее в Китае. Ее экономическое влияние и проникновение на внутренние рынки обеих стран стало представлять угрозу основам их традиционных обществ.

Начнем с рассмотрения ситуации в Индии и Китае в момент проникновения европейцев в эти страны. Поскольку обе они были носителями древней уникальной культуры, их объединяла вера в свое особое, не имеющее аналогов положение в мире. Как писал в XI в. арабский философ аль-Бируни¹, индусы полагали, что на свете не было стран, подобных их стране, не было таких правителей, как у них, не было похожих религий, и ни одна наука в мире не могла сравниться с их наукой. Кроме того, они считали всех иностранцев нечестивыми. Однако такие взгляды проявлялись как составная часть религиозных верований, атрибут социальных каст и политических элит, что редко приводило к каким-либо совместным действиям против иностранцев или затрудняло их. У китайцев с давних времен были схожие идеи о своей стране как о "срединном царстве" и центре цивилизации, окруженном варварами. Их восприятие мира, в конечном счете, допускало отношения с иностранными правителями, но только при условии, что те принимали конфуцианские ценности и традиции общественного устройства. К началу европейской колониальной экспансии обе страны являлись древними, гигантскими и закоренелыми империями, вступившими в период заката, и находились под властью иностранных династий. В Дели при дворе говорили на персидском языке, который, будучи языком образованной элиты, считался официальным в Индии. У маньчжуров во времена господства в Китае был особый статус и множество привилегий. Их язык широко использовался при дворе и наравне с китайским был официальным государственным языком. Империя Моголов в Индии стала обнаруживать признаки своего заката в первой половине XVIII столетия. Аналогичный процесс во второй половине XVIII века можно было наблюдать и в маньчжурском Китае, хотя еще на протяжении нескольких десятилетий обе страны сохраняли атрибуты величия. Упадок в Индии наступил раньше и прогрессировал быстрее: ее правители-моголы обращались с империей как с мусульманским государством и оказались неспособными к поиску новых решений. К середине столетия империя стала распадаться на части, из которых в ситуации общей неразберихи возникли отдельные княжества.

Политическая неустойчивость в Индии фактически создала условия для европейского вмешательства. Лучше других ситуацией воспользовались англичане, которые урвали самый большой кусок. Как ни странно, основной проблемой для них стало отражение притязаний французов, которые тоже пытались бороться за свой кусок. Позже наступил черед Китая, где англичане снова проявляли наибольшую активность. Китай в то время все еще оставался (по крайней мере, так казалось со стороны) относительно сплоченным и успешно сопротивлялся политическому вторжению, результатом которого в конечном итоге стал политический тупик. Иностранное вмешательство, однако, оказало воздействие на экономику страны, особенно после того, как основной статьей британского экспорта в Китай стал опиум. Наибольший интерес для нас в связи с этим представляет реакция со стороны обоих традиционных обществ, каждое из которых обладало своей собственной высокоразвитой культурой и являлось уникальной цивилизацией, на те опасности и вызовы, которые создавал для их экономики западный колониализм.

Реакция в обеих странах на надвигающиеся вызовы в основном была консервативной. Странники традиций пытались ограничивать иностранное

влияние, подтверждая свою приверженность традиционным ценностям, но им не хватало необходимых для этого решимости и силы. Единственным следствием их действий стало дальнейшее углубление социального кризиса. Но ситуация в обеих странах не была одинаковой: в Индии англичане установили свое правление, в Китае же их присутствие было ограниченным, и они осуществляли давление извне. Однако реакция представителей традиционной элиты — выразителей общественного мнения в обеих странах — была весьма схожей. Их не очень волновали навязываемые иностранными коммерсантами невыгодные условия торговли, которые постепенно вели к разрушению внутренних традиционных отраслей экономики. Но при этом они рьяно противились всем новшествам вроде железных дорог или телеграфа, в которых видели опасность разрушения своего традиционного жизненного уклада. Исключением из этого правила были “опиумные войны”, в которых у китайской стороны имелись сильные аргументы. Однако отсутствие широты кругозора и последовательной политики не позволило ей отстоять свои позиции. Тем не менее, первая попытка модернизировать Китай после “опиумных войн” потерпела неудачу главным образом по причине отсутствия реальной стратегии применения новых зарубежных технологий и сохранения приверженности официальной консервативной идеологии и устаревшим традиционным институтам.

Кульминация традиционного противостояния иностранному присутствию и в Индии, и в Китае имела множество сходных черт. Оно вылилось в стихийные выступления против иностранцев. В обеих странах плохо организованные попытки нанести поражение зарубежным силам были пресечены. В Индии такие выступления начались с восстания индийской армии в мае 1857 г. В ней служило значительное число браминов², которые особенно чувствительно относились к стремительной вестернизации, происходившей на протяжении последних десяти лет при честолюбивом генерал-губернаторе маркизе Дальхузи, и к его политике аннексии немногих оставшихся независимыми индийских штатов. Брамины составляли наиболее консервативную и религиозную часть традиционного общества и играли важную роль как лидеры старой оппозиции. Мятеж был спровоцирован поставкой смазанных патронов для новых винтовок “Энфилд”. В качестве патронной смазки был использован говяжий и свиной жир, т.е. жир тех животных, одно из которых священно для индусов, а другое — считается “грязным” у мусульман. Несмотря на признание ошибки и принятое англичанами решение изъять патроны, этот эпизод явился последней каплей, переполнившей чашу терпения оскорбленных верующих, в результате чего и вспыхнул мятеж. Он продолжался четырнадцать месяцев, и прежде, чем прибыло подкрепление, выяснилось, что англичане плохо подготовлены, а противник превосходит их численностью. Однако и у мятежников были свои существенные слабости, поскольку их выступление стало всего лишь вспышкой на почве религиозных чувств и не имело четкой политической направленности. Многие районы Индии, например, все Деканское плоскогорье³, а также крестьянское население страны оставались безучастными, а сикхи⁴ из-за своего недоверия к мусульманам фактически сохранили лояльность англичанам. Восстанию не хватало четкой цели. Его организаторы стремились к возрождению чего-то вроде исчезнувшего царства Моголов и Маратхов. Не было никаких намеков на осуществление шагов по объединению Индии, а новый вестернизированный класс оказался на стороне англичан⁵. Все лидеры той поры, принадлежавшие к элите традиционного общества, оказались неспособными к принятию исторических решений. Таким образом, это выступление стало последним серьезным протестом традиционных сил против наступления современной эпохи.

Схожим, хотя и более поздним по времени, было восстание ихэтуаней, или "боксерское" восстание в Китае. "Ихэтуани" — движение религиозных фанатиков во главе с наиболее консервативными и непримиримыми традиционалистами маньчжурского двора — неожиданно оказалось в центре кампании против иностранного влияния. После подавления движения реформаторов в 1898 г. реакционные представители маньчжурской династии получили покровительство вдовствующей императрицы. Не замечая реалий международной политики, они после возвращения на высокие посты встали на сторону мощного сопротивления иностранным силам. Сильные антииностранные настроения господствовали не только при дворе, они были характерны для других сторонников традиционного порядка и распространены в народе. Ядро традиционного общества — шэньши — было настроено против всего иностранного особенно резко, ибо воспринимало христианство как веру, разрушающую общественные устои и вводящую людей в заблуждение. Неспособность новообращенных проявить надлежащее уважение к божествам, поклоняться Конфуцию и предкам, а также их неучастие в духовных празднествах очень раздражали шэньши. В этой ситуации неспособный сопротивляться иностранному вмешательству маньчжурский двор поддержал движение ихэтуаней. В мае 1900 г. их призвали в Пекин, где стремительно рос интерес к опыту их борьбы. Вскоре к ихэтуаням присоединилась половина регулярных правительственных частей, и различие между двумя армиями фактически исчезло. 21 июня двор объявил войну зарубежным державам, которая началась в атмосфере эмоционального подъема с достаточно символического и жестокого нападения на иностранные дипломатические миссии в Пекине. Руководители южнокитайских провинций в нарушение указаний продолжали сотрудничать с иностранцами. Иностранные державы расценили данный инцидент как мятеж, возложили ответственность за безопасность иностранных дипломатических миссий на маньчжурское правительство и, чтобы ослабить осаду, сформировали международные силы. Оглядываясь назад, можно констатировать, что восстание ихэтуаней было вспышкой эмоций и гнева против иностранного империализма с присутствием этому движению определенными элементами патриотизма⁶. Основанные на религиозных верованиях и предрассудках, методы руководства этим народным движением обнаружили полную неспособность лидеров-традиционалистов к действиям в новой обстановке. Движение потерпело ту же неудачу, что и традиционные силы в Индии на полстолетия ранее.

В результате неудавшихся попыток повернуть время вспять лидеры-традиционалисты утратили доверие и остались на исторической сцене лишь в качестве декорации, не претендуя на существенную роль в последующих событиях. Будущее принадлежало новому, получившему образование на Западе поколению интеллектуалов, которые стремились к национальному спасению. Присутствию англичан можно было сопротивляться, его можно было игнорировать, но избежать его оказалось невозможно, и оно повлияло даже на восприятие традиций внутри страны⁷. Английский язык становится в Индии новым языком, объединившим разные социальные группы, живущие изолированно друг от друга. Он стал для них новым языком образования, науки и официального общения, и именно на основе английского языка начал формироваться новый средний класс, свободный от традиционного разделения. Представители этого класса были отнюдь не в восторге от действий Запада, но в то же время их вдохновляли достижения западной науки и возможность расширить собственные представления о социальной действительности. Поэтому со временем именно они стали национальными лидерами. Индийский национализм фактически был порождением новых материальных условий и новых общественных сил, возникших в индийском обществе в результате британского завоевания⁸.

Очевидно, что именно новое общественное восприятие сложившейся ситуации порождало новые надежды у этой группы людей, число которых в последующем поколении стало стремительно возрастать. Новые интеллектуалы, получившие английское образование, нашли возможность выражения своих политических взглядов благодаря либеральным мерам, предложенным лордом Рипоном, и противоречию, порожденному законопроектом Илберта. Эти меры поставили индийских судей в равное положение с европейскими и впоследствии привели к тому, что суд над европейцами мог вершить индийский судья без участия присяжных. Среди европейской общины в Калькутте это вызвало вспышку гнева и ярости, смешанных с расизмом, и правительству пришлось пойти на компромисс, который не удовлетворил ни одну из сторон. Взволнованный ходом событий и воодушевленный ростом национализма новый средний класс Индии создал свою первую политическую организацию — Индийский национальный конгресс, первый съезд которого состоялся в Бомбее в 1885 г.

После разочарования в лидерах-традиционалистах ситуация в Китае стала также восприниматься несколько по-иному. Поражение восстания ихэтуаней привело к тому, что все большее число людей стали связывать надежды с революцией как единственной альтернативой спасения страны. Выступления доктора Сунь Ятсена с призывами к насильственному свержению маньчжурской династии, к которым респектабельные китайцы ранее относились как к незаконным и не заслуживающим серьезного внимания, теперь привлекали все большее число сочувствующих и сторонников. В этой связи и сам образ доктора Сунь Ятсена стал восприниматься по-иному: из вероломного бунтовщика он превратился в благородного патриота-революционера. Результатом этого стало ускорение революционного процесса, которое приблизило окончательный крах маньчжурской династии в 1911 г.⁹ Таким образом, революция доктора Сунь Ятсена символизировала еще одну важную попытку модернизировать Китай на основе идей республиканской демократии, но реализации его концепций парламентаризма помешали военная интервенция и коррупция¹⁰.

Первая мировая война привела к новому всплеску национального самосознания в обеих странах. К разочарованию, вызванному поведением в войне европейских государств, добавилось понимание того, что страны эти — не единственные крупные державы с претензией на мировое господство, поскольку появились новые мощные силы, такие как США и Япония, которые вступили в борьбу за свое место в мировой политике. Пример Японии как модернизированной азиатской страны стал особенно привлекательным для националистически настроенных интеллектуалов в обоих крупных государствах Азии, способствуя усилению в них новых национальных чувств. Обладавшее более широким международным кругозором, динамичное меньшинство, которое стало новостью у руля движения за национальное освобождение в Индии и (в несколько иной ситуации) в Китае, более четко представляло и глубже осознавало как достижения международного капитализма, так и ущерб, наносимый им экономике обеих стран, а также те унижения, которым он их подвергал. В этих условиях сообщение о революции в России стало новым откровением и быстро нашло понимание. В Индии более сильный отклик, чем идеи марксистской революции, имело воззвание от имени угнетенных наций, в то время как в Китае гораздо более глубоким оказалось воздействие всего спектра социальных перемен, происходивших в России. Очередной инициативой, привлечшей широкое внимание по окончании первой мировой войны, стала “Программа из четырнадцати пунктов” президента США В. Вильсона, содержащая декларацию о самоопределении наций. Само собой разумеется, что этот документ сразу же породил в Индии и Китае большие надежды, на смену которым вскоре пришло горькое осознание того, что международная практика порой весьма далека от

торжественных деклараций. Именно на этой концептуальной базе и вызревали заключительные этапы движения за национальное спасение в обеих странах.

Промежуток между первой и второй мировыми войнами был отмечен не только беспрецедентным потоком идей, но и ускорявшейся чередой событий, в ходе которых все явственнее проглядывалась радикализация предлагаемых социальных концепций. В Индии новый прообраз политического устройства воссоздавался в ходе реформирования государственных институтов, которое в итоге открыло стране путь к самоуправлению и политической независимости. Начало этому процессу было положено обнародованием заявления британского правительства о послевоенной политике в Индии, предусматривавшего ее самоуправление, которым прежде обладали только такие доминионы, как Канада и Австралия. Правительство провозгласило план постепенного введения такого самоуправления в течение последующих тридцати лет. Одновременно оно вводило практику делегирования определенных полномочий на уровень провинций и предоставления большей свободы местным законодателям, подготавливая, таким образом, почву для федерализма. Эти меры намного превосходили те ожидания, которые были у любого индийца накануне 1914 г., однако в результате серьезного послевоенного переосмысления происходивших событий они стали оцениваться многими индийскими гражданами значительно скромнее. Большие надежды породили в послевоенной Индии чувства тревоги и обиды, которые вскоре вылились в антиправительственное движение. Поскольку сильное напряжение испытывали обе стороны, правительство, пытаясь предотвратить рост этого движения, на деле подогревало его. Инцидент в Джаланвала Багх и жестокие карательные меры правительства заставили целый ряд известных деятелей умеренной ориентации пересмотреть свои убеждения, в результате чего в центре событий оказался новый лидер — Мохандас Карамчанд Ганди¹¹. Он возглавил народное движение и придал ему новую духовную силу. Он верил в неразрывную связь между политикой и нравственностью и проповедовал принцип ненасильственного сопротивления. В августе 1920 г. Ганди получил полную поддержку Конгресса и возглавил движение отказа от сотрудничества с правительством. Это движение, получившее поддержку как индусов, так и мусульман, приобрело уникальный всеиндийский характер и, в конечном итоге, привело Индию к независимости гораздо раньше, чем предусматривали ее колониальные правители.

В Китае окончание первой мировой войны ознаменовалось революцией интеллигенции — “Движением 4 мая”, которое поколебало философские основы китайского общества. Это означало отказ от традиционного китаецентристского взгляда на мир и предполагало осуществление масштабных усилий, направленных на приобщение к достижениям Запада в сфере науки и образования, которое сопровождалось нападками на традиционные мораль и общественный порядок¹². Этот разрыв со старыми традициями в Китае, более глубокий, чем вестернизация в Индии, создавал возможность для разработки более радикальных концепций социальных перемен. В то время на свет появилось множество новых концепций, но в итоге все они развивались по двум основным направлениям: эволюционному, которое олицетворял Ху Ши, и революционному, которое представлял Чэнь Дусю. Впоследствии оба направления обрели форму политических программ: первое легло в основу программы партии Гоминьдан, а второе — в основу программы Коммунистической партии Китая (КПК). Антагонизм двух концепций вылился в открытый конфликт и ожесточенную борьбу за превосходство, переросшие в длительную гражданскую войну. Вследствие ускоренной радикализации идей преобладающей в тот период стала наиболее радикальная из них — идея социальной революции, которая в итоге обеспечила политическую и военную победу КПК в материковом Китае.

После освобождения проблема сельского населения в Индии и Китае решалась неодинаково. В Китае были осуществлены радикальные реформы, и социальные проблемы сельского населения были решены в самом начале. И лишь позже, когда слишком большой упор был сделан на программу коллективизации, сельская экономика понесла урон. В Индии социальная структура первоначально оставалась нетронутой, поэтому старые социальные проблемы сохранялись на протяжении многих лет, пока в результате “зеленой революции” не получил своего окончательного решения продовольственный вопрос и не были сняты некоторые социальные проблемы сельского населения. Несмотря на указанные различия, обе страны в принципе взяли на вооружение социалистическую модель промышленного развития. Общим для них стала поддержка правительством быстрого роста крупных государственных предприятий, в основном в сфере инфраструктуры и в тяжелой промышленности, а также концентрация больших капитальных средств, полученных главным образом из сельскохозяйственного сектора за счет занижения цен на его продукцию, которые инвестировались затем в крупные проекты. Эта экономическая реконструкция проходила в условиях проведения правительством жесткой политики протекционизма, которая сводила к минимуму влияние мирового рынка и внешней торговли. Принятие социалистической модели развития, тем не менее, фактически создало условия для дальнейшей адаптации к западным стандартам жизни, поскольку социалистическая модель первоначально была продуктом западных традиций.

В историческом плане модель социалистического индустриального развития стала обнаруживать признаки снижения эффективности в обеих странах после создания в них базовой промышленной структуры. Деградация этой модели и потеря конкурентоспособности по отношению к западной экономике вызывали серьезное беспокойство, поскольку создавали внутреннюю политическую напряженность и провоцировали беспорядки — особенно в Китае, где социалистическая модель применялась в более полном объеме. Недостатки и провалы в функционировании этой модели всегда порождали политические дискуссии и борьбу в целях поиска более приемлемых решений. При этом эксперименты по усовершенствованию модели или методов ее применения часто приводили к еще более разрушительным результатам по сравнению с предыдущим вариантом. Поскольку модель была практически исчерпана, активизировался поиск альтернатив. Результатом этих поисков стал целый ряд реформ, которые изменили самое содержание политики развития в обеих странах, причем вновь почти в одинаковом направлении.

Процесс осуществления реформ и расширения внешнеэкономических связей начался в Китае в 1979 г. В Индии он стартовал примерно десятью годами позднее. Это — последний этап модернизации хозяйственной структуры и адаптации ее к мировому экономическому механизму с целью превращения обеих стран в первой половине XXI столетия в эффективные современные экономические системы. Открытость национальной экономики по отношению к глобальной обеспечивает более широкие возможности для участия в обмене самыми передовыми технологиями, использование преимуществ, связанных с присутствием на мировом рынке, рост конкурентоспособности местных предприятий и изменение структуры национальной экономики для достижения полной экономической самостоятельности и соответствующего положения в современном мире. Этот процесс создает условия для беспрецедентно быстрого экономического роста Китая и Индии, одновременно порождая новые очаги напряженности, которые в обеих странах также характеризуются значительным сходством. Экономическая и социальная напряженность, возникшая в самом начале осуществления реформ, привела к смещению в Китае проводника

этой политики Чжао Цзяня и к гибели основного инициатора нового экономического курса Индии Раджива Ганди. Временные беспорядки не смогли, однако, остановить проведение этой новой политики и после короткой паузы реализация ее в обеих странах продолжалась еще более энергично.

Существуют и другие аналогии, возникшие в результате ускоренного роста экономики обеих стран. Например, увеличение различий между успешными и менее успешными регионами или схожесть роли Шанхая и Бомбея — соответственно в Китае и в Индии. Однако между обеими странами все же сохраняются большие различия: Китай расширяет систему специальных экономических зон и в состоянии привлечь намного больше иностранного капитала, чем Индия, которая обладает большим потенциалом в области информационных и компьютерных технологий. Китай является более сильным в организационном отношении и в области мобилизации ресурсов, в то время как у Индии более богатый опыт в плане функционирования демократических институтов. У обеих стран имеются разные, но богатые культурные традиции, которые могут помочь им справиться с эксцессами разлагающего влияния западной культуры, хотя коррупция представляет серьезную проблему как для одной, так и для другой из них.

Наряду с нынешней политикой экономических реформ и расширения внешних связей обе страны реализуют схожие стратегии в отношении неоллиберальной концепции глобализации. Их подход достаточно осторожен, поскольку обе они сохраняют определенную степень защиты своей внутренней экономики. Они могут позволить себе подобную политику благодаря географическим масштабам и важности своего экономического положения, причем обе извлекают из этого выгоды и принадлежат к числу наиболее успешных и быстро развивающихся стран мира. В ходе последующего развития они могут рассчитывать на дальнейшее расширение своих внутренних рынков, которое обеспечит им огромные преимущества в плане грядущего экономического роста, в завоевании в будущем ведущих позиций в мировой экономике.

*Перевод с английского
И.А.Тулиной*

1. Аль-Бируни — Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни (973-1048; по другим данным — после 1050) среднеазиатский ученый-энциклопедист. Создатель трудов по математике, астрономии, истории, географии и минералогии. Его большой труд об Индии был ценным источником по истории этой страны периода раннего средневековья. — Прим. ред.
2. Брамины — в древней Индии — жрецы, позднее — одна из наиболее привилегированных общественных групп индийского общества — Прим. ред.
3. Деканское плоскогорье — равнинное плоскогорье на полуострове Индостан площадью около 1 млн кв. км — Прим. ред.
4. Сикхи — члены религиозной общины, возникшей в Пенджабе (Индия) в XVI веке. — Прим. ред.
5. Percival Spear. A History of India 2. 1978. P. 143.
6. Immanuel C.Y. Hsu. The Rise of Modern China. 1976. P. 495.
7. Wilhelm Halbfass. India and Europe. Motilal banarsidass. Delhi, 1990. P. 439.
8. A.R.Desai. Social Background of Indian Nationalism. Bombay, 1982. P. 158.
9. Immanuel C.Y. Hsu. Op. cit. P. 496.
10. Wei-Wei Zhang. Ideology and Economic Reform under Deng Xiaoping. London and New York, 1996. P. 11.
11. Beatrice Pitney Lamb. India — A World in Transition. L., 1966. P. 77.
12. John K. Fairbank. The Cambridge History of China. Vol. 12. Republican China 1912-1949. Part 1. Cambridge univ. press. 1983. P. 322.

Востоковед и организатор науки П.И.Воробьев

© 2003

А. Решетов

История отечественного востоковедения насчитывает уже несколько столетий, но, несомненно, самым бурным и непредсказуемым был период первой половины XX в. Именно на него пришлось две мировые войны, революции, гражданская война, коренные ломки хозяйственного и социально-экономического строя, массовые необоснованные репрессии... Но и в этот период наука и культура развивались. В 1930 г. на базе Азиатского Музея с Коллегией востоковедов при нем, Института буддийской культуры и Туркологического Кабинета был создан ведущий востоковедческий центр — Институт востоковедения АН СССР. Важными центрами подготовки специалистов-востоковедов являлись Московский и Петроградский-Ленинградский институты живых восточных языков. В становлении и развитии советского востоковедения принимали участие многие ученые старшего и младшего поколений. Одним из самых активных в этой напряженной деятельности, безусловно, следует признать Павла Ивановича Воробьева¹. В 20-30-е гг. XX в. его имя было широко известно в научной среде нашей страны, а затем надолго предано забвению...

Павел Иванович Воробьев родился 3(15) января 1892 г. в Санкт-Петербурге в семье конторского служащего Путиловского завода, недавнего выходца из деревни. 12(24) января мальчика крестили в церкви святого митрополита Петра, располагавшейся на окраине города, в районе Ульянки Санкт-Петербургского уезда². Семья постоянно испытывала материальные затруднения, и поэтому, когда Павлу пришло время пойти в школу, его отдали в гимназию Человеколюбивого общества, где он обучался на казенный счет. Трудности в семье возросли после неожиданной смерти отца в 1906 г. Юноша учился старательно, поставив перед собой задачу выбиться в люди.

Окончив с оценками четыре и пять гимназию в 1910 г., он поступил в Санкт-Петербургский Политехнический институт Императора Петра Великого, но уже весной 1911 г. был "отчислен за невзнос платы"³. 8 августа Павел Воробьев обратился к ректору Императорского Санкт-Петербургского университета с прошением "о зачислении в число студентов по факультету восточных языков"⁴. Очевидно, уже тогда он отличался повышенной социальной активностью. "За участие в незаконном сборище 20 февраля (1912 г. — А.Р.) в здании Санкт-Петербургского университета" он в числе 60-ти студентов был подвергнут аресту в административном порядке на два месяца.

На факультете студент Воробьев занимался увлеченно, с интересом посещал лекции профессоров И.А.Бодуэна де Куртенэ по введению в языкознание, Н.И.Веселовского и В.В.Бартольда по истории Востока, А.Е.Любимова по

Решетов Александр Михайлович, кандидат исторических наук, сотрудник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, Санкт-Петербург.

истории Китая и истории сношений с Китаем, китайский язык он изучал у А.И.Иванова, В.М.Алексеева, П.С.Попова, Цюаня, Чжан Ина, у И.Куроно — китайскую каллиграфию и японский язык, у В.Л.Котвича и А.Е.Любимова — маньчжурский язык и т.д. “Еще в Университете у него определился интерес к маньчжуроведению; в 1914 г. он совершил поездку в Маньчжурию, где занимался изучением живой маньчжурской речи и этнологии Маньчжурии. Во время этой поездки Павлу Ивановичу удалось добыть шаманский костюм, находящийся ныне в МАЭ РАН⁵ и записать несколько манджурских народных песен”⁶, — так позднее оценивали работу П.И.Воробьева еще во время его учебы в университете профессора, будущие академики Б.Я.Владимирцов и В.М.Алексеев. Будучи студентом, Павел Воробьев зарабатывал дополнительные деньги уроками, что давало ему возможность в 1912–1916 гг. (с перерывами) также учиться в Восточной Практической Академии, где он изучал у профессора А.М.Позднеева монгольский язык⁷. От платы за учебу в университете он почти всегда освобождался по бедности. В апреле 1915 г. П.И.Воробьев успешно, с дипломом I степени, закончил факультет восточных языков Императорского Петроградского университета по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду и был представлен к оставлению на кафедре маньчжурского языка и литературы для подготовки к профессорскому званию⁸.

Однако, очевидно, по семейным обстоятельствам (к этому времени он уже был женат) поступил на службу в контору Путиловского завода. После Февральской революции с марта 1917 г. занимал ряд выборных общественных должностей в Нарвском районе Петрограда, после Октябрьской революции работал в Нарвском совете депутатов. В марте 1919 г. он был мобилизован в Красную Армию, где в том же году вступил в РКП(б).

В начале 1921 г. П.И.Воробьев демобилизовался, и его определили на работу инструктором-организатором Петроградского губернского комитета. Но сам он стремился заниматься научной или научно-организационной деятельностью. Партии же необходимо было продвигать свои кадры в науку. Уже 1 августа 1921 г. он получает назначение на должность управляющего делами Центрального института живых восточных языков⁹, а в 1922 г. избирается еще и научным сотрудником при сохранении прежней должности.

В мае 1922 г. его назначают помощником ректора по административно-хозяйственной части, а менее чем через год, в феврале 1923 г. — ректором этого института. Надо думать, что карьере ему обеспечивало членство в партии. Этот институт в то время находился в ведении сразу трех наркоматов: просвещения, национальностей и иностранных дел, и уже одно это определяло его особый статус среди других вузов страны. До П.И.Воробьева пост ректора института последовательно занимали такие выдающиеся ученые как маньчжуровед В.Л.Котвич и тюрколог А.Н.Самойлович. На посту ректора Павел Иванович оставался почти десять лет — до 1932 г. Обладая большими организаторскими способностями и административной властью, зная научный потенциал города, он способствовал формированию сильного профессорско-преподавательского состава, рациональной структуры института. Здесь в разное время работали такие крупные востоковеды как А.И.Иванов, В.М.Алексеев, А.П.Баранников, Е.Э.Бертельс, Б.Я.Владимирцов, С.А.Козин, Я.П.Кошкин, С.Е.Малов, Н.И.Конрад, И.Ю.Крачковский, Н.В.Кюнер, Н.Н.Поппе, А.Н.Самойлович, Г.Ф.Смыкалов, М.И.Тубянский и другие. Для ведения практических занятий широко привлекались живые носители восточных языков. В те годы этот институт выполнял ответственные задачи по подготовке как научных, так и пра-

ктических работников. За время ректорства П.И.Воробьева институт успешно подготовил большое количество нужных стране специалистов. В дальнейшем видное место в востоковедении заняли такие его выпускники как А.Г.Андреев, Ю.В.Бунаков, О.Л.Вильчевский, А.Е.Глускина, А.А.Драгунов, Д.П.Жуков, Е.М.Жуков, В.А.Казакевич, С.К.Кенесбаев, М.Д.Кокин, А.Н.Кононов, В.Е.Краснодембский, В.А.Крачковская, А.Х.Маргулан, Г.О.Монзелер, А.М.Мугинов, Э.Н.Наджиб, А.Д.Новичев, И.И.Потехин, П.Е.Скачков, Д.И.Тихонов, А.Л.Троицкая и многие другие. Среди его студентов были китайцы, монголы, тибетцы, персы и представители других народов зарубежного Востока и советского Севера.

В 1927 г. по распоряжению Правления института был издан первый том "Восточных записок" с предисловием П.И.Воробьева, явившийся заметным событием в жизни ленинградского востоковедения. Институт осуществлял довольно широкую издательскую деятельность, публикуя учебные пособия и отдельные научные труды¹⁰. В организации все этой многогранной и сложной работы громадная роль принадлежала П.И.Воробьеву, занимая у него много времени и сил.

Сам Павел Иванович читал курс "История сношений России с Китаем". Материал по этой теме он начал собирать еще во время командировки в Маньчжурию в 1914 г., в дальнейшем знакомился с историческими памятными местами (Сретенск, Албазин, Благовещенск и др.), с экспозициями и фондами местных музеев. Летом 1925 г. им была предпринята поездка на Шилку и верхнее течение Амура. Для ознакомления с китайской наукой, деятельностью научных учреждений Пекина П.И.Воробьев еще раньше — в 1923 г. выезжал в Китай. Две его статьи — "Пекинский национальный университет" и "Из жизни Китая" были опубликованы в журнале "Восток" в 1924 г. Они тогда представляли собой как бы краткий отчет о его пребывании в Китае, но и сегодня не потеряли своего значения как источник для изучения истории гуманитарных наук в Пекине.

В 20-30-е гг. в советской науке было весьма развито совместительство. В те годы, пожалуй, не было ни одного ученого, который работал бы только в одном учреждении. На нескольких должностях в разных местах трудился и П.И.Воробьев. С 16 апреля 1924 г. он состоял научным сотрудником II-го разряда по VI (Дальневосточной) секции Научно-исследовательского института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при факультете общественных наук (ФОН) Ленинградского государственного университета. Еще в 1923 г. В.М.Алексеев и Б.Я.Владимирцов обратились в Коллегию этого института со специальным представлением: "Предлагая в настоящее время П.И.Воробьева в сотрудники института, нижеподписавшиеся надеются найти в нем помощника в области, в связи с отъездом В.Л.Котвича, никем в институте не представленной, и помочь Павлу Ивановичу повести занятия по маньчжуроведению так, чтобы из него выработался настоящий специалист-маньчжуровед, могущий продолжить дело маньчжурской кафедры бывшего факультета восточных языков"¹¹. Постановлением Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) от 9 декабря 1924 г. Павла Ивановича утвердили еще и в должности научного сотрудника III разряда с полуокладом, где он занимался обработкой маньчжурских и китайских источников по династии Ляо, подготовил и прочитал доклад "Новые данные к вопросу о происхождении и развитии маньчжурского алфавита". В Комиссии по числительным при Яфетическом институте АМ СССР у академика Н.Я.Марра он сделал сообщение "О числе два в

маньчжурском языке"¹². 16 апреля П.И.Воробьев был утвержден при ИЛЯЗВ в качестве аспиранта по маньчжуроведению, при этом он еще состоял доцентом факультета языка и материальной культуры ЛГУ. Последнее обстоятельство привело к появлению своего рода уникального и даже забавного документа, направленного 19 ноября 1927 г. П.И.Воробьеву директором ИЛЯЗВ академиком Н.С.Державиным и ученым секретарем Н.Ф.Яковлевым: "Согласно постановлению Коллегии ИЛЯЗВ от 17 ноября сего года уведомляю Вас об отчислении из состава аспирантов как имеющего более высокую квалификацию как доцент Университета"¹³. Весьма любопытный документ — порождение той эпохи... В ИЛЯЗВ Павел Иванович состоял научным сотрудником до 1 октября 1929 г. В ЛГУ — ЛИФЛИ он вел занятия по маньчжурскому языку и литературе со студентами и аспирантами. Среди его учеников — В.А.Казакевич, В.А.Аврорин, Е.П.Лебедева, О.П.Суник, А.Р.Беспаленко и др. В период реорганизации востоковедного образования в Ленинграде П.И.Воробьев занимал ряд важных постов. Так, в 1929 г. после преобразования факультета языка и материальной культуры ЛГУ в историко-лингвистический факультет он был назначен председателем отделения языков и литератур Востока и предметной комиссии по языкам и литературам Дальнего Востока, куда входили китайская, японская и монголо-маньчжурская кафедры. После выделения в 1930 г. из состава ЛГУ самостоятельного Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ) произошло укрупнение кафедр, и в 1931 г. Павел Иванович возглавил в нем кафедру языков и литератур Зарубежного Востока¹⁴.

В конце 1925 г. П.И.Воробьев в партийной дискуссии выступал с критикой Г.Е.Зиновьева, за что был исключен из партии, но буквально через несколько дней восстановлен как занимавший правильную позицию, одобренную XIV съездом ВКП(б)¹⁵. Это, безусловно, усилило его положение. Распоряжением по Главнауке от 24 декабря 1925 г. ректор ЛВИ П.И.Воробьев по совместительству был назначен директором Государственного русского музея. В те годы музей состоял из трех основных отделов: изобразительного искусства, этнографического и историко-бытового. Павлу Ивановичу пришлось осваивать новое сложное дело — музейное. Вникать в работу всех служб одного из ведущих музеев страны, обеспечивать строительство новых экспозиций и поддерживать на должном уровне уже действующие, часто выезжать в Москву и другие города страны для решения неотложных дел. На этом посту он работал 5 лет — по 4 февраля 1930 г.¹⁶. Активное участие как член Оргкомитета П.И.Воробьев принимал в подготовке Первого всероссийского музейного съезда, состоявшегося в декабре 1930 г. в Москве.

Можно предполагать, что из-за нехватки партийных кадров происходили неожиданные назначения. Так, приказом Наркома просвещения РСФСР А.С.Бубнова от 20 февраля 1932 г. П.И.Воробьев неожиданно был назначен директором Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве. Этот пост был поручен коммунисту П.И.Воробьеву ЦК ВКП(б) и от него он не имел права отказаться, хотя переезд в Москву никак не входил в его планы. Уже обладая известным опытом руководства музеем, он активно включился в новую для него работу.

Исторический музей в Москве — сложный организм, один из ведущих музеев столицы и страны. Став его директором, Воробьев не предпринял каких-либо революционных мер по реорганизации музея, а прежде всего содействовал его развитию. Он добился в январе 1934 г. создания самостоятельного Редакционного совета, в задачи которого входило редактирование и издание

научных трудов ГИМ. Этот факт сам по себе красноречиво свидетельствует о стремлении П.И.Воробьева активизировать работу музея не только как культурно-просветительского, но и научно-исследовательского учреждения.

В Москве П.И.Воробьев был включен также в состав Комитета по охране исторических памятников при Президиуме ВЦИК в качестве заместителя его председателя, а также члена Ученого Комитета при ВЦИК, редколлегии журнала "Советский Музей", художественного Совета Государственной Третьяковской галереи...

В научном мире Ленинграда было с большим сожалением воспринято решение о переводе П.И.Воробьева на работу в Москву. Уже 16 декабря 1932 г. директор Института востоковедения АН СССР академик С.Ф.Ольденбург с согласия Непременного секретаря АН СССР академика В.П.Волгина обратился с письмом к А.С.Бубнову с просьбой о переводе П.И.Воробьева из Исторического музея обратно в Ленинград для работы в Институте востоковедения в качестве заместителя директора. Свою просьбу он мотивировал необходимостью в связи с большим объемом работы иметь крепкого, опытного заместителя директора, и на этот пост предлагалась кандидатура П.И.Воробьева как "имеющего большой опыт по ректорству в Ленинградском Восточном Институте"¹⁷. Институт востоковедения все эти два года вел переговоры с А.С.Бубновым, пока 26 марта 1934 г. не последовал приказ Наркома об освобождении П.И.Воробьева от должности директора ГИМ ввиду его перехода на работу в Академию наук СССР. Постановлением Президиума АН СССР от 16 апреля 1934 г. Павел Иванович с 1 апреля был зачислен на должность заместителя директора Института востоковедения АН СССР¹⁸.

В 30-е гг. именно этот институт являлся ведущим научным центром востоковедческих исследований и хранилищем бесценных сокровищ восточных рукописей. Практически все крупнейшие востоковеды страны трудились в этом учреждении. Работать в нем было и почетно, и ответственно, и сложно. Чтобы по праву занять в нем положение руководителя, надо было обладать большим научным авторитетом и солидным опытом научно-организационной работы. В эти годы основные усилия коллектива института были сосредоточены на подготовке больших словарей (китайско-русского, японо-русского, монголо-русского), фундаментальных исследований по филологии, истории, философии народов Востока. П.И.Воробьев внес немалый вклад в организацию всей этой напряженной научно-исследовательской работы. Как специалист он много занимался изучением памятников маньчжурской культуры. В 1935 г. опубликовал, привлекая новые данные, статью о происхождении и развитии маньчжурской письменности¹⁹. В отчете за 1935 г. отмечалось, что "крупное значение для истории монголов в XIII-XIV вв. имеет закончившаяся работа по переводу и исследованию первого тома "Юань-ши" объемов 10 п.л., выполненная профессором П.И.Воробьевым и А.В.Гребенщиковым — первая в советской манджуристике"²⁰. Работа была высоко оценена такими специалистами как Н.Н.Поппе, Ц.Ж.Жамцарано, В.А.Казакевич и др. К сожалению, перевод не сохранился, поскольку своевременно не был издан. А ведь его публикация могла бы стать крупным событием как в отечественном, так и в мировом маньчжуроведении, имена же переводчиков должны были бы занять достойное место в истории науки. Важной особенностью исследовательских статей П.И.Воробьева по маньчжуроведению является не только анализ проблемы, но и публикация в качестве приложения источников — маньчжурских документов, которыми может воспользоваться любой специалист²¹.

20 марта 1935 г. А.И.Воробьев в группе востоковедов, среди которых находились А.П.Баранников, Н.И.Конрад, Н.А.Невский, А.А.Фрейман, А.Я.Якубовский, выступил с докладом "К истории русско-китайских отношений в XVII в." на сессии АН СССР. 15 мая 1936 г. Президиум АН СССР присудил П.И.Воробьеву ученую степень кандидата истории без защиты диссертации. Как известно, в те годы таким образом присуждались ученые степени тем исследователям, чей вклад в науку определялся как весьма значительный. В Институте П.И.Воробьев имел тесные творческие контакты со многими коллегами, в частности с К.М.Черемисовым, А.В.Гребенщиковым, Ц.Ж.Жамцарано, В.А.Казакевичем, он защищал от нападков неумных критиков академиком В.М.Алексеева, Ф.И.Щербатского и других ведущих востоковедов.

Нельзя не отметить, что в приказе А.С.Бубнова о переводе П.И.Воробьева на работу в АН СССР содержался еще пункт об одновременном назначении его директором Государственного музея этнографии (ГМЭ) в Ленинграде. Это было новое партийное поручение. Совмещать две такие крупные административные должности было нелегко. Тем более, что в те годы в ГМЭ была сложная ситуация. Совсем недавно арестовали группу ведущих сотрудников, в том числе С.И.Руденко, С.А.Теплоухова, М.П.Грязнова, Ф.А.Фиельструпа, Б.Г.Крыжановского, М.А.Фриде и др. В такой обстановке работать было отнюдь непросто. Вникая в потребности музея, уже тогда П.И.Воробьев с тревогой писал о его ухудшавшемся положении и необходимости принять срочные меры для улучшения работы. В музее его деятельность поддерживали друзья и коллеги-востоковеды В.А.Казакевич, Н.Г.Таланов, Л.П.Потапов и др. Большой положительный резонанс получила созданная при ближайшем участии П.И.Воробьева выставка "Буддийский рай".

В начале 1936 г. П.И.Воробьев неожиданно был освобожден от всех должностей в Ленинграде и вскоре направлен на работу в Улан-Батор в должности советника Ученого Комитета МНР. В Монголии он работал всего один год, но его большой опыт научно-организационной деятельности оказался весьма полезным для монгольских коллег, которые относились к нему с исключительным уважением. Пригодились знания о стране, полученные в университете и в Восточной Практической Академии от крупнейшего отечественного монголоведа профессора А.М.Позднеева. Здесь он познакомился и с советскими учеными, трудившимися совместно с молодыми монгольскими коллегами. С одним своим соотечественником — географом и этнографом, большим знатоком страны и монгольского языка А.Д.Симуковым²² П.И.Воробьев успел совершить экспедицию, по результатам которой они опубликовали ценную, богатую оригинальным фактическим материалом статью²³.

Летом 1937 г. П.И.Воробьева вызвали в Москву якобы для решения вопроса об организации в г. Улан-Баторе Монгольского Государственного университета. В Москве он быстро понял, что никаких вопросов решать с ним никто не собирается. Тогда он уехал в Ленинград и каждый вечер ждал, когда за ним придут. К тому времени уже многие коллеги-востоковеды были арестованы. Вечером 11 сентября 1937 г. арестовали и его.

Дело П.И.Воробьева рассматривалось поспешно. Ему сразу же было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Японии по статье 58-6, 11 УК РСФСР. 19 ноября 1937 г. Комиссия НКВД и Прокуратура СССР приговорили его к высшей мере наказания. 24 ноября 1937 г. П.И.Воробьев был расстрелян в Ленинграде, в один день с Б.А.Васильевым, Д.П.Жуковым, Н.А.Невским,

М.И.Тубянским и другими востоковедами. Ему шел сорок шестой год. Семье сообщили, что П.И.Воробьев сослан в лагерь на север на 10 лет без права переписки.

Прошло 20 лет после ареста. 16 апреля 1957 г. в Верховном Суде СССР в порядке надзора определением Военной Коллегии приговор в отношении П.И.Воробьева был отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Павел Иванович Воробьев посмертно признан невиновным. При сообщении о реабилитации пришло уведомление о его якобы смерти 4 февраля 1942 г.²⁴

Сегодня мы с уважением и благодарностью вспоминаем имя этого человека, прожившего жизнь в тяжелейшее время. В опубликованной литературе нет ни одного свидетельства, порочащего честь и достоинство Павла Ивановича, хотя ему приходилось на всех высоких постах принимать участие в решении отнюдь не простых вопросов. В частности, в августе 1929 г. он входил в состав специальной комиссии, осуществлявшей "чистку" в Академии наук, но он никого не выдал и не "потопил". Позже, Н.Н.Поппе в своих воспоминаниях, изданных в США, писал о П.И.Воробьеве: "Он был коммунистом, но более благо разумным и менее опасным, чем другие члены комитета по чистке"²⁵. Как видно из всего изложенного, за свою короткую, насыщенную большими событиями жизнь он не создал богатого научного наследия. Однако и те немногочисленные работы, которые он успел опубликовать, сохраняют свою научную ценность и в наши дни.

Много времени у П.И.Воробьева занимала и преподавательская работа — занятия со студентами и аспирантами в различных учебных и академических учреждениях. Получив блестящее востоковедческое образование, он продолжил традиции своих великих учителей В.Л.Котвича, Б.Я.Владимирцова, А.И.Иванова, В.М.Алексеева и др. Благодаря его преподавательской деятельности не прервалась прямая линия развития отечественного маньчжуроведения, продолженная его учениками и учениками его учеников.

Отечественная культура должна быть благодарна П.И.Воробьеву за то, что, находясь во главе таких крупнейших музеев страны как Русский музей, Государственный исторический музей, Государственный музей этнографии, он способствовал сохранению и приумножению их коллекций — нашего национального достояния, которым мы гордимся и поныне.

Его организаторский талант в большей степени реализовался в научно-организационной работе также на постах директора Ленинградского института живых восточных языков — Ленинградского восточного института имени А.С.Енукидзе, заместителя директора Института востоковедения АН СССР и, наконец, советника Ученого Комитета МНР.

Где бы ни работал Павел Иванович Воробьев, он всегда трудился самоотверженно, с максимальной отдачей на благо отечественной науки.

1. Подробнее о П.И.Воробьеве см.: Решетов А.М. Павел Иванович Воробьев: Судьба человека и ученого. // *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*, t. 86, Helsinki, 1995. Pp. 167-185.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, № 59617, л. 11.
3. Там же, л. 7.
4. Там же, л. 5.
5. Музей антропологии и этнографии Российской Академии наук.
6. Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (далее ПФА РАН), ф. 302, оп. 2, д. 48, л. 3. В отчете о деятельности Музея антропологии и этнографии за 1914 г. сообщалось, что специально командированному студенту П.И.Воробьеву "удалось приобрести у

- маньчжуров, живущих близ Цицикара, полный шаманский костюм, единственный в европейских музеях". // Сборник Музея антропологии и этнографии, Петроград, 1916, т. III. С. 210. Г.Д.Санжеев считал П.И.Воробьева единственным лингвистом, которому удалось изучить живую маньчжурскую речь. // Санжеев Г.Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели. // Известия АН СССР. Сер. VII, отделение гуманитарных наук. 1930, № 8. С. 606.
7. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 59617, л. 16.
  8. Там же, л. 24; ПФА РАН, ф. 302, оп. 2, д. 48, л. 4.
  9. С 18 августа 1922 г. по новому положению институт получил наименование Петроградского (с 1924 г. — Ленинградского) Института живых восточных языков, который с 4 июня 1927 г. стал называться Ленинградским Восточным Институтом имени А.С.Енукидзе.
  10. Об институте подробнее см.: Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский Восточный Институт. Страницы истории советского востоковедения. М., 1977.
  11. ПФА РАН, ф. 302, оп. 2, д. 48, л. 3.
  12. Там же, л. 6.
  13. Там же, л. 5.
  14. Подробнее об этом см.: Петров В.В. Китайская филология в Петербургском-Ленинградском университете // Точность-поэзия науки. Памяти Виктора Васильевича Петрова. СПб., 1992. С. 40-41.
  15. Об этом см.: Porpe Nicolas. Reminiscence. by Henry J.Schwarz. Washington 1983. P. 139.
  16. Сектор рукописей Государственного русского музея, опись 10, д. 86, л. 1-31.
  17. Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 152, оп. 3, д. 136, л. 1.
  18. Там же, л. 5; Из постановлений Президиума АН СССР. // Вестник АН СССР, 1934, № 6. С. 55.
  19. Воробьев П.И. Новые данные о происхождении и развитии маньчжурской письменности. // Записки Института востоковедения АН СССР, М.;-Л., 1935, т. V. С. 115-136.
  20. Архив Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 152, оп. 1-а, д. 394, л. 2.
  21. См., например: Воробьев П.И. К истории русско-китайских отношений в XVII в. // Труды Института востоковедения АН СССР, М.; Л., 1936, т. XVII. С. 167-198.
  22. Об А.Д.Симукове подробнее см.: Решетов А.М. Андрей Дмитриевич Симуков: основные этапы жизни и направления научной деятельности // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992 г.) Доклады российской делегации. II. Филология. Культура. Религия. М., 1992. С. 228-235.
  23. Воробьев П.И., Симуков А.Д. Экспедиция в Цаган-Богдо. // Современная Монголия, 1937, № 4(23). С. 85-92; № 5 (24). С. 85-94.
  24. Сведения об аресте, гибели и реабилитации П.И.Воробьева автору сообщила дочь -- П.И.Воробьева Кира Павловна Воробьева (запись беседы от 31 марта 1991 г.) и доктор исторических наук, профессор Л.П.Потапов (запись беседы от 2 апреля 1991 г.). Тексты записей хранятся в архиве автора.
  25. Porpe Nicolas. Reminiscences. P. 112.

Философия

«Лицо», «личность» и «портрет» на Западе и Востоке

© 2003

О. Городецкая

Проблема самоидентификации, определения своего места в мире всегда была одной из самых важных и, зачастую, болезненных для человека. Насколько она обострена в наше время, явствует из растущей статистики самоубийств, из популярности «новых культов». Одним из способов нахождения своего места в современном мире скоростей и людской разобщенности становится отождествление себя с культурой, укорененной в истории той или иной великой цивилизации.

Осмысленное самоотождествление с определенной традицией предполагает понимание того, как она видит субъект такой самоидентификации — живую человеческую личность, как обозначает ее, каким образом представляет себе ее выражение и как изображает ее, в том числе в художественной форме. Сравнение культур по этому критерию не только способно показать фундаментальные различия между ними, но и предоставляет новые возможности для оценки многих культурных процессов, в том числе современных.

История, культура, идеология, наука, искусство, — все это начинается с человека и адресовано человеку. Самым важным вопросом культуры является отношение к тому, кто ее создает и на кого она направлена: к человеку как к общественному целому и как к индивидууму. Художественным преломлением этого отношения предстает искусство портрета, основная цель которого как раз и заключается в воплощении индивидуума и фиксации взгляда на личность извне. Уяснению исходных принципов отношения культур Востока и Запада к человеку призван содействовать лингвистический подход к понятиям «личность» и «портрет», который предложен в данной статье.

На Западе именно лицо и только лицо, с его неповторимыми чертами и выражением, могло быть композиционной и смысловой основой портрета, поскольку лицо почиталось носителем индивидуальности. Это зафиксировано в общеевропейском термине «персона» и русском «личность». Западными культурологами, философами и искусствоведами портрет назван самым богатым и «самым утонченным жанром искусства»¹. «Вместо сложного сплетения частей пейзажа, людей, животных и всевозможных объектов — одна человеческая фигура, зачастую даже одно лицо... И несмотря на внешнюю бедность, портрет

претендует на несравненно большее богатство содержания, чем любая батальная картина».² В русской теории искусства рубежа XIX-XX вв. достаточным условием для того, чтобы произведение определялось как портрет, считалось изображение лица, а минимальным — изображение «зеркала души», глаз³. Поэтому если человек изображался в затылок или его лицо преднамеренно не прорабатывалось, не уточнялось, либо было спрятано, то такое произведение портретом не считалось.

Исходя из этого, западный портрет (западный в широком смысле слова, подразумевающим и античные времена, и восточноевропейский ареал) можно понимать не только как акт эстетического переосмысления отношения культуры к отдельному человеку, но еще и как художественно оформленное понимание человеческого лица, того, отражением каких идей и сущностей, каких личностных или внеличностных проявлений оно является. Отгалкиваясь от такого понимания портрета, посмотрим, насколько и каким образом существующая в той или иной культуре концепция лица обуславливает присущую данной культуре концепцию портретирования.

Древнейшая в мире египетская цивилизация создала портретное искусство уже в начале III тыс. до н.э. Египетские корни, и религиозно-мифологические, и лингвистические, и художественные, проросли во многих культурах Запада. Древнеегипетский погребальный портрет, пройдя сквозь тысячелетия и трансформируясь по внутренним законам и под эллино-римским воздействием, оказался затем предтечей христианской иконы. Поэтому обзор западных терминов необходимо начать с рассмотрения терминов этой «колыбели западной цивилизации».

В Древнем Египте не было слова, полностью адекватного современному понятию «личность», но ближе всего к нему был иероглиф *хер* — «лицо». Внешне он представлял рисунок физиономии в фас с выделенными глазами, носом, ртом и ушами, но без волос, что вполне соответствовало натуре, ибо египтяне, полагая, что волосы являются своего рода рецепторами, воспринимающими внешние воздействия, не всегда благотворные, в целях личной безопасности брились и носили парики. Таким образом, люди не различались по прическе. Человека отличало только самое лицо. Оно, согласно древнеегипетским представлениям, является особой принадлежностью индивида и может восприниматься как полноценное его воплощение. «Увидел лицо», «появилось лицо», «склонился перед лицом», «лицо обратилось к ...», «беседовал с лицом». «Приветствую лицо твое», — одна из наиболее часто употреблявшихся приветственных фраз Древнего Египта.

Однако все это далеко от понятия индивидуальности и уникальности каждого живущего. Личностью почитался только Фараон — образ, проявление Бога, все же подданные мыслились как частные проявления этой единой личности. Разнообразие человеческих лиц соответствует разнообразию людей — фараоновых ипостасей, это спектральная гамма его всеобъемлющей сущности. Поэтому в портретах подданных всегда совмещались их собственные черты, необходимые для того, чтоб душа узнала подобие своего тела, с чертами Государя, необходимыми для узнавания божественной душой воплощенного бога Осириса.

Иероглиф *хер*, помимо своего прямого детерминативного значения, применялся также в качестве предлогов, указывающих на место («в», «на»), происхождение («из») или родственную связь — в выражениях типа «по отцу», «по той или иной местности» и т.п., на причинно-следственную связь — «потому что», а также в качестве сочинительного союза⁴. Набор странный и логика в нем прослеживается с трудом. Похоже, что «лицо» грамматически выполняло двоякую функцию: с одной стороны, привязывало явление или дей-

стве к определенной точке в пространстве, а с другой — объединяло, связывало различные явления воедино сочинительными и подчинительными связями.

Станным, неожиданным образом обе этих функции сопрягаются со значением лица в статуях — каменных, глиняных или деревянных «телах» человека, созданных для воплощения и вечной жизни его бессмертного *Ка* (это понятие подразумевало двойника «я»; в широком смысле — увиденное извне; зрительное впечатление от человека, изображение).

Первый пример такого рода сопряжения относится к той функции лица, которая заключается в «привязке» явления к пространству. Умершие рабы и бедняки, разумеется, не имели изваяний, но не только они сами со своей сущностью *Ба*, живущей в теле, но и их *Ка* могли существовать без рисунков и статуй, появляясь порой в зримых образах воспоминаний об усопшем и растворяясь в неизвестности. Создать же портретную статую — это, по существу, «поймать» *Ка*, зафиксировать его в определенном месте на долгие времена.⁵

Пример второй, касающийся объединяющей роли лица, является еще более наглядным. Представление об индивидуе как о проявлении фараона нашло прямое отражение в портрете. Порой с точностью до десятилетия можно установить дату создания «пластических двойников подданных» (статуй и рельефов) благодаря присутствию в их лицах характерных черт правящего фараона.

И, наконец, еще один смысл мог быть передан иероглифом *хер*, — это взгляд: бросить взгляд на что-то — буквально «открыть лицо». Взгляд — продукт свершенного действия; в качестве же глагола «смотреть» используется иероглиф «глаз». Первостепенная значимость глаза в лице характерна для всех культур. Она зафиксирована также в китайском иероглифе *мянь* («лицо»). Утверждается это и в европейской теории портретного искусства, согласно которой, как отмечалось выше, минимально необходимым для того, чтобы произведение стало портретом, является изображение взгляда. Понимание первичности глаза по отношению к лицу в египетской религии выражено с особой силой: око, по существу, является богом-демиургом (творящее око Ра-Атума). На статуях *Ка* и на саркофагах глаза всегда выделяли цветной инкрустацией — через них происходило вторичное посмертное вселение души *Ба* и приобщение тела к вечным сущностям.

Таким образом, согласно древнеегипетским представлениям, лицо, являясь выразителем индивидуа, параллельно объединяло всех во всеобщем лице фараона и опосредованно связывало каждого с Божественным лицом и Оком.

В Древней Греции лицо обозначалось словом *prosopon*, которое является этимологическим предком современной «персоны». Однако, в отличие от современного понимания, лицо не фиксировало индивидуума. Человек как «я» обозначался термином *soma* — физическое материальное тело. Не удивительно, что греческая архаика и классика не породили портретного искусства в формах привычного нам «личного письма».

Согласно наблюдениям историка античной культуры А.А. Тахо-Годи, в греческой архаике и классике «лицо обозначало особую разновидность человеческого характера, государственного, точнее прагматического ... или вообще героя литературного произведения со специфической для него речью и действиями». «Гомеровское *prosopon* обычно встречается во множественном числе, даже если оно и относится к одному человеку ... т.е. оно содержит в себе некое обобщение, мыслится в определенной целостности. Целостность ... обобщающая отвлеченность данного чисто физического смысла слова выражена также в том, что наряду с лицом отдельного человека *prosopon* обозначал маску, театральную личину. Эта маска имела назначение скрывать частные, отвлекающие зрителя признаки актера как человека и создавать тем самым несколькими

резкими выпуклыми чертами тип трагического или комического героя как явления обобщающего»⁶.

Постепенно в более поздних, эллинистической и римской культурах, слова *soma* (лат. *corpus*) и *prosopon* (лат. *persona*) претерпевают изменения, превращающие их в собственную противоположность. А.А. Тахо-Годи в своей статье демонстрирует, как, будучи поначалу эквивалентом понятий «личность» и «индивидуальность», *soma* развивается в сторону обозначения безличного туловища. Этим словом начинают называть людей, продающих-ся как имущество⁷.

Латинское слово *corpus* — «тело», «плоть», «фигура», «туловище», «мясо», «труп», в терминологии Древнего Рима в определенном контексте могло выступать и в значении «личность», но чаще в этом смысле там уже выступала *persona*. «Персона» и «персонаж» в исходных понятиях неразделимы. Более того, как это уже было продемонстрировано, первичен «персонаж» — не лицо, но маска, не сущность, но типизированный характер. Такое отрезненное, аналитическое рассмотрение лица в качестве внешнего классификатора сохраняется и в Риме, однако параллельно с этим развивается и принципиально иное его понимание. В Древнем Риме, где почти все считалось подвластным воле человека, личность объявляет своим воплощением не тело, а лицо, его индивидуальные черты, передающие волю и характер. Индивидуалистическое сознание, развиваясь, перестает осознавать индивида как плоть. Отражением этого нового понимания явился знаменитый римский скульптурный портрет.

Интерес к человеческой сущности, ощущение ее бездонности, идея личной ответственности «я» за свои мысли и действия, понимание индивидуальности как духовно-психологического, а не телесного явления, стремление ее к самостоятельному нематериальному совершенствованию, и, наконец, христианская анафема телу стали основными факторами, которые обусловили в европейской культуре направленность дальнейшей эволюции смыслового наполнения понятий, связанных с обозначением и изображением индивида.

Аналогичный процесс можно наблюдать и в развитии соответствующих терминов русского языка. Изначально «личность» подразумевала «личинность», т.е. обладание личиной — лицом, которое наблюдатели воспринимают извне в качестве внешней особенности индивида. Затем, в результате психологизации культуры, лицо стало «ликом» — особым носителем внутренней сущности человека, «зеркалом» и его бессмертной души.

В христианских культурах лицо человека, с одной стороны, непосредственно связано с понятием личности=персоны как живой конкретной индивидуальности, с другой — сакрализовано и способно выражать идею вечного божественного начала, лик Духа Святого, отраженный в индивидууме. Не безличные законы Вселенной, но персональный Дух, Личность Бога почитается причиной всех причин, началом всех начал. В христианстве, которое возросло на римских и египетских корнях, основным видом искусства был монументальный религиозный портрет. Так вполне можно квалифицировать мозаики и фрески Восточно-Римской империи и практически все восточнохристианское искусство, ибо познание Бога и спасение возможны через созерцание Его в лице Сына Человеческого. «Я видел Лик Бога и спасена душа моя», — изрекал Иоанн Дамаскин, имея в виду икону. Свет божественной истины способен отражаться в лице не только Иисуса Христа, но и любого святого праведника: апостола, пророка, мученика и других. Все они известны священной истории как конкретные персонажи и их внешние отличия закреплены в канонических описаниях. Христианская концепция лица сформировала эстетику религиозного портрета, получившую в новое время преломление в светском портрете Европы, в котором отраженное в человеческом лице «идеальное не противостоит индивидуальному, а реализуется через него и в нем»⁸.

Таким образом, источник понимания особой значимости в портрете лица вполне очевиден и связан с христианством. Однако демонстрируют ли эту связь с портрета с лицом европейские портретные термины? Оказывается, несколько! Со времен Римской империи и по сей день в западных терминах, обозначающих данный жанр, не фиксируется обязательность его отношения не только к лицу, но и вообще к человеку.

Латинское слово *imago* — «изображение», «образ», «представление», «описание» — применимо к любому живописному (*imago picta*) или скульптурному (*imago ficta*) произведению, а также к любому образу, нарисованному фантазией, к словесному описанию, отвлеченному представлению, имитации некоего явления. Знаменитый римский скульптурный портрет — это *imago ficta* различных именитых персон. Несмотря на широкое развитие портретного жанра в Риме, никакого иного, более специального термина не существовало. Лишь восковые слепки с человека обозначались как *segea persona* — буквально «восковая маска» или «восковое лицо».

Германское *bildnis* (*Bild*) — «изображение», «образ», «воплощение» — также является широким понятием, включающим в себя все проявления изобразительного творчества. *Bildenkunst* по-немецки может обозначать как живопись, графику, скульптуру, архитектуру вообще, так и узко портретные формы искусства. Правда, в случае необходимости более точного указания в немецком языке используется заимствованное из французского слово *portrait*.

Связь франко-английского понятия *portrait* с человеком и лицом также невелика. *Portrait* происходит от старофранцузского *pourtrait*, что буквально означает «согласно (по, вслед) линиям (черточкам)». *Trait* — «штрих», «черта», «особенная, характерная линия» — во множественном числе (*traits*) может быть применено в более узком значении черт лица. Если в латинском и германском понятиях фиксируется идея изображения вообще, то во французском — идея копии, максимального сходства с прообразом (*pour trait* — современное идиоматическое выражение, обозначающее «один к одному», «точка в точку»). Связь же с человеком в обоих случаях не прослеживается.

Аналогично французскому и современное итальянское слово *ritratto* (исп. *retrato*) — «повторение черт»: *tratto* — «мазок», «черта», «штрих», «манера», «признак», «свойство», а также «добытый», «извлеченный», с приставкой *ri*, задающей семантику повтора, возвращения, помимо прочего приобретает оттенок сделанного вывода. И опять никаких, даже косвенных указаний на личность. Из самих языковых терминов следует, что «портретным» может быть изображение не только человека, но и любого существа, предмета, уголка природы, интерьера и т.д.

Таким образом, согласно исходной семантике, «портрет» — это точно копирующее изображение чего-либо, и понимание его как изображения конкретного человека и даже уже — как изображение лица — это благоприобретенное в культуре значение. Почему так произошло? По этому поводу можно высказать следующие соображения.

В Древнем Египте портретные статуи считались не изображениями, а двойниками конкретных людей. Их характер был связан с концепцией двойника-Ка и пониманием особой значимости глаз как входных врат для вселения Ка в свое другое, долговечное тело. Поэтому статуи изготавливались в полный рост — как цельное тело, были узнаваемы, чтобы Ка по ошибке не «вселился» в чужое пластическое «жилище», и в них выделялись глаза. Это был своего рода «портрет изнутри», для самого себя, рассчитанный на самоузнавание. Он имел мало общего и с идеями индивидуализации, и с каким бы то ни было пониманием особого статуса лица в целостной человеческой форме.

В греко-римской античности портрет появился как результат индивидуализации сознания и понимания общественной значимости личностей. По-

этому греко-римский портрет — это уже не двойник, а изображение (*imago*) человека, фиксация извне его особенностей. Характер этого портрета определяется конкретизацией индивидуальных особенностей его героев. Меж тем, ни в Греции, ни в Древнем Риме не была сформулирована четкая концепция лица. Античное мировоззрение не наделяло лицо особыми функциями. Оно то начало скрывающую личность маску, то, наоборот, собственно личность. Вероятно, поэтому не сформировалась и связь между понятиями портрета и лица.

Концепция лица появилась позже, в Восточно-Римской империи, но основой ее стало не отражение человеческой индивидуальности, а христианский образ явленного Лица Божьего. Таким образом, лицо в ранних христианских культурах оказалось выключенным из проблематики светского портрета, а стало основой для иконописи. Поэтому терминология светского портрета в культурах Запада не развивается в сторону «лицевого» понимания этого жанра. В отличие от изображений святых ликом искусство портрета дает возможность конкретизации (*roug trait*) обликов и образов живых людей. Возможно, поэтому западная портретная терминология фиксирует как особенное именно это «копийное» свойство данного жанра.

Несколько иначе дело обстоит в русской культуре. Русь восприняла христианство в его византийском варианте, где догматика лица была наиболее глубокой, где были редкостью скульптурные изображения святых, а лики икон воспринимались как Богоявление. Уже сложившаяся византийская культура стала основой для формирования и развития русской культуры, в результате чего на Руси вначале появились иконы — «личное письмо», а портрет возник много позже, и уже на базе особого отношения культуры к человеческому лицу. Русский портрет сначала вошел в храмы в качестве «ликов» канонизированных исторических персонажей. Потом, когда началось его выделение из недр духовного искусства и утверждение как более светского жанра, первым русским портретным термином стала «парсуна» (восходит к слову «персона» и применялось в XVII-XVIII вв. — тогда же, когда были в моде в России и «восковые персоны», из которых сохранилось изображение сидящего Петра I)⁹. Не будет ошибкой признать, что в русской культуре значимость портрета как порождения западного индивидуализма усилена восточно-христианской сакрализацией «личного письма». Возможно, поэтому столь глубоко русское портретное искусство и поэтому в России больше, чем где бы то ни было, написано теоретических работ, статей и эссе по поводу этого жанра.

В Китае же изначально и до сих пор персональность не связывается с понятием лица. Индивидуальность сугубо телесна и физиологична. Это выражается, в частности, в семантике иероглифов *цзы* (совр. «сам», «лично») и *шэнь* («тело», «личность=организм», «сам», «персонально»).

Согласно китайской традиции, анализ терминов китайского языка возможен по двум принципам: этимологическому (исходя из породивших иероглифы пиктограмм) и аннаграммному (согласно строению составных знаков). Исходная пиктограмма *цзы* представляет собой изображение дыхательного органа с подчеркнuto выделенными ноздрями, иногда даже со схематическим изображением выходящего воздуха. Но уже в эпоху Чжоу (XI—V вв. до н.э.) *цзы* перестает употребляться в своем базовом значении «нос». Вторым древнейшим значением *цзы* было и остается по сей день указание на пространственный или причинный источник — «откуда?», «вследствие чего?», «благодаря чему?». Это в определенной степени соотносится с китайским пониманием процесса дыхания как отправной точки всех процессов. Вообще, наличие дыхания — самый точный показатель того, жив ли субъект.

Начиная с самых первых даосских текстов, иероглиф *цзы* стал использоваться в значениях «естественность», «спонтанность», «произвольность» (естественно и произвольно, как дыхание; отсюда излюбленное даосское *цзы-*

жань — «естественность», «спонтанность»), а затем в близких к ним понятиях «свобода», «легкость», «непринужденность», «самопроизвольность», своего рода «отсебятина» — *цзы-жу* (*цзы-жо*). Здесь подразумевается естество уже не природно-объективное, но субъективное, исходящее из «я»; буквально происходит наложение на смысл «я», «сам» второго древнейшего значения *цзы* — предложного. При отсутствии иных указаний источником «из» становится сам субъект. Естественно — это значит «из носа», «от себя».

В качестве указателя на человеческое «я» иероглиф *цзы* точнее будет считать выражением не личности, но самостоятельности — «я сам» (ср. современное выражение *во-циль-цзы*). Он фиксирует самостоятельность, самопроизвольность, независимость от внешних факторов, персональное («самоносное») участие и т.д. Выразителем же целостного понятия индивидуальности выступает иероглиф *шэнь*.

Пиктограмма-прародительница иероглифа *шэнь* изображала женщину с подчеркнута выпяченным животом, содержащим графически выделенный плод; таким образом натуралистически передавалась идея прихода в мир через физическое рождение. Это есть «тело в теле», и я — *шэнь* равно «я — рожденный и рождающий», «я — конкретная плоть, находящаяся в непосредственной связи с предками и потомками». Беременность — вообще одно из значений иероглифа *шэнь* наряду с двумя основными — «тело» и «личность=организм», или, по определению А.И. Кобзева, «такое тело, которое представляет собой конкретного индивида, взятого в совокупности всех его физических и психических характеристик»¹⁰. Тот же автор отмечает, что «понимание человека как субстантивированной и индивидуализированной жизни логически связано с китайским способом отсчитывать возраст человека не с момента выхода из утробы матери, а с момента зачатия, ибо, действительно, в этот момент возникает новый комок жизни»¹¹ (еще без лица. — О.Г.).

Своего рода физиологический подход к человеку нашел прямое отражение в китайской культуре, где первостепенными ценностями почитается то, что составляет основу функционирования живого организма — дыхание, питание, сексуальные контакты. Пестование собственной физической жизни есть одно из важнейших содержаний этой культурной традиции.

Коренным образом отличаются от нее традиции, ориентированные на христианство. Оно нацелено на преобразование плоти и призывает не идти «на уступки» падшему естеству, преодолевать его искушения, а чревоугодие и блуд объявляет смертными грехами. Поэтому христианские культуры сторонятся чувственной изощренности, ценят простую пищу и моногамную семью. Китайская же культура не столь едина. Если некоторые учения призывают к безбрачию, то другие доказывают необходимость гарема. И поскольку китайское понимание человеческой личности телесно и физиологично, то все, что касается телесного бытия и физиологических ощущений, разработано в этой культуре с предельной доскональностью и изощренностью, зафиксировано во множестве теоретических трактатов и закреплено практической традицией. Видимо, не случайно более других в Китае развиты именно прикладные формы искусства: знамениты китайские ткани, башмачки, шпильки, веера и прочие предметы туалета, изделия из лака, полудрагоценных камней, дерева, стекла и кости, предметы эмальерного искусства, и, наконец, заслуживший мировую славу удивительный фарфор.

Для традиционного европейского понимания персональность тела — это нонсенс. Оно, в отличие от лица, не воспринимается как проявление индивидуальности. Воспроизведя особенности тела конкретной натурщицы (натурщика), художник создает произведение абсолютно внеличное. Это женская (мужская) «фигура» вообще. Сочетание же природы с портретом, наподобие Серовской Иды Рубинштейн, встречается редко и в принципе шокирует европей-

ский взгляд (хотя последнее время мода на порнографические фотографии известных личностей приучила европейцев и к такому, но это стало возможным лишь в период нынешнего угасания и трансформации традиционной европейской культуры).

Какова же роль лица в китайском понимании человека? Существует два древнейших термина — *мао* и *мянь*¹², исходно обозначавших человеческое лицо. Оба они присутствуют в древнейших эпиграфических памятниках. Исходная пиктограмма первого из них изображала человека, стоящего в профиль, как в соответствующем знаке *жэнь* — «человек», с крупно обозначенной головой, стилизованной в форме иероглифа *бай* — «белый». Этот знак сохраняется в правой части нынешнего написания. Иными словами, лицо описывалось как «белая» (светлая) сторона головы в отличие от «черной», покрытой волосами, что вполне соответствует натуре. Исходной пиктограммой для *мянь* являлось знаковое изображение лица в профиль с выделенным глазом, что явно свидетельствует о родстве данного иероглифа с иероглифом *му* — «глаз». В первом случае мы имеем дело с осмыслением лица как «белого верха» человека, а во втором — с восприятием глаза как главного его элемента. В ходе исторического развития иероглиф *мянь* не изменил ни принципиальной формы, ни значения, в то время как *мао* претерпело интересную деформацию. В его состав в качестве ключевого элемента добавился знак *чжи* — «безногое животное» или «единорог, карающий зло». Также этот знак имеет значение «поборник справедливости» и используется в бинормах, означающих почтительное обращение. Кроме того, *чжи* может указывать на исчерпанность, ликвидацию или разрешение некой ситуации. В современном виде иероглиф *мао* фиксируется в текстах эпохи Чжань-го — Хань (V в. до н.э. — II в. н.э.) в следующих значениях: собственно «лицо» — редко, чаще — «облик», «выражение», «вид», «внешность», «наружное обличие», «форма», а также «манеры», «осанка», «вежливость», «приличие», «достоинство». Учитывая разные интерпретации элемента *чжи*, можно предложить анаграммные прочтения *мао* как «почтенное лицо», «Ваше лицо», «правдивое лицо», «законченное лицо», — но не «личность» (имеется в виду не внутреннее содержание, а именно наружность).

Также и *мянь* в китайской терминологии отражает не индивидуальную личность, а социальное лицо, не самость, а положение в обществе. Такое понимание предстает особо выпукло в современных терминах вроде *ти-мянь* — «приличие, «достоинство», «благообразие», «почет» и *мянь-цзы* — «доброе имя», «репутация», «честь», а также в устойчивых словосочетаниях: *ай-мянь* — «блести престиж» (буквально «любить лицо»); *гу-мянь* — «заботиться о своем достоинстве» («заботиться о лице»), *ю-мянь* — «пользоваться уважением» («иметь лицо»), *гэй-мянь* — «оказать уважение» («дать лицо»), *гоу-мянь* — «полностью сохранять достоинство» («достаточно лица»), *шан-мянь* — «портить репутацию» («вредить лицу»), *дю-мянь* — «опозорить себя перед обществом», «лишиться достойной репутации» («потерять лицо») и т.д.

Подобная трактовка известна и западной культуре. Так, римская *persona* помимо прочего может обозначать житейскую роль, положение, функции. Да и в русском языке существуют выражения типа «высокопоставленное лицо» или «потерять лицо». Это связано с рассмотренной выше исходной типизирующей функцией лица как актерского или жизненного ампула, которая в современном мире в основном все же отошла к понятию «фигура», т.е. наоборот — к телу. Общественно-поверхностное понимание лица на Западе не является превалирующим, в отличие от Китая, где, как мы видим, «личность» оказалась не синонимом «индивидуальности», а скорее ее антиподом. Даже выражение «потерять свое лицо» в западной культуре имеет более широкое семантическое поле. Оно может пониматься и в том же смысле, что и в китайской культуре, и

в сугубо индивидуализирующем, даже интимном: утратить свою исключительность, затеряться в толпе.

Однако какое же место по отношению к этому «носово-телесному» пониманию личности занимает портрет? Опять-таки обратимся к терминологии.

I. В китайском языке портрет чаще всего обозначается иероглифом *сян*, ключевым элементом которого выступает знак *жэнь* — человек. Отсутствие данного иероглифа в надписях на костях и бронзовых сосудах свидетельствует об относительно позднем его формировании. Он фиксируется в текстах периода Чжань-го (V—III вв. до н.э.) в перечисленных ниже значениях.

1. «Подобие». В таком значении он присутствует в конце гл. XVI «[Трактата] Учителя Сюня» («Сюнь-цзы», 313-238 гг. до н.э.), во фразе «тень — это подобие формы»¹³ (*ин чжи сян син е*). Любопытно, что эта фраза объединяет в себе два портретных термина — *сян* и *ин* («тень»), который рассматривается ниже.

2. «Каноническая форма», «образец», «пример для подражания». В таком значении его можно найти в стихотворении «Мандариновое дерево» («Цзюй сун») из «Девяти элегий» («Цзю чжан») Цюй Юаня (340-278 гг. до н.э.)¹⁴, поэта царства Чу.

3. «Невоплощенный мысленный образ» — в «Вопросах к Небу» («Тянь взнь») того же Цюй Юаня¹⁵.

4. И, наконец, в значении «изображения», «образа» души, к которой обращается заклинатель в приписываемой Цюй Юаню либо Сун Юю (III в. до н.э.) поэме «Сзыванье душ» («Чжао хунь») ¹⁶. Любопытным совпадением является то, что именно в текстах чуских поэтов иероглиф *сян* по сути приближается к значению «портрет», параллельно тому, как в тех же краях и в те же времена впервые появляются антропоморфные формы искусства.

5. В точном значении «портрет» *сян* впервые фиксируется в уже раннеханьских (II-I вв. до н.э.) трактатах «Кун-цзы цзя юй» («Школьные речи Конфуция», II в. до н.э., дополнен в эпоху Тан) и «Шо юань» («Сад сказаний») Лю Сяна (I в. до н.э.) в следующих эпизодах: «Конфуций, посещая Пресветлый зал (*мин-тан*), видел, что на четырех дверных проемах есть образы (*жун*) Яо и Шуна, изображения (*сян*) Чжоу и Цзе. У каждого из них добрый или отвратительный облик (*чжуан*) и сопроводительные поучительные записи о расцвете и упадке» («Кун-цзы цзя юй», Цз. 3, гл. 11). Присутствующие здесь иероглифы *жун* и *чжуан* также являются портретными терминами (см. ниже). В «Саду сказаний» иероглифом *сян* впервые описывается создание портрета конкретного живого человека, сделанного по памяти в III в. до н.э.: «В царстве Ци построили высокую башню, и местный правитель пообещал много денег тому, кто украсит ее прекрасными рисунками. Об этом узнал художник Цзинь Цзюнь, который жил далеко от тех мест, но был страшно беден и нуждался в заработке, поэтому собрался и уехал, оставив дома красавицу жену. Однако его работа затянулась, и он начал сильно тосковать о ней. Как-то раз, задумавшись, Цзинь Цзюнь сделал набросок ее фигуры на стене среди других рисунков, а после долго сидел перед ним и улыбался. Об этом сообщили Цискому вану. Тот, увидев изображение, дал художнику миллион монет с тем, чтобы он пригласил жену приехать, а затем отнял ее у него»¹⁷.

II. Другим портретным термином, является слово *ин* — буквально «тень», «отпечаток»; применяется также в значениях «копия», «копировать», переписывать образец». Выше уже приведена фраза из «Сюнь-цзы», связывающая понятия *ин* и *сян*. В точном значении «портрет» термин *ин* фиксируется лишь с VIII в.¹⁸ Терминологически он оказывается связан с сакральными изображениями святых, патриархов и обожествленных предков, как тень их души или отпечаток воплощенного в них учения. Однако он может фиксировать «копию» не только человека, но и любого явления или предмета: дерева, гор-

ной гряды, дворцового сооружения и т.д. В строении иероглифа каких-либо указаний на человека нет.

III. Так же отсутствует связь с человеком и его проявлениями в иероглифе *чжуан*. Как и предыдущие из перечисленных выше синонимов, *чжуан* не применялся в наиболее древних надписях и впервые фиксируется в текстах Чжань-го, выступая в самых разнообразных значениях. Наиболее интересные для нас представлены опять-таки в чуском источнике — «Чжуан-цзы» («[Трактат] Учителя Чжуана»).

1. «Внешний вид», но не человека, а любого явления. В начале гл. 12 «Чжуан-цзы» есть фраза о том, что «мёртвое и живое внешне (*чжуан*) едины» (*сы шэн тун чжуан*)¹⁹.

2. «Внешний вид», «выражение лица и поза», «впечатление» от человека. В гл. 13 «Чжуан-цзы» один из персонажей обвиняется в «искусственном, деланном позёрстве» (*чжуан и жань*)²⁰.

3. Некий «образ», «облик», не тождественный форме. В гл. 12 «Чжуан-цзы» находим примечательную фразу о том, что «среди имеющих форму (*син*) сосуществующих с бесформенным и безобразным (*у чжуан*) полностью нет»²¹.

4. В гл. 22 «Чжуан-цзы» иероглиф *чжуан* составляет бином с другим портретным термином — *мао* (см. ниже), который означает некий облик-впечатление, не способный не иметь ни формы, ни вида, поскольку речь там идёт об «облике отсутствия» (*у*). Нетождественность облика-*чжуан* форме и возможность словосочетания «облик отсутствия» по-особому раскрывают этот термин и применительно к портретным изображениям.

5. В значении «портрет человека» *чжуан* известен по искусствоведческому сочинению «Ли-дай мин-хуа чжи» («Исторически последовательные записи рассказов о знаменитых произведениях живописи») Чжан Яньюаня (IX в.), который использует его при описании печально известной истории раннеханьского императора Юань-ди (43–33 гг. до н.э.), приказавшего художнику Мао Яньшоу нарисовать всех обитательниц гарема, с тем чтобы можно было, не теряя время на знакомство, выбирать по изображённому облику-*чжуан*. Красавица Ван Чжаоцзюнь не заплатила художнику и поэтому он изобразил ее непривлекательной. На основании этого облика император решил отдать Чжаоцзюнь вождю варваров сюнну. Однако, взглянув на нее перед отправкой, горько пожалел о своем решении и не раз тщетно пытался вернуть красавицу обратно в свой дворец, а художника приказал казнить.

IV. Третий термин — *жун* — иной по своему характеру. Иероглиф этот встречается в раннечжоуских «письменах на бронзе» (*цзинь-шу*). Основное его значение — «вмещать», «содержимое»; он также может выражать возможность, дозволенность того или иного действия или явления («вмещаемость» его в некую упорядоченную систему). Применение данного иероглифа в значениях «облик», «внешность», также известное с древнейших времен, отчасти сохранилось в современном языке, в нескольких словах. Например, *и-жун* («внешний вид», букв. «внешнее содержание», или «вмещение внешне принятой церемониальной формы», «вмещение человеческого значения», даже «морального долга»); *жун-мао* («наружность», «черты лица»; букв. «содержится в лице», или «вмещение лица»); *жун-чжи* («манеры», «осанка»; букв. «содержится в ногах»). В качестве термина, обозначающего портрет, *жун* известен по трактату «Кун-цзы цзя юй», но отсутствует в специальных искусствоведческих текстах типа «Ли-дай мин-хуа цзи» и «Ту-хуа цзянь вэнь чжи» («Записки о виденных и известных по рассказам произведениях живописи»).

V. В «Ли-дай мин-хуа цзи» и «Ту-хуа цзянь вэнь чжи» присутствует неспецифичный термин *чжэнь* — «истинный», просто утверждающий сходство, соответствие изображения модели.

VI. И, наконец, последний известный нам термин — *мао*. Он представляет особый интерес, поскольку его исходное значение — «человеческое лицо». В точном значении «портрет человека» *мао* фиксируется с VII в. Чжан Яньюань использует его, ссылаясь на поэта VII в. Ду Фу, при описании портретов эпохи Тан (618—907). Китайские толковые словари относят применение *мао* в значении портрет к современнику Чжан Яньюаня — Оуян Сю, у которого в гл. 76 «Новой книги о [династии] Тан» («Синь Тан шу») говорится о создании в период танского Сюань-цзуна (712—756) портретов наложниц для дворцового зала, предназначенного для царского отдыха. Однако, по всей вероятности, реальное формирование данной семантики произошло значительно раньше. Так, в гл. 19 предположительно поздне-ханьского источника «Канон вод» («Шуй цзин»), впоследствии собранного и отредактированного Ли Даюанем (?—527), описан некий эпизод, который допускает переходное понимание *мао* и как лица-облика, и как его изображения:

«В древности существовало изваяние (*сян*) святого Цунь Лю, [и вот как оно возникло:] Когда этот святой беседовал с Лу Банем²², Бань приказал духу выйти. Цунь Лю сказал: „Мой облик (*мао*) деформирован, а Вы — мастер рисовать предметы — запечатлеете (*жун*), — не могу я выйти“. Тогда Бань произнес, сложив приветственно руки: „Высунь голову, покажи мне“. Цунь Лю высунул голову, а Бань ногой нарисовал [ее] на земле. Почувствовав это, Цунь Лю погрузился в воду. Поэтому, [когда мастер сделал эту] статую (*сян*), ее поместили в воду, и только то, что выше спины, поднимается над водой».²³

В данном тексте встречаются одновременно три «портретных» иероглифа: *мао* — в качестве прообраза, *жун* — в качестве обозначения действия «рисовать портрет» и *сян* — в качестве итогового художественного произведения.

Таким образом, древнекитайские портретные термины могут указывать на связь жанра с человеком и создание его подобия (*сян*); фиксировать идею воссоздания формального облика, внешней формы (*чжуан*); могут, наоборот, подчеркивать принцип выявления внутреннего содержимого или вмещения облика в стабильную форму (*жун*); и, наконец, могут непосредственно фиксировать связь портрета с лицом (*мао*).

В конце концов наиболее популярным, сохранившимся до наших дней и заимствованным культурами Кореи и Японии термином стал иероглиф *сян*, ключевой элемент которого — «человек», а фонетик — «подобие» или «образец».

Те же портретные изображения, что связаны с лицом-личиною, а не с телом-личностью, оказываются в Китае вне привычной для западной традиции личностно-психологической проблематики, выполняя в первую очередь общественные функции (фиксация моральных качеств конфуцианского «благородного мужа» в изображениях идеальных сановников).

Отчасти подобная ситуация сохранялась на протяжении всей истории китайской живописи. Однако, примерно с эпохи Южной Сун (1127—1279) формируется идея иного портрета — не лицевого и не телесного, но «передающего дух» (*чуань шэнь*), способный проявиться в порой трудно уловимых, но «существенных» чертах внешности и в характере движения. Согласно остроумному замечанию представителя русской культуры историка искусства Н.И. Жинкина, «портретирование — процесс *олицетворения* телесной формы», понимаемый в смысле «*оухотворения*» (курсив мой. — О.Г.)²⁴. В Китае же «оухотворение» вполне может обходиться без олицетворения. Китайская культура свободна от догматики лица как явленного божества, как лика с Туринской плащаницы, поэтому портретом там может быть признано и изображение человека, повернутого спиной, если в этой позе явлена его суть. Не отрицая особой значимости глаз, китайские художники могли найти характер человека и в паре волосков на подбородке.²⁵ Примечательно суждение художника и теоретика жанра *жэнь-у* («люди и вещи») Шэнь Цзечжоу (XVIII в.):

«Душа человека иногда выражается в глазах, бровях, крыльях носа, уголках рта, скулах и щеках, иногда — в общих чертах лица, например, в широких или узких морщинах на коже, оспинах и складках»²⁶.

В целом историю китайского портретного искусства можно свести к трем основным этапам, знаменующим становление трех типов портрета. 1. Появление индивидуальных зарисовок, набросков внешности знакомых и встречаемых, вероятно, примерно с III в. до н.э., а с II в. — помпезных частных заказов на создание портретов. 2. Возникновение официального «личинного»²⁷ портретирования, очевидно, уже со II в. до н.э. 3. Формирование в средние века понятия «передачи духа», схватывание его «идеи» (се и — букв. «писать идею») в обобщенных формах. В то же время искусство скрупулезно проработанного психологического портрета, с его идеей передачи внутреннего содержания через внешние черты лица, в Китае никогда не существовало.

Любопытно, что в при этом в Китае с древности была терминологически уточнена, закреплена связь данного жанра с человеком, с идеей сходства и с пониманием воссоздаваемого портретом облика как лица, а в таких «портретных» культурах, как Рим и Западная Европа, такого нет. Тому, вероятно, в первую очередь можно назвать две причины. Во-первых, китайский портрет не был жанром религиозного искусства, и поэтому его терминология носит сугубо рациональный, «технический» характер; во-вторых, китайский портрет формировался параллельно с китайской концепцией лица и стал одним из наиболее последовательных ее отражений.

Сопоставление китайской и западной традиций восприятия личности и портретирования позволяет по-новому взглянуть на некоторые реалии культуры XXI в.

Хотя для Европы и России искусство, отображающее облик индивидуальной божественной души, было особо чтимо, но в последнем столетии, когда заострились противоречия между индивидуальностью и стихией масс, когда культура начала метаться от идеи «сверхчеловека» до апологии вкусов толпы и самоценности любых «естественных» инстинктов, на лице европейского искусства портрета явно проступили болезненные черты.

Слегка опережая закат психологического портрета, возникла идея, что передача индивидуального духа может быть осуществлена множеством способов: через особый характер линий, цвето-, слово- или звукосочетаний, через обобщенную или абстрактную форму, которая порой представляется усложненной, многоаспектной, порой — простой, прозрачной, легко считываемой. Умозрительно фиксируется поливариантность и необязательность любой, как привычной и каноничной, так и нововведенной, формы.

Западная цивилизация уже претерпевала процесс разрушения портретных форм и представлений об их рациональности, девальвацию индивидуалистического мировоззрения, которое уступило место идее всечеловеческого единения и просветления в Боге, разрешившее коллизии Римской империи в ее правопреемнице Византии. Тогда, к концу III в., на Западно-Римских просторах портрет оказался утрачен, но на Восточных его ожидало спасение и преобразование, с принятием новых священных функций.

В современную эпоху, когда общество, с одной стороны, распалось на множество «я», не интересующихся соседним, а с другой, «культура» становится все более и более «массовой», соответствующим образом меняются представления о человеке, лице, теле и личности, трансформируется и роль портрета. Кончилось время его существования как высокого искусства, и теперь он бытует в основном в трех формах, неожиданным образом сходных с основными типами портрета, традиционными для Китая: 1) картины для индивидуального потребления: от набросков уличных художников до более дорогих заказов изображений «себя любимого» или своих близких; 2) портреты-личины общест-

венных деятелей, где лица подобны идеализированным маскам, в которых не анализируется духовная сущность, а навязывается программная идеология; 3) портретные «воплощения души», зачастую абстрактные, формально не укладывающиеся в рамки привычного понимания портретного жанра. Налицо некая его «китаизация». И это, безусловно, является симптомом кардинального изменения духовных основ всей западной культуры.

- 1 Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 518.
- 2 Цирес А.Г. Язык портретного изображения // Искусство портрета. М., 1928. С. 87.
- 3 Сомов А.И. Портрет // Энциклопедический словарь, Брокгаузь и Эфронъ. Т.24а. СПб., 1898. С. 605-606.
- 4 Faulkner R. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford. 1962. P. 174.
- 5 Большаков А.О. Представление о двойнике в Египте Старого царства // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 28-29.
- 6 Тахо-Годи А.А. О древнегреческом понимании личности на материале термина *soma* // «Вопросы классической филологии». Вып. III-IV. М., 1971. С. 274-275.
- 7 Там же.
- 8 Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 502.
- 9 Хранится в музее Государственного Эрмитажа.
- 10 Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 154.
- 11 Там же. С. 159.
- 12 Иероглиф *лянь* — «лицо» — я не рассматриваю, во-первых, как менее древний, во-вторых, поскольку он не встречается в описании портретов.
- 13 Сюнь-цзы инь-дэ (Индекс к «[Трактату] Учителя Сюня»). Шанхай, 1988. С. 62, стк. 78.
- 14 Входит в цз. 4 канонического свода «Чуские строфы» («Чу цы», IV—III вв. до н.э.). См.: Чу цы чжи цзе («Чуские строфы» с уточняющими разъяснениями). Цзянсу, 1990. С. 231; в переводе А. Гитовича см.: Цюй Юань. Стихи. М., 1954. С. 115.
- 15 «Чу цы», цз.3. См.: Чу цы чжи цзе. С.123; в плохо передающем смысл переводе А. Адалис см.: Цюй Юань. Указ. соч. С. 67.
- 16 «Чу цы», цз. 9. См.: Чу сы чжи цзе. С. 349; Цюй Юань. Указ. соч. С. 130 (весьма поверхностный перевод А. Ахматовой).
- 17 Цит. по: Ян Цзунжун. Чжань-го хуэй-хуа цзы-ляо (Материалы по живописи периода Чжань-го). Пекин, 1957. С. 3.
- 18 В текстах теоретика живописи Гу Дао (776-843 гг. н.э.).
- 19 Чжуан-цзы инь-дэ (Индекс к «[Трактату] Учителя Чжуана»). Шанхай, 1988. С. 29, стк. 12. В.В. Малявин в данном контексте переводит иероглиф *чжуан* словом «судьба». См.: Чжуан-цзы. Ле-цзы. Пер. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 128.
- 20 Чжуан-цзы инь-дэ. С. 35, стк. 59.
- 21 Чжуан-цзы инь-дэ. С. 30, стк. 44.
- 22 Лу Бань — легендарный персонаж, чудо-мастер, плотник из царства Лу.
- 23 Шуй цзин чжу («Канон вод» с комментарием). Т. 6 // Сы бу цун кань (Свод публикаций по четырём разделам). Т. 1114. Шанхай, 1919—1936. Цз. 19, л. 10
- 24 Жинкин Н.И. Портретные формы // Искусство Портрета. М., 1928. С. 13.
- 25 Пример из рассуждений о портрете знаменитого мыслителя, поэта и художника Су Ши, которые приводятся в собрании искусствоведческих трактатов «Слово о живописи из сада с горчичное зерно». См.: Слово о живописи из сада с горчичное зерно. Пер. с кит. Е.В. Завадской. М., 2001. С. 308-309.
- 26 Цит. по: Слово о живописи из сада с горчичное зерно. Указ. изд. С. 312.
- 27 Термин Е.В. Завадской. См.: Завадская Е.В. Лицо как лик и как личина в китайском портретном искусстве // Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М., 1975. С. 83-84.

Культура

Творческие поиски Цань Сюэ

© 2003

Г. Юсупова

В этом году китайской писательнице Цань Сюэ исполнилось 50 лет. Это имя сегодня широко известно, ее творчество не только взбудоражило литературные круги Китая и всей Азии, но и заинтересовало Европу и Америку. Нельзя сказать, что ее произведения стали бестселлерами: они рассчитаны далеко не на каждого. Скорее это элитарное чтение для подготовленного читателя. В России, к сожалению, с творчеством писательницы знакомы лишь знатоки китайской литературы, так как на русском языке были напечатаны только некоторые короткие рассказы.

Цань Сюэ начала печататься в 1985 г., сейчас общий объем уже опубликованных ее произведений составил более 1 млн. иероглифов. Ее проза переведена на 10 языков мира и изучается в таких известных университетах, как Токийский, Гарвардский, Калифорнийский.

В 1988 г. в КНР вышел первый сборник ее произведений "Диалоги в раю", а еще раньше, в 1987 г. на Тайване, — сборник «Глиняная улица», в 1990 г. в Гонконге напечатана книга «Перформанс, прорвавшийся сквозь окружение».

После того, как в западной периодике появились переводы ее произведений, множество литераторов стали переписываться с ней, издатели обращались за разрешением на публикацию, появились исследования ее творчества.

Американский ученый-литературовед, преподаватель университета Рональд Джонсон совместно с китайским студентом перевел ряд произведений Цань Сюэ на английский язык и написал о них несколько статей. В 1989 г. в издательстве Северо-западного университета были напечатаны "Диалоги в раю", а в 1991 г. вышел сборник "Ключья облака". В предисловии к нему известный американский литературный критик Шарлотта Иннес дала такую оценку ее творчеству: "Цань Сюэ — это революция. А с точки зрения западного читателя — самый интересный и оригинальный китайский писатель"¹.

В 1989 г. журнал "Нью-Йорк таймс" поместил рецензию на сборник "Ключья облака" под названием «Книга, бросающая вызов всему человечеству». В 1991 г. в том же журнале появилась статья другого известного критика Джона Домини, посвященная творчеству Цань Сюэ.

В 1987 г. сотрудница Токийского университета, специалист по китайскому языку и литературе Кондо Науко встретила с писательницей, в 1989 г.

Юсупова Гузель Адельевна, преподаватель китайского языка и литературы Института востоковедения при Казанском государственном университете, аспирантка ИДВ РАН.

опубликовала переведенный ею сборник "Ключья облака", а в 1991 г. выпустила полное собрание сочинений Цань Сюэ на японском языке под общим названием "Миг, когда кричит кукушка". Рецензии о творчестве писательницы были напечатаны в различных литературных изданиях Японии.

В 1991 г. французский и итальянский переводчики приезжали в Китай для знакомства с писательницей, и в 1992 г. французское издательство Галимар издало сборник «Диалоги в раю», вызвавший положительные отзывы.

В 1996г. издательство провинции Сычуань выпустило собрание сочинений Цань Сюэ в трех томах.

В России о Цань Сюэ писал лишь один исследователь и переводчик — С. А. Торопцев. Им было опубликовано несколько ее рассказов и статей о ее творчестве в журналах «Иностранная литература», «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня».

Цань Сюэ и Хунань.

Мне удалось общаться с Цань Сюэ в 1994-95 гг. во время годичной стажировки в КНР в ее родном городе Чанша провинции Хунань. Ее произведения поразили меня своей оригинальностью и особым китайским, а если точнее южно-китайским колоритом. Я перевела некоторые из них. Особенно ценными были для меня пояснения и замечания самого автора. Ведь семантические оттенки отдельных выражений или даже одного слова могут полностью изменить звучание целого произведения. Каждое слово Цань Сюэ — код, за которым скрываются ассоциации.

На мой взгляд, ключом к пониманию загадки Цань Сюэ могут стать ее собственные слова из рассказа "Летнее солнце прекрасного юга": "...Поддерживающая и питающая мой дух сила — это лето прекрасного юга, жаркое южное солнце, "горящее" светлое настроение. Девчонкой я бесчисленное число раз долгими часами босиком ходила с непокрытой головой под палящим солнцем, полная ликующего восторга, погруженная в мир безграничных фантастических иллюзий"².

Цань Сюэ говорит о себе: "Я смею сказать, что все мои произведения полны ясного света. И он проступает повсюду между строк. Я еще раз подчеркиваю — источник моего творчества — палящее солнце прекрасного юга. Именно потому, что в душе есть свет, мрак оказывается мраком, и только потому, что есть рай, может существовать смертельный, жуткий опыт ада, именно из-за переполненности человеколюбием можно оторваться и подняться над самим человеком"³.

Природа южного Китая необыкновенна, на взгляд жителя средней полосы России, необузданно пышна и ярка. И эта необузданность органически входит в творчество Цань Сюэ, а, возможно, и само творчество питается ею. Молочный, теплый туман, липкий сумрак южной ночи, низкое серое небо зимы, «жгущее языками пламени» солнце — все эти явления неотделимы от ее произведений. Особая роль в них отводится солнцу, оно как знак состояния человеческой души всегда разное: от еле просвечивающего лика до огромного огненного шара.

Произведения Цань Сюэ будто пропитаны запахами южно-китайского города. Читая их, словно вдыхаешь аромат цветущих на горе Юэлушань магнолий, персиков, хризантем, лотосов, а совсем рядом под горой — город из стекла и бетона с парадной улицей имени Первого мая и с зловонными лужами на задворках. В произведениях писательницы существуют два мира: один — мир грез, наполненный сиянием солнца, цветущими полями, тенистыми лесами с пахучими деревьями и другой, в котором собственно пребывают персонажи — темный, неприветливый и даже кошмарный...

Очень необычно входят в произведения Цань Сюэ живые существа. Насекомые, крысы, кошки, змеи стоят у нее на том же уровне, что и человеческие персонажи. Они ползают уверенно и свободно, словно нет между человеком и зеленой гусеницей никакой разницы. И в реальной жизни китайского юга люди и эти существа — близкие соседи. Я помню свой первоначальный шок от висящей за москитной сеткой летучей мыши и от ползающих по потолку ящериц, которые время от времени падали прямо на кровать.

Цань Сюэ выросла у горы Шэншань в окружении деревьев, и Дерево она ощущает мистически — как некое таинство. Часто в ее произведениях шелковицы, камфорные, тангутские и другие деревья становятся объединяющими центрами повествования.

Многие понятия в произведениях Цань Сюэ, как, кстати, и других восточных авторов, трудно переводимы для европейца. Как, например, передать «цвет соленых огурцов», если в Китае они совсем другие, чем у нас, цвет имбиря или южно-китайской красной почвы (у писательницы есть целая повесть под названием «Глиняная улица»)?

Иные, чем мы, и сами обитатели этой чудесной земли. Например, типаж «маленького мужчины» или упрямо идущей к своей цели женщины очень характерны для Хунани. Цань Сюэ отмечает: «Хунань — странное место, место, где много странных людей. Говоря грубо: хунаньцы -- люди взбалмошные, но есть и хорошая сторона — они стремятся к чему-то, больше того начнут — не остановишь.»⁴

За самой Цань Сюэ в родном городе закрепилась репутация «странной». Можно сказать, что встретиться с Цань Сюэ мне просто посчастливилось, так как многие иностранные журналисты и критики, приезжавшие в Чанша специально для встречи с ней, покидали город, не добившись своей цели. Я думаю, что главной причиной ее радушного ко мне отношения стала ее любовь к русской культуре. Цань Сюэ преклоняется перед гением Толстого, Достоевского, Тарковского.

Писательница предпочитает вести очень замкнутый образ жизни. Непрошенным гостям она не открывает дверь, а телефон в квартире почти всегда отключен. Лишь недавно писательница переселилась из родного города в Пекин.

В Чанша она с мужем и сыном жила в небольшой квартире на окраине города. Ее любимыми друзьями были кошки, живущие в доме. Ту же нежную привязанность к бессловесным созданиям испытывала ее японская переводчица и страстная почитательница ее таланта Кондо Науко — одна из редких ее друзей и единомышленниц. Благодаря именно ей, о Цань Сюэ узнала Япония. Ее переводы были сразу опубликованы в лучших литературных изданиях. Тогда меня восхитило то, как скрупулезно работает японская переводчица. Она уточняла у автора тончайшие оттенки смысловых значений диалектных оборотов, упомянутых цветов, совпадение или различие звукоподражаний в китайском и японском языках. Кондо Науко рассказывала мне о методе своей работы, о том, как она десятки раз переписывает каждый отрывок, добиваясь предельной точности и передачи состояния героев произведения.

Сама Цань Сюэ, на мой взгляд, тоже представляет особый тип «художника-трудоголика». Она не ждет, пока на нее снизойдет вдохновение, а пишет каждый день, выполняя свою обязательную «трудовую норму». Ее день начинается рано утром и заканчивается поздно вечером. Сидя за письменным столом, она не замечает ни разговоров окружающих, ни шума телевизора. «Когда пишу, могу совершенно не думать о других вещах, с головой ныряя в мир своих творений. Я никогда не чувствовала «вдохновения», о котором так много говорят. Возможно, я всегда в нем пребываю, могу управлять им.»⁵

Цань Сюэ и годы «культурной революции».

Настоящее имя писательницы — Дэн Сяохуа. Она родилась 30 июня 1953 г. в городе Чанша. Родители ее были убежденными партийцами старой закалки. Отец был крупным партийным работником, директором центральной газеты провинции Хунань. Там же работала мать. В 1957 г. в период «охоты на ведьм» на отца навесили ярлык «главы антипартийной группировки газеты «Новая Хунань» и сослали на «трудовое перевоспитание». Мать выслали на исправительные работы, семью в несколько человек заставили ютиться в двух десятиметровых комнатухах, бабушка погибла от голода...

Так обрушился мир вокруг маленькой девочки. Возможно, именно эти события сыграли решающую роль в формировании ее личности.

Изучая творчество Цань Сюэ (таким стал ее псевдоним), мы, конечно, не можем не рассматривать его вне политической и культурной среды и не сравнивать ее с другими представителями китайского модернизма. Как и у многих современных писателей КНР, ее творческий путь неразрывно связан со страданиями, вызванными гонениями и репрессиями в период «культурной революции». Сама она говорит, что в детстве испытала те же лишения, что и все дети ее поколения. Это были трудности как материальные, так и моральные. Она искренне переживала, что ее, дочь врага народа, не приняли в хунсябины. Произведения Цань Сюэ, безусловно, несут на себе отпечаток этого сложного исторического периода. И ее творчество можно рассматривать как своеобразную реакцию на политические и культурные события тех лет. Причем оно гораздо глубже и сложнее нежели «прямые» описания действительности. Она смогла выразить собственные убеждения на своем метафорическом языке.

Когда писательницу спрашивают, связано ли ее творчество с политической обстановкой в КНР, она отвечает: «Возможно, но это лишь одна сторона. Другая, может быть, более важная, это — наследственность. Мое «доискивание» до сути вещей, наверно наследственный фактор, переданный мне отцом. Да и мать была таким же человеком, как он. Разница между мной и отцом лишь в том, что его искания были направлены во внешний мир, а мои во внутренний мир самой себя».⁶

Особенной чертой личности Цань Сюэ является необычайная целеустремленность и цельность характера. Этими же качествами отличались характеры ее родители. Они соединили свои судьбы в переломные для Китая годы, и основой их союза стали именно общие устремления, их непоколебимая вера в коммунистические идеи.

Во время «культурной революции» Цань Сюэ закончила шесть классов начальной школы, больше ей учиться не пришлось. В 1970 г. она начала трудиться в маленькой кустарной мастерской. В течение 10 лет будущая писательница была и разнорабочей, и станочницей, и даже кузнецом. В 1978 г. вышла замуж за одного из тех редких молодых людей, которые получили возможность вернуться в город. После рождения сына ушла с завода и стала зарабатывать на жизнь шитьем, тогда же начала писать.

Десятилетие «культурной революции» не могло не сказаться на ее жизни и творчестве, горечью пережитого пропитаны все ее произведения. Думается, уходя от реальности, замыкаясь в своем внутреннем мире, Дэн Сяохуа начала свой путь к Цань Сюэ.

«Моя мать превратилась в деревянное корыто с мыльной водой» — это первая строка рассказа «Мыльные пузыри на грязной воде» — первого опубликованного Цань Сюэ произведения. «Человек ставший мыльной пеной» — образ, очень точно отразивший скрывающуюся под личиной высоких идей грязь «культурной революции». Конечно, в этом маленьком рассказе напрямую не

описываются политические события тех лет, речь идет о совсем незначительных семейных делах. Кроме фантастических превращений в начале и конце рассказа, остальное его содержание вполне реально.

В нем уже четко просматривается общее ведущее направление ее творчества -- передача сложнейших переживаний, исканий, размышлений о сущности человеческой жизни через описание обыденнейших событий.

Материалом для написания повести "Глиняная улица" также стали реалии жизни в годы «культурной революции». В ней едко высмеиваются люди, в которых отсутствует собственное "я", а есть только "мы". Жизнь героев повести замкнута на зловонной Глиняной улице. Единственная ценность для них — работа на каком-то секретном заводе. Безликие люди, безликая улица, завод, производящий неизвестно что и для кого, — очень похоже на действительность тех лет!

Не ясно, когда происходят описываемые в повести события — в настоящем или в прошлом времени, во сне или наяву, но они узнаваемы. Безымяннен город S, его нет на карте, но в нем, как в кривом зеркале, отразились все города Китая. В произведении нет ничего конкретного, оно перешагнуло через барьеры реального. Творчество Цань Сюэ выплеснулось за рамки реализма и смогло воплотить целостный образ «культурной революции» в принципиально иной художественной форме.

Реализм или модернизм?

В современной литературной критике КНР идут ожесточенные споры о том, каким путем должна идти китайская литература: «реализм или модернизм?» Цань Сюэ нельзя однозначно причислить к какому-либо направлению. Она, безусловно, воспитана на классических произведениях, много читала классиков русской и западной литературы. Но в ее собственном творчестве отчетливо видно отрицание принципов, на которых зиждется реалистическая литература. Цань Сюэ не описывает действительность и не объясняет ее. "Я чувствую, что об этом и последующем десятилетии я могу сказать что-то неизвестное обычным людям, нечто еще не высказанное. Я хочу посредством литературы, в новой нарождающейся форме высказать это. Внутри меня постепенно зарождаются и копятя абстрактные и очень ясные образы. Я начинаю писать каждый день понемногу, совсем не зная, почему так или иначе, лишь намертво уцепившись за свой рай, вновь и вновь находя радость игры и испытывая удовольствие".⁷ Несмотря на это высказывание, Цань Сюэ нельзя безоговорочно отнести и к модернистам, хотя по множеству формальных признаков можно было бы это сделать. Литературные критики ее родной страны причисляли Цань Сюэ ко всем модернистским течениям. Одни — к фрейдизму, толкуя рассказы писательницы как "сны". Другие нашли ключи к пониманию ее творчества в китайских напевах "юэфу". Да, ее искусство допускает самые разные толкования, и все они имеют право на существование.

Иными словами, творчество Цань Сюэ невозможно рассматривать ни в рамках реализма, ни в рамках модернизма. Оба направления во главу угла ставят отношения между объективным миром и личностью, разделяют их, воздвигая между ними стены. Цань Сюэ порывает все нити, которые связывали бы ее с категориями времени и действительности. В ее творчестве метафоричны и общество, и личность, в нем существующая. Они неразрывно переплетены между собой.

Ее лирический герой, а вернее героиня, стремится к безбрежному идеалу своего «я». Через это «я» Цань Сюэ передает свое представление о таких понятиях, как «правда», «чувства», «реальность». Так же, как и у китайских поэтов-классиков, ее лирический мир — это целый космос, а не эгоистическое

«я». Творчество Цань Сюэ — своеобразная эманация древней китайской лирики в современной модернистской оболочке.

Многие критики пытаются разъяснить ее творчество в общественно-политическом контексте, но нам представляется более важным ее личный опыт. Если читать ее произведения лишь как описание современного общества, они потеряют многое из своей эстетической ценности и превратятся просто в жанр абсурда. Хотя, безусловно, «абсурд» близок Цань Сюэ. Ее произведения не так поверхностны, как может показаться на первый взгляд, в них заложен глубинный смысл. Она передает своим языком свою правду своего мира. Цань Сюэ выработала собственную творческую концепцию и особый стиль выражения. По словам С.А. Торопцева, «ее проза как бы выпала из потока современной литературы КНР и проносится мимо, не задевая ее, они не пересекаются, существуют в разных измерениях — пространственных и временных».⁸

Цань Сюэ и «женская» литература.

Мы можем смело говорить о Цань Сюэ как об одном из интереснейших и необычных явлений в «женской» литературе современности. Искусство, созданное женщиной, неизбежно несет на себе печать ее тонкой чувствительной души. «Женские» произведения бывают более эмоциональны, нервны. Стиль писательниц порой неуловимо, а порой и очень резко отличается от стиля их собратьев по перу.

Однако нельзя сказать, что Цань Сюэ является продолгательницей традиционной женской линии. В ее произведениях нет свойственных дамским романам воспеваний сентиментальной любви и гармонии семьи или описаний тонких женских переживаний. Напротив, мы сталкиваемся с «семьей наоборот», не созидающей, а разрушающей саму себя, и с «женщиной наоборот», естество которой методично вытравливается как ею самой, так и окружающей ее жестокой действительностью.

Критики считают, что это произведения с самой большой ударной силой в мировой литературе. Да, они крушат традиционные стереотипы идеальной женщины и матери, деформируют привычные семейные отношения, переориентируют социальные роли в обществе. Жизнь героев Цань Сюэ до жути обыденна, противна и бессмысленна. Кажется, что они живут в странном сне, на грани реального и ирреального. Удивительно, как эта болезненная искорженность порождает неожиданные комбинации образов и символов, странную «извращенную» эстетику нового времени. Джон Домини сказал о писательнице: «И в этом, казалось бы, безнадежно больном мире она создала новый символический язык, а ее произведения — чудо, рожденное в труднейших условиях».⁹ Действительно, ее прозу нельзя причислить к потоку натуралистически эпатажной литературы, хлынувшему на страницы китайской печати в последние годы. Часто молодые литераторы за шокирующей формой повествования прячут полное отсутствие идей или несостоятельность скудных мыслей, тогда как произведения Цань Сюэ глубоко выстраданы, проникнуты человеколюбием, в них находят отражение нежелание и невозможность людей понять друг друга, найти общий язык.

Творчество писательницы — это еще одна попытка человека найти свое место в мире. Оно созвучно таким авторам, как Гарсия Маркес, Франц Кафка, Уильям Фолкнер, что позволяет включить ее сочинения в контекст мировой литературы и культуры в целом.

О Цань Сюэ написано много. Она, несомненно, признана одной из интереснейших писательниц современности. Несмотря на это, нет ни одного исследования ее творчества с точки зрения различий в философии и стиле «мужской» и «женской» литературы.

Вплоть до наших дней феминистская литература продолжает основываться на мировоззренческом базисе патриархального общества. В течение столетий роль женщины замыкалась в цепочке “дочь — жена — мать”, а ее жизненное пространство ограничивалось “кухней — гостиной — спальней”. Конечно, нельзя отрицать, что в литературе время от времени появляются “обратные” типы, например, Нора Ибсена. Но и она, покинув семью, не отвергает институт семьи в принципе, но ищет идеальный брак. Другая смелая героиня — Джейн Эйр Шарлотты Бронте, ставшая символом феминисток, тоже протестует, но не стремится ли она в конечном счете к тому же привычному патриархальному укладу семьи?

Мудрый Лев Толстой осуждает холодную бесчувственную семейную жизнь Карениных, и он же порицает не соответствующую законам общества любовь Анны и Вронского. Толстой не оставляет Карениной иного выхода, как самоубийство под колесами поезда.

Если сентиментальная полная любви и согласия семья, нежные чувства женщины являются неизменными спутниками женской литературы то, в таком контексте произведения Цань Сюэ — nonsense! В них, как уже было сказано, — “семья наоборот”, “женщина наоборот” и “эстетика наоборот”. Таким образом, Цань Сюэ стоит особняком от общей линии в женской литературе.

Главная тема первого рассказа Цань Сюэ “Мыльные пузыри на грязной воде” — убийство матери. Для начинающей писательницы — весьма неординарная!

В нем описывается так называемая неполная семья матери-одиночки. Так же, как во всех подобных семьях, героиня выполняет роль и отца, и матери одновременно. В данной ситуации она совмещает в себе угнетателя-деспота и объект угнетения. Перед лицом мужчины она — послушный раб, а перед сыном — властный тиран. Эта женщина почитает лишь саму себя. Под тяжестью ее произвола личностное “я” ребенка сжимается и запирается внутри самого себя. Сын — беспомощное инфантильное создание. Все решения, включая женитьбу, берет на себя мать. Его протест, не находя выхода, уходит глубоко внутрь. И однажды мать превращается в корыто с мыльной водой. Нет, эта “плачущая, сидя на маленькой табуретке” женщина “с тонкой грязной шей” и “вечно гноящимися пальцами ног” не умерла, ее убийство произошло в воображении сына. Он не обладает ни смелостью, ни силой действия, ни способностью осознать реальную обстановку. Как и большинство мужских персонажей Цань Сюэ, он лишен стремлений и надежд.

Очень нелегко найти в ее творчестве образ дружной хорошей семьи. В рассказе “Туман” мать не проявляет к своей семье никакого интереса. Она сообщает всем о своем уходе и постоянно ищет яйцо, утверждая, будто его снесли выращенные ею две несущки. Однако вся семья знает — уже двадцать лет у них нет никаких несущек. Отец полагает, что она сошла с ума, и больна уже много лет. Яйцо в данном случае можно трактовать как символ рождения новой жизни, как смысл, плод, результат всей ее жизни. Она пытается отыскать за пределами реальности то, чего не смогла приобрести в настоящем. Что обрела эта женщина за двадцать лет замужества? — никемного мужа, двух больных, неспособных передвигаться сыновей, дочь, которая не узнает отца с матерью. Муж постоянно бормочет о своем решении разок попутешествовать, начать новую жизнь или совершить великое дело, но ... не может найти рюкзак. Отец семейства по инерции считает себя “главным”, угнетает и бесчинствует, но его крах лишь вопрос времени. Мать сообщает дочери: “Твой отец — это просто пальто, ... а внутри — ничего”. В образе двух неспособных передвигаться сыновей ясно прочитывается часто повторяющаяся у Цань Сюэ аллегория вырождения патриархального мира. Женщины, потерявшие в патри-

архальном обществе возможность получить образование, хотя и полны негодования, не могут что-либо изменить. В произведениях Цань Сюэ они "проглатываются" машиной подчинения патриархального общества, теряют свое "я", сходят с ума...

Да, жизнь героев Цань Сюэ часто кажется кошмарным сном. Но для человека, проникшего в их особый мир, он незабываем.

В творчестве Цань Сюэ удивительно переплетены литературная утонченность и просторечье крестьянина, одухотворенность одних образов и грубость других. В нем новизна соединена с древней традицией, западные веяния звучат с восточным колоритом.

Возможно, оно более понятно, ментально близко восточному человеку. Казанские читатели с большим интересом восприняли переводы произведений Цань Сюэ на татарский язык.

Но и европейцам ее творчество не чуждо, они видят в нем традиционно китайский характер. Сама Цань Сюэ считает, что «ее произведения имеют общечеловеческий характер именно потому, что они описывают сущность китайского общества».¹⁰

1. Can Xue. Old floating Cloud. Evanston. Illinois: North western University Pres. 1989.
2. Цань Сюэ. Мэйли наньфан чжи сяжи (Жаркое лето прекрасного юга) // Чжунго. 1986. №11.
3. *ibid*
4. Чуанцзо чжун дэ сюши. (О сущности творчества)// Шэн дянъ дэ цинпи. Гуйчжоу. 1993.
5. *ibid*.
6. *ibid*.
7. Цань Сюэ. Цань Сюэ цзыво инсян. (Цань Сюэ. Впечатления о самой себе)// Шэнь-дянъ дэ цинпи. Гуйчжоу, 1993.
8. Иностранная литература. 1993. №8
9. New York Tims. 1991.№12.29.
10. Чуанцзо чжун дэ сюши. (О сущности творчества)// Шэн дянъ дэ цинпи. Гуйчжоу, 1993.

Японская культура в условиях глобализации

© 2003

О. Железняк

В 90-х годах XX века в средствах массовой информации, в общественно-политических и социально-экономических изданиях многих стран мира большое внимание стало уделяться феноменам "интернационализации" и "глобализации". Связанные с ними проблемы и вызовы затрагивались в выступлениях большинства лидеров 189 государств, собравшихся в Нью-Йорке на Саммите тысячелетия в ООН в сентябре 2000 года, где присутствовали также представители Японии.

Сегодня в Японии тема глобализации является, пожалуй, одной из самых популярных и широко обсуждаемых как в научных кругах, так и среди широкой общественности. По проблеме глобализации подготовлено и опубликовано множество работ, включая серьезные научные исследования. На основании их анализа можно сделать заключение, что выработка определений понятий "интернационализации" и "глобализации" практически завершилась. Несмотря на то, что общепринятых окончательно оформленных дефиниций пока еще нет, развернутые и широкие описания процессов "интернационализации" и "глобализации" уже имеются и постепенно вводятся в научный оборот. При этом рассматриваются связанные с этими процессами изменения происходящие в экономической, политической, культурной и других сферах.

Интернационализация, по мнению большинства японских аналитиков, представляет собой длительный процесс, в то время как глобализация является его современной стадией, характеризующейся резким ускорением, вызываемым бурным развитием информационно-коммуникационных технологий.

Подавляющее большинство японских исследователей считает, что в самом широком смысле интернационализация — это процесс взаимодействия культур, проявления которого, время от времени, давали о себе знать на протяжении всей истории человечества. Подобное толкование интернационализации японскими учеными обусловлено, прежде всего, тем, что сама Япония, хотя и обладала высокой собственной национальной культурой (цивилизацией), пережила несколько стадий интернационализации как реципиент внешних достижений.

Первая волна интернационализации захлестнула Японию примерно в V в., когда японцы начали активно воспринимать континентальную культуру, прежде всего, китайскую. За 4 столетия были усвоены религиозно-философские системы, многие ремесла и технологии, а главное, перенесены на национальную почву иероглифическая письменность, литературные и изобразительные стили, школы ряда других материальных элементов культуры. Восприятие китайской, а позднее и европейской культуры продолжалось до закрытия страны в начале XVII века. Закрытие было осуществлено нацио-

нальной элитой ради “сохранения чистоты японской культуры” или “чистоты нравов и красоты обычаев”¹. Однако, как выявилось позднее, полная изоляция от внешнего мира была опасна и могла иметь весьма существенные отрицательные последствия для Японии. В середине XIX века быстро усиливающееся внешнее давление показало, что страна сильно отстала от Запада, особенно, в тех областях, которые были связаны с техникой и технологиями, включая вооружение. Это отставание грозило превращением в колонию. Реализуемость такой возможности демонстрировали многие страны региона, в первую очередь Китай.

В этих условиях японской элитой было принято решение открыть широкую дорогу для изучения зарубежной, теперь уже западной культуры, взят курс на освоение достижений Запада во всех областях, но при сохранении собственных культурных традиций. Главное — в Японии начался процесс модернизации всех сторон жизни, а главное было положено начало строительству экономики по западному образцу, на буржуазных основах. При этом заимствовались опыт разных стран: в Англии — политическая система, в Германии — организация военной системы и содержание системы образования, во Франции — судебной системы, в США — системы образования.

Третью волну интернационализации в форме *кокусайка* (досл. перевод с яп. — *интернационализация — О.Ж.*) Япония пережила после Второй мировой войны. Практически все сферы жизни подверглись массивному влиянию западной, прежде всего, американской культуры. Но главное, в этот период был осуществлен переход от тоталитаризма к демократии, освоены ведущие демократические принципы, преобладавшие в передовых странах мира.

Можно отметить, что на всех прежних этапах интернационализации правящая элита Японии, как правило, выбирала лучшие модели для подражания. Каждая волна интернационализации сопровождалась существенным продвижением в социально-экономическом, научно-техническом, технологическом и культурном развитии страны. Это свидетельствует о том, что положительные моменты вовлеченности в процесс интернационализации превышают негативные. Япония хотела быть “принятой во внешний мир” и стремилась использовать преимущества интернационализации в интересах нации.

Приблизительно в 80-е гг. на смену термину “интернационализация” приходит термин “глобализация”. Последний был впервые использован американским ученым Т. Левиттом, а позднее прочно введен в научный оборот японским ученым К. Омэ. Они использовали его для описания кардинальных изменений, происходящих в области мировой экономики. Так и сейчас главной составляющей процесса глобализации являются изменения экономического плана.

Однако, необходимо отметить, что как высшая стадия интернационализации, глобализация, помимо экономики охватывает практически все сферы общественной деятельности, включая политику, идеологию, культуру, право, образ жизни, условия существования человечества, экологию и т.п. Эта взаимозависимость, как правило, придает новый импульс общему экономическому развитию.

В последнее время японские аналитики все чаще после экономики по важности и значимости ставят культуру и только потом политику. Японской элите очень скоро стало очевидно, что для большей эффективности экономических мер в процессе “вхождения ее во внешний мир” большое значение имеют также элементы “культурной интернационализации”, т.е. углубление понимания японцами культуры других народов и ее укоренения на японской почве, а так же ознакомление мира с достижениями и особенностями японской национальной культуры. Конвергенция культур может происходить только на основе взаимопонимания и желания идти навстречу друг другу.

Стала очевидной необходимость формирования положительного образа Японии и японцев за рубежом посредством как ознакомления всего мира с

достижениями японской культуры, а так же глубокого изучения культуры других народов самими японцами.

Распространение японской культуры за рубежом понималось как стремление дать японской культуре "новую жизнь" в совершенно ином качестве, в качестве составного элемента формирующейся общемировой культуры. Кроме того, виделась и такая задача как обеспечение сохранения национальной культуры в эпоху глобализации.

Все это убедительно показано в фундаментальном труде известного российского востоковеда Т. П. Григорьевой "Японская художественная традиция"². В нем большое внимание уделяется важности выявления специфических черт японской культуры, и, прежде всего, тех ее уникальных особенностей, которые дополняют общечеловеческую культуру. Т. П. Григорьева приводит слова Р. Тагора, поэта и публициста, лауреата Нобелевской премии, который еще в 1916 г., посетив Японию, сказал: "Каждая нация обязана самовыразиться перед миром. Если же ей нечего дать миру, это следует рассматривать как национальное преступление, это хуже смерти и не прощается человеческой историей. Нация обязана сделать всеобщим достоянием то лучшее, что есть у нее . . ." Т. П. Григорьева подчеркивает, что эту мысль разделяют и выдающиеся японские деятели культуры, которые активно претворяют ее в жизнь, например, такие как лауреат Нобелевской премии в области литературы Кавабата Ясунари.

Итак, для выхода "во внешний мир", для распространения японской культуры за рубежом, для развития и укрепления культурного обмена между Японией и другими странами начал проводиться целый ряд специальных мероприятий. Так, например, были созданы специальные организации, деятельность которых была направлена на развитие культурных обменов. В 1971 г. при министерстве иностранных дел был учрежден Японский фонд. Согласно 1-й статье Закона о Японском фонде основная его цель состоит в осуществлении эффективной деятельности по развитию международных культурных обменов с тем, чтобы внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества³. Японский фонд действует под руководством министерства иностранных дел. Фонд представляет японскую культуру за рубежом, а также знакомит японцев с культурой народов других стран, т.е. управляет процессом культурных обменов в рамках общенациональной политики интернационализации. Географически сфера деятельности фонда чрезвычайно широка, ею охвачено более 190 стран.

Японский фонд направляет основные усилия на развитие сотрудничества в области культуры с целью постепенного превращения Японии в "нацию, вносящую весомый вклад в дела мира"⁴.

Для достижения поставленной цели разработаны и осуществляются несколько блоков программ: по обмену кадрами; по участию японских ученых и специалистов в международных конференциях; по сохранению и использованию японских национальных культурных ценностей, хранящихся за рубежом; в области образовательных программ спорта; популяризации японского языка в мире; издательской деятельности. Есть особая программа стипендий для молодых ученых из России и стран СНГ.

В программы включены как собственные мероприятия фонда, так и мероприятия других организаций, осуществляющих культурные обмены. Фонд в этом случае оказывает финансовую поддержку предоставлением грантов, субсидий, стипендий на конкретные цели и проекты. Бюджет фонда в расчетной части на 1998 г. составлял 20,3 млрд. иен.

Особую роль в распространении японской культуры в мире стал играть специально созданный в 90-х гг. при Японском фонде Центр Глобального

Партнерства, который строит свою работу исключительно с учетом новой тенденции мирового развития — глобализацией.

Важную роль в процессе культурного обмена между Японией и другими странами играет Департамент по делам культуры при национальном министерстве образования, науки, спорта и культуры. Он разрабатывает основные направления культурной политики страны.

Помимо перечисленных выше организаций есть и другие. Например, фонд корпорации "Тойота", средства которого направляются на развитие культурных связей Японии со странами Юго-Восточной Азии. Работу по культурному обмену проводят также неправительственные структуры. Как в самой Японии, так за ее пределами действует множество волонтерских организаций по ознакомлению японцев с культурой других стран и по распространению и сохранению японской культуры за рубежом.

Япония представляет свою культуру на мировой арене, участвуя в деятельности таких международных организаций как ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и др. Признанием японской культуры на мировой арене стало включение нескольких исторических памятников культуры Японии в список мирового наследия ЮНЕСКО.

Общепризнано, что Япония уже внесла весомый вклад в мировую культуру. Ей есть что предложить, и список предложений с каждым годом расширяется.

Знакомство Запада с японской культурой началось во второй половине прошлого века, прежде всего с таких традиционных культурных ценностей, как боевые единоборства, искусство аранжировки цветов — икэбана и чайная церемония, традиционная японская живопись укие-э и т.д. Популярность отдельных видов японского искусства в мире постоянно растет.

Мировое признание завоевал японский вид борьбы дзюдо. Надо сказать, что японцы приложили много усилий, чтобы этот вид национальной борьбы был включен в программу Олимпийских игр 1964 г., проходивших в Токио. В последние годы стремительно растет в мире популярность другого японского национального вида борьбы — *сумо*. Уже проходят мировые соревнования по этому виду спорта, в ряде стран созданы национальные федерации сумо. Сейчас в мире все большую известность приобретает японская разновидность шахмат-го.

Все более популярным становится японский язык, число изучающих его растет из года в год. По статистике с 1993 г. до 1998 г. количество изучающих японский язык увеличилось на 30% и достигло 2,1 миллиона.⁵

Интересным является то, что некоторые слова японского языка находят себе "вторую жизнь" в других языках. Так, например, перевод на другие языки таких слов как *икэбана*, *гейша*, *камикадзэ*, *кимоно*, *самурай*, *дзюдо*, *каратэ*, *сумо*, вероятно, уже не нужен. Эти слова существуют не только в японском языке, они стали достоянием большинства языков мира, частью нового глобального языка, который будет формироваться в эпоху глобализации.

Япония дала миру целую плеяду выдающихся деятелей культуры и искусства. Япония — родина двух лауреатов Нобелевской премии в области литературы — Кавабата Ясунари и Кэндзабуро Оэ. Их произведения сегодня принадлежат к классике мировой литературы. Всемирно известен также мастер слова, прозаик и драматург Мисима Юкио. В последнее время особой популярностью в мире пользуются романы современного японского писателя Харуки Мураками. Его произведения уже переведены на английский, русский и другие языки.

Яркой звездой на мировом музыкальном горизонте стал известный японский дирижер Сэйдзи Одзава. Совместной работой с ним могут гордиться многие

музыкальные коллективы мира. Современный мировой балет нельзя сегодня представить себе без творчества японского мастера балета Кумакава Тэцуя.

Особый вклад в мировую культуру внесли деятели японского кинематографа. Имена таких японских режиссеров как Я. Одзу, А. Куросава, К. Итикава, Ю. Исихара, К. Ацуми, К. Курихара, Е. Морита, А. Такэда, С. Канэто и др. сегодня знают во всем мире. Японские режиссеры и их картины являются постоянными участниками международных кинофестивалей, таких как Токийский международный фестиваль, Московский международный фестиваль, Международный фестиваль в Каннах и др.

Распространение японской культуры за рубежом представляет собой один из способов утверждения Японии в мировом сообществе. Она не только превратилась в экономического гиганта, но и стала культурной державой мирового значения, добившись несомненного признания в этом качестве.

Давая общую оценку современной японской культуре и возможным направлениям ее развития можно сказать, что она представляет собой сложный комплекс элементов, пришедших из различных культур, наложенных, наслоенных, а потом постепенно вплетенных в традиционную японскую культуру, став ее неотторжимой составляющей.

Приведенный краткий экскурс в историю развития японской культуры показывает, что процесс интернационализации японской культуры, в целом, можно подразделить на два этапа. Первый — принятие в японскую культуру элементов из других культур (интеграция элементов зарубежных культур в японскую культуру). И второй — с началом процесса глобализации, стремление распространить японскую культуру за рубежом (ее выход на мировую арену). С началом эпохи глобализации произошла своеобразная смена акцентов в направлении развития японской культуры. Однако, сейчас японцы стремятся сохранить баланс между этими двумя тенденциями при сохранении гармоничного сочетания традиционной японской культуры с элементами заимствованными из вне.

Япония всегда стремилась аккумулировать знания путем обмена культурным опытом с другими странами, ибо обмен культур ведет к их взаимообогащению. При этом японцы на примере своего собственного развития демонстрируют, что при восприятии и усвоении на национальной почве всего лучшего, чем обладают другие народы, вполне реальным становится сохранение собственной национально-идентичной культуры.

В эпоху глобализации культурные обмены приобретают особое значение. Большим преимуществом культурного аспекта глобализации является то, что в его результате практически не возникает столкновения национальных интересов. Наоборот, обмены в области культуры сглаживают противоречия в других областях, способствуют углублению взаимопонимания. При этом открываются богатейшие возможности для познания друг друга, взаимообогащения культур.

Есть основания предполагать, что в процессе глобализации будет происходить создание единой общепланетарной культуры. Однако, мировая культура будет мозаичной, т.е. она не будет монолитной, так как каждая нация будет заимствовать у культур других народов то, что соответствует ее национальному характеру. Например, американский бейсбол прижился и стал видом спорта “номер один” в Японии, потому что соответствовал национальному характеру японцев — долгая концентрация и взрыв. В то же время хоккей с шайбой, который японцы считают одним из важных видов спорта в мире, в Японии вот уже несколько десятилетий не приживается. Причина в том, что хоккей с шайбой — жесткий, силовой и безжалостный вид спорта, и, поэтому он не соответствует японскому менталитету. В одном из интервью российский

хоккеист Вячеслав Старшинов, работавший тренером в Японии, свидетельствовал, что после применения силовых приемов, японец готов десять раз извиниться перед пострадавшим, абсолютно забывая об игре.

Японцы убеждены, что чем больше элементов японской культуры войдет в культурную сокровищницу мира, тем больше шансов для сохранения и выживания самобытности японской культуры в условиях глобализации.

Многие японские культурологи считают, что Япония в плане культуры не является ни частью Востока, ни частью Запада. Япония имеет такую собственную культуру и национальные основополагающие ценности, которые, хотя и испытывали влияние и Востока и Запада, никогда не были ассимилированы.

Современными японскими учеными отстаивается идея особого статуса Японии как связующего звена, своеобразного моста между Западом и Востоком. При этом страна продолжает существовать и процветать как самостоятельная и саморазвивающаяся сущность. Возможно, в этом Япония может служить примером для других национальных культур в нынешнем процессе глобализации.

Выход Японии на мировой уровень, безусловно, необходим не только для нее самой, но и для всего мира. Поэтому цель выбора общей политики и проведения конкретных действий Японии в рамках курса на "вхождение во внешний мир" заключается, с одной стороны, в том, чтобы занять в процессе глобализации достойное место, а с другой — удержаться в нем, сохранив своеобразие своей национальной культуры, более того, добиться, чтобы она со временем стала неотъемлемой частью глобального потока, а Япония превратилась в одного из главных участников процесса формирования наднациональной культуры постиндустриального общества.

1. Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1961, С.198.
2. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979.
3. The Japan Foundation. Annual Report 1998. Tokyo, 2001, P.11.
4. The Japan Foundation. Annual Report 1996. (Overview of programs 1997). Tokyo, 1998, P. 14-16.
5. The Japan Foundation. Annual Report 1998. Tokyo, 2001, P. 5.

В Обществе российско-китайской дружбы

VII конференция ОРКД

© 2003

Г. Куликова

В Москве в Доме дружбы с народами зарубежных стран 24 апреля с.г. состоялась VII отчетно-выборная конференция Общества российско-китайской дружбы (ОРКД) — правопреемника созданного в 1957 г. Общества советско-китайской дружбы.

В работе конференции приняли участие делегаты, представляющие Москву и региональные отделения общества в краях, областях и городах Российской Федерации. Среди участников конференции были руководители Росзарубежцентра, МИД РФ, Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, ветераны общества — участники освободительной борьбы китайского народа против японской агрессии, деятели науки и культуры, представители деловых кругов и студенческой молодежи.

В конференции также участвовали представители китайского землячества в Москве, Центра китайско-российских культурных связей и других китайских организаций.

Конференция подвела итоги деятельности ОРКД за минувшее пятилетие, определила задачи и перспективы его работы на предстоящий пятилетний период, избрала руководящие органы общества.

С отчетным докладом на конференции выступил Председатель Центрального Правления общества, директор Института Дальнего Востока, член-корреспондент РАН, профессор М.Л.Титаренко.

В докладе и выступлениях делегатов подчеркивалось, что деятельность общества в отчетный период проходила на фоне событий исторического значения в российско-китайских отношениях. 16 июля 2001 г. в Москве был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Этот программный документ стал прочным фундаментом стабильного развития добрососедских, дружественных отношений между нашими странами, открыл новые перспективы укрепления и развития российско-китайского стратегического взаимодействия в наступившем XXI веке.

Подписание российско-китайского договора поставило перед ОРКД задачи активного участия в дальнейшем расширении социальной и духовной базы взаимопонимания, доверия и дружбы между народами двух стран, российско-китайского партнерства и всестороннего сотрудничества. Эти задачи ОРКД решало во взаимодействии с Росзарубежцентром, при сотрудничестве с Китайским народным обществом дружбы с границей (КНОДЗ) и Обществом китайско-российской дружбы (ОКРД).

В отчетном докладе и выступлениях было подчеркнуто, что в повседневной практической работе одним из главных направлений деятельности общества было и остается содействие в распространении в нашей стране объективной информации о Китае, о российско-китайских отношениях, о значении российско-китайского добрососедства, сотрудничества и дружеского партнерства. В этих целях общество выступало инициатором и организатором проведения в Москве и других регионах России мероприятий, посвященных успехам Китая в области экономического, социального и культурного строительства, знаменательным событиям китайской истории и истории российско-китайских отношений, памяти деятелей национально-освободительного и революционного движения, китайской науки, литературы и искусства.

По инициативе общества было широко отмечено 50-летие КНР и 50-летие установления дипломатических отношений между нашими странами, 50-летие ОКРД. Ежегодно, в канун 1 октября — национального праздника КНР, в Москве и регионах страны обществом организуются книжные выставки и фотовыставки, рассказывающие о Китае и российско-китайских отношениях.

Большим успехом у москвичей и гостей столицы пользовалась фотоэкспозиция "Красоты Китая" в Государственном Гуманитарном центре "Преодоление" имени Н.А.Островского, организованная по случаю 52-й годовщины КНР. За 14 дней ее посетило более 5 тыс. человек. По многочисленным просьбам посетителей она вновь была развернута в канун 53-й годовщины КНР, а в настоящее время с ней знакомятся жители Волгограда.

В июне 2001 г. отмечалось 80-летие КПК. В Доме дружбы было проведено торжественное собрание, на котором с докладами выступили ученые ИДВ РАН и посол КНР в РФ Чжан Дэгуан. В Институте Дальнего Востока состоялась церемония передачи послу КНР в РФ копий документов, связанных с подготовкой I съезда КПК, хранящихся в госархивах нашей страны.

ОРКД провело мероприятия, посвященные другим важным событиям в истории КНР, в том числе — по случаю 90-летия Синьхайской революции в Китае, 75-летия Кантонской коммуны, 80-летия "Движения 4 мая", 45-летия VIII съезда КПК, юбилеям видных китайских политических и общественных деятелей — Сунь Ятсена и Сун Цинлин, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, 100-летию со дня рождения маршалов Чжу Дэ и Чэнь И, Ли Фучуня, видной деятельницы женского движения Цай Чан и др.

В течение отчетного периода свои мероприятия общество посвящало также писателям Лу Синю, Го Можо, Мао Дуню, Лао Шэ и Сяо Саню, 1300-летию со дня рождения классика китайской поэзии Ли Бо, переводчикам и исследователям русской и советской литературы и культуры в Китае — профессорам Цао Цзиньхуа, Гэ Баоцюаню и Гао Ману, всемирно известному мастеру пекинской оперы Мэй Ланьфану, художникам Ци Байши и Сюй Бэйхуну.

В Доме дружбы было организовано заседание ветеранов в честь 75-летия начала Северного похода национально-революционной армии Китая. Проведена конференция по случаю 70-летия начала японо-китайской войны и развертывания антияпонской борьбы в Китае.

Руководители и активисты общества присутствовали на встрече Председателя КНР Цзян Цзэминя с общественностью Москвы, которая с участием Президента РФ В.В.Путина состоялась 17 июля 2001 г. в Большом актовом за-

ле МГУ по случаю подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

15 июня 2002 г. в Москве в Доме Российской армии был проведен торжественный вечер, посвященный первой годовщине российско-китайского договора. В нем приняла участие представительная китайская делегация во главе с Чжоу Гуанчжао — заместителем председателя ПК ВСНП, Президентом Всекитайской ассоциации по науке и технике и Чэнь Хаосу — Председателем КНОДЗ и ОКРД.

В ноябре прошлого года была отмечена 45-я годовщина со дня создания ОРКД — первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран. В отчетном докладе М.Л.Титаренко на нынешнем собрании были приведены слова из приветственных посланий, поступивших в адрес общества от МИД РФ и КНОДЗ. В них отмечалось, что за 45 лет своего существования общество превратилось в центр объединения усилий, направленных на укрепление российско-китайских отношений. Этому во многом содействовала информационная деятельность, проводимая обществом. Ее базой, в частности, стал Китайский зал в Институте Дальнего Востока РАН. Здесь регулярно проводятся семинары по проблемам Китая и российско-китайских отношений, которыми руководит Почетный Председатель ОРКД, академик С.Л.Тихвинский, работает лекторий, возглавляемый сотрудником ИДВ РАН, доктором исторических наук В.Н.Усовым.

В отчетном докладе отмечалась важная роль, которую играют публикации руководителей и активистов общества на страницах центральной и местной прессы — в журнале “Проблемы Дальнего Востока”, “Новое время”, в созданной по инициативе общества газете “Россия-Китай” и других изданиях.

Вместе с тем и докладчик, и выступавшие делегаты говорили о необходимости дальнейшего расширения информационной деятельности общества. Были внесены предложения об оказании помощи и поддержки газете “Россия-Китай” с целью увеличения ее тиража и продвижения в регионы России. Участники конференции высказывались также за вынесение заседаний лектория по Китаю и российско-китайским отношениям на предприятия, в вузы и школы. Говорилось о необходимости давать отповедь публикациям, извращающим положение дел в Китае и российско-китайских отношениях. В целях расширения информационной работы было принято решение об установлении контактов и сотрудничестве с русско-китайским коммуникационным Агентством, более активном использовании каналов Интернет.

Одним из важных направлений в деятельности общества, обозначенных в отчетном докладе, была работа с китайскими делегациями, посещающими нашу страну по линии ОРКД, Росзарубежцентра и других российских организаций. Только за последние годы гостями общества были: Чэнь Хаосу — председатель КНОДЗ и ОКРД, его заместители Су Гуан, Ван Сяолин и Лю Шу, председатель Ассоциации танцевального искусства КНР Бай Шусян, профессор Пекинской консерватории Го Шучжэнь, профессор Гао Ман и фотомастер Чжан Туншэн, заместитель председателя Всекитайской федерации женщин Шэнь Шуцзи, заместитель председателя Китайской ассоциации содействия международной дружбе Чэнь Чжиминь, вице-президент и генеральный секретарь Юридического общества Китая Сунь Шутао и многие другие представители китайской научной и творческой интеллигенции. Общество принимало делегации провинций Сычуань, Хэйлунцзян, Шаньдун, Юньнань, Чжэцзян, Ляонин, Шаньси, Гуйчжоу, Ганьсу, Хунань и г.Чунцина.

В мае 1998 г. и в апреле-мае 2003 г. общество содействовало принятию в России представительных делегаций бывших воспитанников Ивановского интернационального детского дома с организацией для них поездок в Иваново и другие города, встреч с активистами общества и Российского комитета ветера-

нов войны. Вторая делегация участвовала в мероприятиях, посвященных 70-летию Ивановского интернационального детского дома.

Высокую оценку на конференции получила работа общества по оказанию содействия китайским партнерам в проведении в Китае различных мероприятий, посвященных нашей стране. Главными их организаторами все эти годы были наши партнеры — КНОДЗ и ОКРД. С трибуны конференции им была выражена благодарность за поистине всенародную компанию, которая была развернута в Китае по случаю 200-летия со дня рождения А.С.Пушкина, за массовые мероприятия, проведенные в стране по случаю 55-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне. Величественный памятник “Во имя мира”, сделанный известным китайским скульптором Яо Юанем по случаю этой даты и символизирующий боевую дружбу российского и китайского воинов, сегодня украшает один из залов музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Торжественно в Китае было отмечено 40-летие полета в космос Ю.А.Гагарина, а в июне этого года в Китае КНОДЗ и ОКРД проведут мероприятия, посвященные 40-летию полета в космос первой в мире женщины-космонавта В.В.Терешковой.

На конференции была отмечена работа, которую проводило общество совместно с Росзарубежцентром и китайскими партнерами в целях содействия российско-китайскому научно-техническому и деловому сотрудничеству. В России и Китае проводились форумы, круглые столы и симпозиумы. Состоялись презентации регионов России в Китае и провинций и городов Китая в России, что содействовало российско-китайскому межрегиональному сотрудничеству. По инициативе российской стороны осенью 1998 г. Росзарубежцентр совместно с ОКРД провели в Москве форум на тему: “Конверсия и российско-китайское сотрудничество” с участием 70 представителей военно-промышленного комплекса Китая во главе с заместителем Председателя Государственного комитета Китая по оборонной промышленности Чжан Хунбяо. Летом прошлого года общество совместно с Росзарубежцентром участвовало в форуме на тему: “Российско-китайское научно-техническое сотрудничество”.

Как известно, в Китае была принята программа ускоренного развития западных районов страны. 13 октября прошлого года общество совместно с Росзарубежцентром и КНОДЗ провели в Москве очередной, восьмой по счету, форум на тему: “Презентация центральных и западных районов КНР и перспективы российско-китайского сотрудничества”. В его работе приняли участие руководители и представители деловых кругов провинций Цинхай, Ганьсу, Гуйчжоу и Хунань. Китайские представители высказались за участие России в крупных инфраструктурных и экологических проектах.

Особое внимание на конференции было уделено работе с молодежью. В докладе и выступлениях говорилось о том, какую помощь общество оказывало школам и гимназиям, в которых изучается китайский язык, о сотрудничестве с вузами, готовящими кадры китаеведов. Конференция приветствовала вступление в ОКРД шестидесяти студентов-китаистов. Вместе с тем, была подчеркнута необходимость активизации деятельности на этом направлении и разработки программы, содействующей дальнейшему привлечению молодежи в ряды активистов российско-китайской дружбы.

В отчетном докладе и выступлениях делегатов было обращено внимание на необходимость активизации контактов с китайскими организациями, представителями и фирмами, работающими в Москве и регионах страны. Были внесены предложения о проведении совместных культурных мероприятий, в том числе конкурсов, олимпиад, дающих возможность лучше узнать друг друга.

В течение отчетного периода Общество российско-китайской дружбы координировало деятельность с 15 региональными отделениями ОКРД: Удмуртским республиканским, Приморским и Хабаровским краевыми, Биробид-

жанским, Амурским, Новосибирским, Свердловским, Пермским, Кемеровским, Орловским, Ивановским, Рязанским, Калужским областными, Ленинградским и Красноярским городскими.

Была дана высокая оценка их деятельности по укреплению и развитию контактов с китайскими партнерами, по вовлечению в движение за дружбу с Китаем различных кругов общественности своих регионов, предприятий и фирм, научных и культурных учреждений. Вместе с тем конференция признала необходимым расширить сотрудничество и координацию деятельности Центрального Правления с региональными отделениями общества, коллективными и индивидуальными членами в Москве и на местах.

VII конференция ОРКД завершилась принятием Постановления. В Постановлении записано считать первоочередными задачами в деятельности ОРКД на предстоящий период:

— активное участие в укреплении и развитии традиционной дружбы и взаимопонимания между народами России и Китая; развитие разносторонних дружественных связей и контактов и делового сотрудничества между гражданами России и Китая, их объединениями и организациями;

— всемерное содействие российско-китайскому торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству, сотрудничеству в области образования на центральном и региональном уровнях, расширению обменов между общественностью двух стран.

В целях выполнения поставленных задач конференция постановила также расширить и углубить сотрудничество с Росзарубежцентром, Российско-китайским комитетом дружбы, мира и развития, разработать предложения по дальнейшему развитию контактов с КНОДЗ, ОКРД и их отделениями в провинциях и городах Китая.

Программа реализации этих задач с учетом высказанных на конференции предложений и замечаний возложена на Центральное Правление ОРКД, избранное в составе 150 человек.

Почетным Председателем ОРКД и Председателем Центрального Правления общества были единогласно переизбраны соответственно академик С.Л.Тихвинский и член-корреспондент РАН М.Л.Титаренко.

К 110-летию со дня рождения Сун Цинлин

20 марта с.г. в Китайском Зале ИДВ РАН состоялось заседание Общества российско-китайской дружбы, посвященное 110-летию со дня рождения Сун Цинлин, видного государственного и общественного деятеля Китая, одного из основателей КНР. Заседание открыл директор ИДВ РАН, Председатель Центрального правления Общества, член-корреспондент РАН М.Л. Титаренко, который дал высокую оценку деятельности Сун Цинлин, направленной на процветание китайского общества и государства, повышение международного авторитета Китая, укрепление дружеских связей между нашими странами.

В докладе ведущего научного сотрудника ИДВ РАН, кандидата исторических наук, члена Центрального правления ОРКД Р.А. Мировицкой, посвященном жизни и деятельности Сун Цинлин, она была охарактеризована как одна из наиболее уважаемых, авторитетных и влиятельных женщин XX века, которая оставила заметный след в истории своей страны.

Жизненный путь Сун Цинлин стал ярким примером патриотизма, самоотверженного служения родине. Она родилась 27 января 1893 г. в провинции Гуандун в семье христианского пастора. В 15-летнем возрасте Сун Цинлин была отправлена на учебу в США, где окончила колледж. Ее путь домой лежал через Японию, где она встретила Сунь Ятсена. Их жизненные дороги пересеклись: Сун Цинлин начала работать секретарем Сунь Ятсена, а в октябре 1915 г. стала его женой. В начале 20-х годов, когда Сунь Ятсен установил контакты с советской Россией, Сун Цинлин как секретарь и помощник китайского лидера помогала ему следить за событиями в России, собирала и систематизировала информацию, публиковавшуюся в китайской и иностранной прессе на эту тему. Через нее в начале 20-х гг. в значительной мере проходила переписка Сунь Ятсена с руководителями новой России, с советскими представителями, работавшими в Китае — Л.М. Караханом, А.А. Иоффе, М.М. Бородиным.

После кончины в 1925 г. Сунь Ятсена роль Сун Цинлин в национально-освободительном движении Китая заметно возросла. Противоборствующие политические силы активно использовали ее имя для подкрепления своих позиций. Сама Сун Цинлин считала себя частью левого крыла Гоминьдана, которое, по ее мнению, последовательно выражало заветы Сунь Ятсена.

Побывав в 1927 г. в СССР, Сун Цинлин в одном из своих заявлений, сделанных в советской столице, выразила благодарность советскому народу за помощь китайской революции. Она подчеркнула, что ее муж мечтал приехать в СССР, вступить в личный контакт с руководителями новой России и завещал Сун Цинлин посетить Москву. «Поэтому, — писала она, — я в данном случае представляю его, ... представляю революционный китайский народ и от его имени выражаю чувства благодарности советскому народу».

В конце 20-х годов Сун Цинлин становится видным деятелем международного освободительного движения. Она — в первых рядах борцов против японской агрессии. В 1927-29 гг. она — почетный председатель Международной лиги борьбы против империализма. Как председатель Лиги защиты гражданских прав, используя свой авторитет и иммунитет, который давало ей положение вдовы Сунь Ятсена в гоминьдановском Китае, Сун Цинлин отстаивала политику единого национального антияпонского фронта, выступала за прекращение гражданской войны между Гоминьданом и КПК.

После начала японо-китайской войны в 1937 г. Сун Цинлин организует Лигу защиты Китая, основной задачей которой стало привлечение внимания мировой общественности к агрессии Японии против ее родной страны, получение помощи, особенно медикаментов для госпиталей и больниц. Ее дом в столице воюющего Китая — Чунцине — превращается в один из центров общественной жизни. Современники свидетельствовали, что личное участие Сун Цинлин в благотворительных мероприятиях, ее подпись под письмом или воззванием играли исключительную роль, обеспечивая сражающемуся Китаю помощь зарубежных китайцев.

На завершающем этапе гражданской войны в Китае (1946-1949 гг.) Сун Цинлин сосредоточила свою энергию на руководстве Фондом благосостояния Китая, важнейшей задачей которого было оказание помощи освобожденным армией КПК районам страны.

После образования Китайской Народной Республики, одним из основателей которой Дэн Сяопин назвал Сун Цинлин, она занимала ряд видных постов в правительственных структурах страны. В сентябре 1949 г. она была избрана одним из шести заместителей председателя Центрального Народного правительства КНР. В сентябре 1954 г. — заместителем председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, а в декабре того же года — заместителем председателя Народного политического консультативного совета Китая. В апреле 1959 г. и в январе 1965 г. Сун Цинлин избиралась заместителем председателя КНР; в январе 1975 и феврале 1978 гг. — заместителем председателя Постоянного комитета НПКСК. В 1981 г. была избрана Почетным Председателем КНР. Она являлась также почетным президентом Всекитайской федерации женщин и президентом Национального комитета защиты детей.

В 1950 г. Сун Цинлин представляла Китай во Всемирном совете мира, его региональных структурах (1952 г.). В 1954 г. она возглавила Общество китайско-советской дружбы, в то время массовую организацию китайского народа. Вся ее деятельность на этом посту свидетельствовала о том, что Сун Цинлин искренне и последовательно выступала за развитие китайско-советских отношений.

15 мая 1981 г., незадолго до кончины Сун Цинлин вступила в КПК.

Старший научный сотрудник ИДВ РАН Т.М. Емельянова в своем выступлении рассказала о роли Сун Цинлин в развитии женского движения в Китае. В своей работе на этом поприще она активно использовала советский опыт. Сун Цинлин многое сделала для того, чтобы равноправие женщин с мужчинами во всех сферах общественной жизни, провозглашенное в сентябре 1949 г. в первом программном документе КНР — Общей программе Народного политического консультативного совета Китая — было законодательно закреплено в Конституции 1954 г. В центре внимания Сун Цинлин постоянно находились не только проблемы повышения трудового и общественного статуса женщины в китайском обществе, но и вопросы здравоохранения, охраны материнства и детства, воспитания подрастающего поколения.

Д.и.н. А.И. Каргунова и заместитель председателя правления ОРКД Г.В. Куликова поделились воспоминаниями о своих встречах с Сун Цинлин в разные периоды ее жизни, которые проходили в Москве и в Китае.

Ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, к.и.н. А.С. Ипатова рассказала о деятельности Фонда Сун Цинлин и о своем посещении в середине 1980-х гг. дома-музея Сун Цинлин в Шанхае.

Документы, архивы

Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М. Бородину

Выявленные в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и публикуемые ниже документы свидетельствуют о большой роли Сун Цинлин (1893-1981) в контактах между ее мужем — руководителем партии Гоминьдан и Кантонского правительства Сунь Ятсеном (1866-1925) и его политическим советником М.М. Бородиным (1884-1951), а также его женой — представительницей Международного женского секретариата ИККИ в Китае Ф.С. Бородиной (1892-1967). Именно последняя увидела в Сун Цинлин не только супругу, английского секретаря и доверенное лицо Сунь Ятсена, но и ее широкий политический кругозор, демократические убеждения и большие организаторские способности (см. РГАСПИ. Ф. 507, оп. 2, д. 51, л. 46; д. 69, л. 15-18). Эти качества затем нашли свое применение в женском движении на Юге Китая и в национально-революционном движении в целом.

В опубликованной в Москве в 1994 г. книге "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1. 1920-1925" напечатаны обстоятельные доклады М.М. Бородина о своей работе, в том числе о регулярных контактах с Сунь Ятсеном, сильных и слабых сторонах его деятельности.

Предлагаемые читателю письма не упоминаются в этих отчетах и в известном смысле являются дополнением к упомянутому сборнику документов.

К сожалению, ответы М.М. Бородина пока не обнаружены.

Публикатор выражает признательность американскому китаеведу Дэвиду Вольфу за консультации при чтении неразборчивых фрагментов печатаемых документов.

К.В. Шевелев

Документы

№ 1

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Кантон, 28 октября 1923 г.

Мой дорогой г-н Бородин!

Не будете ли Вы так любезны отправить от нас прилагаемую телеграмму¹ г-ну Иоффе², поскольку мы очень обеспокоены его здоровьем?

С большой благодарностью,
Искренне Ваша

Р.С. Сунь
(г-жа Сунь Ятсен)

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 27.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 2

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Кантон, 14 мая 1924 г.

Мой дорогой г-н Бородин!

Д-р Сунь просит меня написать Вам и убедить Вас поскорее возвратиться в Кантон³, поскольку имеется ряд вопросов, по которым он хочет проконсультироваться с Вами. Он говорит, что продление Вами и г-ном Караханом пребывания в Пекине безнадежно, ибо не приведет ни к чему хорошему⁴.

Д-р Сунь был болен несколько дней из-за напряженной работы. И хотя сейчас он чувствует себя намного лучше, врачи предписали ему воздержаться от исполнения его обычных обязанностей и приема посетителей. Он обладает такой деятельной натурой, что удерживать его приходится не без труда.

Я получила огромное удовольствие от встречи с г-жой Бородиной⁵ в Шанхае и надеюсь, что вскоре она будет сопровождать Вас в поездке на юг.

В предвкушении удовольствия от скорой встречи с вами обоими и с наилучшими пожеланиями от нас.

Ваша искренне

Розамонда Сунь

Ф. 514, оп. 1111, л. 26, 17, 11.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 3

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ⁶

Кантон, 9 сентября 1924 г.

Мой дорогой г-н Бородин!

Пожалуйста, дайте д-ру Суню знать, считаете ли Вы хорошей книгу Гильбо⁷ "Жизнь Ленина", поскольку он хочет, чтобы в ближайшее время она была опубликована на китайском языке⁸.

Ваша искренне

Р.С. Сунь

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 24.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 4

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Шаогуань, 26 сентября 1924 г.⁹

Мой дорогой г-н Бородин!

Д-р Сунь просит меня сообщить Вам, что он не сможет возвратиться в город [Кантон] 28-го текущего месяца, как первоначально было решено, по следующим причинам: 1. Первого октября здесь состоится демонстрация населения в поддержку Северного похода¹⁰, на которой д-р Сунь должен присутствовать и выступить с обращением к массам.

2. Поскольку сейчас — критический период в связи с Чжан Цзолинем и Лу Юнсяном¹¹, отъезд д-ра Суня из места сосредоточения войск именно в это время деморализует и обескуражит их войска. Поэтому его возвращение придется отложить до дальнейшего развития событий.

Более того, д-р Сунь считает, что для нас было бы лучше начать работу в народе именно здесь. Эта работа обязательно пойдет легче, поскольку люди тут дружелюбно относятся к нам и другие¹² хорошие результаты, полученные здесь, найдут затем свое отражение в Кантоне. Так как люди в Кантоне настроены к нам враждебно из-за недавних событий и агитации¹³, вероятно, для нас будет разумнее подождать пока их антипатия пойдет на спад. В таком случае¹⁴ они могли бы заподозрить нас в слабости и боязни их.

Со всеми наилучшими пожеланиями

Ваша искренне

Р.С. Сунь

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 10, 18, 19.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 5

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Шаогуань, 26 сентября 1924 г.

Дорогой г-н Бородин!

Д-р Сунь просит меня сообщить Вам, что он пока не может возвратиться в Кантон из-за того, что условия здесь меняются так быстро. Прибывают новые войска для участия в [Северном] походе.

Сегодня утром мы послали Вам с Сун Цзывэнем¹⁵ письмо с разъяснением причин необходимой отсрочки, которое мы надеемся, уже дошло до Вас.

С наилучшими пожеланиями от нас
Ваша искренне

Р.С. Сунь

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 20.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 6

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Шаогуань, 12 октября 1924 г.

Мой дорогой г-н Бородин!

Д-р Сунь просит меня написать Вам по двум вопросам:

1. Что единственный для него способ спасти Кантон состоит в том, чтобы по-прежнему никак не реагировать на все происходящие там события, поскольку добровольцы из купеческой милиции имеют превосходство и полностью контролируют положение¹⁶. Если же из разногласий спровоцировать кризис, то некоторые элементы, прежде относившиеся к нам дружелюбно, обратятся против нас. Также люди, как Фань Шишэн¹⁷, Ляо Синчао¹⁸, Ян Симинь¹⁹ и Ли Фулинь²⁰ сразу же перейдут на их сторону.

Очевидно, при таком положении у нас не будет ни малейшего шанса на успех. Тем временем пострадает наш престиж. Нам придется это вынести, несмотря на всю горечь. Однако, если забастовка [торговцев] будет продолжаться и после ограничения срока²¹, против ее участников должны и будут предприняты жесткие меры.

2. По вопросу о таможне д-р Сунь уже принял решение довести дело до самого конца²², и если это не спровоцирует кризиса, то мы можем быть уверены в полном сохранении Кантона в наших руках.

Ваша искренне

Розамонда С. Сунь

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 25, 14.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 7

ПИСЬМО СУНЬ ЯТСЕНА М.М. БОРОДИНУ²³

Шаогуань, 12 октября 1924 г.

Мой дорогой друг!

Если генерал Сюй [Чунчжи²⁴] согласится с моим новым планом, я изменю свой прежний план транспортировки оружия в Шаогуань²⁵. Г-н Ляо [Чжункай]²⁶ расскажет Вам, в чем заключается мой новый план. Я думаю, что это — наилучший способ для преодоления теперешнего кризиса.

Преданный Вам

Сунь Ятсен

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 12-13.

Автограф на английском языке, фотокопия.

№ 8

ПИСЬМО СУН ЦИНЛИН М.М. БОРОДИНУ

Шаогуань, 13 октября 1924 г.

Мой дорогой г-н Бородин!

Д-р Сунь просит меня написать Вам, что некоторые доклады, которые вчера дал ему г-н Ляо Чжункай²⁷, навели его на мысль, что спасти Кантон нельзя, по-прежнему никак не реагируя на все происходящие там события, это могут сделать лишь страх и господство террора.

В этой связи д-р Сунь принял решение о немедленных действиях. Вчера вечером он отправил обратно в Кантон войска генерала У Течэна²⁸. Эти люди получают приказы от Комитета²⁹, но они нуждаются в дополнительной подготовке для ведения уличных боев и поэтому д-р Сунь надеется, что Вы предоставите ваших специалистов для того, чтобы дать им некоторые навыки в этой области.

Последняя партия оружия и боеприпасов не будет отправлена в Шаогуань в соответствии с прежним решением, она будет использована для перевооружения войск генерала Сюй Чунчжи при условии, что ген[ерал] Сюй сразу же начнет боевые действия и доведет до конца все мероприятия, разработанные Комитетом. Цель этой операции — разгром армии предателей³⁰ и восставших добровольцев из купеческой милиции.

Искренне Ваша

Р.С. Сунь

Ф. 514, оп. 1, д. 1111, л. 15-16.

Автограф на английском языке, фотокопия.

1. Документ не обнаружен.
2. А.А. Иоффе (1883-1927) — с августа 1922 по январь 1923 г. — полпред РСФСР в Китае. Состоял в переписке с Сунь Ятсеном и вел с ним в Шанхае в январе 1923 г. переговоры, по итогам которых 26 января 1923 г. было принято совместное коммюнике.
3. М.М. Бородин отбыл из Кантона в Пекин 8 марта 1923 г. для отчета полпредству о положении на Юге Китая и консультаций при переговорах с Пекинским правительством.
4. Вопреки пессимистическому прогнозу Сунь Ятсена 31 мая 1924 г. советский полпред Л.М. Карахан (1889-1937) и министр иностранных дел Гу Вэйцзюнь (1888-1985) подписали в Пекине "Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой" и другие документы.

5. Ф.С. Бородина находилась в Шанхае в апреле 1924 г.
6. Основное содержание документа было опубликовано в другом переводе. См. А.И. Картунова. Сунь Ят-сен — друг советского народа — Вопросы истории КПСС. М., 1966, № 10. — С. 38.
7. Анри Гильбо (1885-1938) — французский социалист и журналист.
8. См. А. Гильбо. Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни. Пг., 1923. Китайское издание книги не обнаружено.
9. Дата установлена по док. № 5.
10. Решение о Северном походе было принято Сунь Ятсеном в начале сентября 1924 г. См. также: Сунь Ятсен. Декларация о походе на Север (18 сентября 1924 г.) — Сунь Ятсен. Избранные произведения. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1985. — С. 692-694.
11. Лидер Фэнтяньской (Мукденской) группировки милитаристов Чжан Цзолин (1875-1928) и военный губернатор провинции Чжэцзян Лу Юнсян (1867-1933) являлись союзниками Сунь Ятсена по Северному походу.
12. Так в документе.
13. Имеется в виду прежде всего широкое недовольство населения налоговой политикой Кантонского правительства.
14. Так в документе. По смыслу — в противном случае.
15. Сун Цзэвэнь (1894-1971). В то время директор Центрального банка Кантонского правительства. Брат Сун Цинлин.
16. Подробнее о мятеже купеческой милиции в Кантоне и его подавлении (10-15 октября 1924 г.) см.: М.Ф. Юрьев. Революция 1925-1927 гг. в Китае. М., 1968. — С. 62-66.
17. Фань Шишэн (1887-1939) — в то время командир 2-го корпуса Юньнаньских войск в провинции Гуандун.
18. Ляо Синчао (1890-?) — в то время начальник штаба Юньнаньских войск в провинции Гуандун.
19. Ян Симинь (1886-1967) — в то время командующий Юньнаньскими войсками в провинции Гуандун.
20. Ли Фулинь (1874-1952) — в то время — и.о. мэра г. Кантона.
21. Так в документе. По смыслу — примет бессрочный характер.
22. Имеется в виду борьба с английскими властями за установление контроля над таможнями в провинции Гуандун.
23. Адресат установлен по содержанию.
24. Сюй Чунчжи (1887-1965) — в то время заведующий Военным отделом ЦИК Гоминьдана, Главнокомандующий вооруженными силами провинции Гуандун.
25. Речь идет об оружии и боеприпасах, доставленным 7 октября 1924 г. на советском военном судне "Воровский". См. также док. № 8.
26. Ляо Чжункай (1877-1925) — в то время министр финансов, начальник военного снабжения Кантонского правительства.
27. Документы не обнаружены.
28. У Течэн (1888-1953) — в то время командующий охранными войсками провинции Гуандун.
29. Речь идет о Революционном комитете во главе с Сунь Ятсеном, образованном 11 октября 1924 г. 13 октября Сунь Ятсен назначил М.М. Бородина советником Революционного комитета.
30. Речь идет об армии Чэнь Цзюньмина (1878-1933), перешедшего в июне 1922 г. в стан противников Сунь Ятсена. Армия Чэнь Цзюньмина в то время вела бои против войск Кантонского правительства на Востоке провинции Гуандун.

Научная жизнь

Россия и Корея в меняющемся мировом порядке

26-27 марта 2003 г. в Институте Дальнего Востока Российской академии наук при спонсорской поддержке Корейского Фонда Республики Корея состоялась VII ежегодная конференция российских ученых-корееведов, посвященная актуальным проблемам Корейского полуострова и вопросам региональной безопасности.

С приветственным словом к ее участникам обратились директор ИДВ, член-корреспондент РАН, профессор М. Л. Титаренко и Посол Республики Корея в Российской Федерации господин Чон Тэ Ик. В работе конференции приняли участие ученые, представляющие различные академические и учебные институты, государственные структуры, средства массовой информации. Были представлены 24 доклада, которые будут опубликованы отдельным научным сборником и в научных журналах.

Впервые, благодаря спонсорской поддержке, в Москву прибыли и смогли принять участие в конференции корееведы из Санкт-Петербурга, Владивостока, Улан-Удэ и Киева. Благоприятным признаком явилось и то, что больше половины участников конференции были в возрасте до 35-ти лет - аспиранты и молодые ученые, принимавшие активное участие в научной дискуссии.

Центральной темой обсуждения конференции стал северокорейский ядерный кризис, его причины и вероятные последствия. Этой проблеме были посвящены выступления В. И. Денисова, Г. Д. Толорая, В. П. Ткаченко, А. З. Жебина и А. А. Воронцова и других. Докладчики подчеркнули, что основную ответственность за создание сложной ситуации несут США. Нельзя, однако, освобождать от ответственности и КНДР, которая не просто поддается на американские провокации, но действует в рамках своих прежних традиций, что только подливает масла в огонь. Однако, несмотря на активное желание КНДР втянуть в конфликт третьи страны, в том числе - и Россию, данная проблема является двухсторонней. Россия в этом конфликте не является активной заинтересованной стороной, особенно с учетом недостатка информации о том, как в действительности обстоят дела с реализацией северокорейской атомной программы. Указав на возможные последствия ядерного кризиса, участники конференции сформулировали ряд практических рекомендаций по выходу из сложившейся ситуации.

Общее мнение российских ученых-корееведов по этому и другим вопросам иллюстрирует проведенное анкетирование, результаты которого приводятся в конце отчета. Подавляющее большинство участников конференции сочло текущую ситуацию на Корейском полуострове «опасной», хотя разрешение

проблемы, скорее всего, произойдет путем переговоров или, в меньшей степени вероятности, закончится введением экономических санкций по отношению к КНДР. Наиболее вероятным форматом переговоров участники конференции считают переговоры «с участием третьих стран». Двухсторонние американо-северокорейские переговоры в результатах опроса заняли второе место. Это связано с тем, что, по мнению его участников, Север и Юг могут «содействовать решению проблемы», но не смогут решить ее самостоятельно. Если же дело дойдет до санкций, то их введение только ухудшит ситуацию или, в лучшем случае, вообще не даст никакого эффекта.

В вопросе о вероятности военного конфликта между США и КНДР мнения участников конференции разделились примерно поровну между «незначительной» и «вполне реальной», хотя некоторый перевес в пользу последней точки зрения все-таки был. В случае начала войны Северная Корея не ограничится оборонительной стратегией, а, безусловно, нанесет удар по американским базам на территории Южной Кореи, а вероятно — и на территории Японии. При этом, по мнению опрошенных, встречные действия Южной Кореи сведутся не столько к объявлению войны Северу, сколько к сочетанию повышения боевой готовности своих вооруженных сил с жестким комплексом мер, направленных на прекращение войны.

Относительно вероятного исхода военного конфликта в Корею, а также позиции России и КНР в этом вопросе участники опроса проявили единодушие, считая, что и Россия, и Китай не станут вмешиваться в конфликт напрямую, но приложат максимум сил для того, чтобы его погасить. При этом Россия будет активно использовать механизм международных консультаций. Это важно, поскольку силовое разрешение этой проблемы станет причиной затяжного конфликта с большими потерями для всех.

Следующей важной темой, которой было посвящено несколько докладов и выступлений в прениях, в том числе — Р. В. Савельева и К. В. Асмолова, был результат президентских выборов в РК в 2002 г. и прогноз политического курса нового президента Ро Му Хёна. В докладах отмечалось, что хотя новый президент действует в русле традиций демократизации, заложенных предыдущим президентом Ким Дэ Чжуном, сам факт его прихода к власти говорит о значительных изменениях в политической культуре страны. В победе Ро Му Хёна существенную роль сыграл возрастной фактор и то, что вокруг него сплотились силы «младореформаторов», воспринимающих правящую партию как политическую партию европейского типа, а не как традиционную феодальную структуру, построенную на региональных связях и группирующуюся вокруг лидера, а не вокруг идеологии. Скорее всего, следует ожидать серьезных шагов правительства по обновлению существующей административно-политической системы. Однако форсированная модернизация традиционной конфуцианской системы по европейскому образцу может стать причиной структурного кризиса, в какой-то степени аналогичного горбачевской перестройке. То, насколько успешной будет трансформация, зависит от политической мудрости президента и его ближайшего окружения.

На экономической секции конференции были сделаны доклады, посвященные перспективам развития внешнеторговых связей Республики Корея, анализировались проблемы и перспективы развития экономических взаимоотношений между Россией и РК, а также — возможности экономического взаимодействия России и КНДР в свете инвестиционной политики Северной Кореи. Хочется особенно отметить насыщенное фактами выступление Л. В. Забровской, посвященное месту российского Дальнего Востока в российско-северокорейских экономических отношениях. В работе этой секции приняли участие такие крупные специалисты, как С. С. Суслина, М. Е., Тригубенко, П.С.

Лешаков, а также молодые исследователи В.Г. Пак, А.В. Мандрыгин, Д.Д. Дондупов.

По традиции часть докладов была посвящена вопросам истории, культуры и социальным проблемам. Здесь было продемонстрировано многообразие тем, иллюстрирующих широту научного кругозора участников конференции. Наибольший интерес вызвали доклады Т. М. Симбирцевой, посвященный анализу России в современной южнокорейской публицистике, С. О. Курбанова о воздействии национальной традиции почтительности к родителям (кит. «сяо», кор. «хё») на деятельность социальных институтов современной Кореи, В. Н. Дмитриевой, исследующей языковую политику Республики Корея в свете тенденций изменения корейского языка в начале нового тысячелетия, Г. А. Югая по проблемам этногенезиса корейцев.

Подводя итоги, можно сказать, что проведенная Центром корейских исследований Института Дальнего Востока РАН научно-практическая конференция стала заметным событием в российском корееведении.

К. Асмолов.

кандидат исторических наук

Результаты опроса мнений участников VII конференции российских корееведов по поводу ситуации на Корейском полуострове (26-27 марта 2003 г.) (в процентах)

1. Что Вы думаете о нынешней ситуации на Корейском полуострове?	
● Крайне опасная	15
● Опасная	54
● Обычная	31
2. Чем там все закончится?	
● Переговорами	38
● Введением режима санкций	44
● Военным конфликтом	18
3. Целесообразный состав участников переговоров	
● КНДР и США	25
● Север и Юг Кореи	18
● С участием других заинтересованных сторон	43
● Другие форматы	14
4. Могут ли Север и Юг Кореи решить ядерную проблему?	
● Вполне могут	25
● Способны содействовать решению	56
● Не могут	19
5. Ваша оценка эффективности санкций против КНДР	
● Изменит ситуацию к лучшему	6
● Изменит ситуацию к худшему	61
● Не даст эффекта	33

- 6. Вероятность военных акций США против КНДР**
- Крайне низкая 15
  - Незначительная 41
  - Вполне реальная 44
- 7. Каковы будут действия КНДР в случае атаки со стороны США?**
- Сугубо оборонительные 20
  - Удары по военным базам США в Южной Корее 42
  - Удары по военным базам США в Японии 26
  - Удары по территории США 12
- 8. Что станет делать РК в случае атаки США против КНДР?**
- Объявит о состоянии войны с Севером 20
  - Ограничится повышением боеготовности 36
  - Потребуется прекращения военных действий 30
  - Иное решение 14
- 9. Вероятный исход военного конфликта в Корее**
- Быстрое окончание военных действий с незначительными потерями сторон 10
  - Затяжной конфликт с тяжелыми последствиями для КНДР и РК 75
  - Оккупация американцами территории КНДР 9
  - Другой исход 6
- 10. Предполагаемая реакция Китая на военный конфликт в Корее**
- Поможет КНДР всеми имеющимися средствами 24
  - Призовет стороны к прекращению конфликта 73
  - Будет только наблюдать 3
- 11. Предпочтительная на Ваш взгляд реакция России на военный конфликт в Корее**
- Окажет КНДР помощь оружием и техникой 13
  - Использует механизм консультаций с КНДР, РК, Китаем, Японией и США в интересах прекращения конфликта 82
  - Будет только наблюдать 5

Рецензии

Яковлев А.Г. Россия, Китай и мир. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 472 с.

Недавно на нашем книжном рынке появилась книга "Россия, Китай и мир", представляющая собой сборник статей главного научного сотрудника Института Дальнего Востока Российской академии наук А. Яковлева, написанных им за последние 12 лет. Большинство из них было уже опубликовано в различных научных изданиях. Однако в своей совокупности они представляют большой общественный интерес, поскольку эти работы в основном посвящены анализу актуальных проблем российской внешней политики за указанный период.

Профессор Яковлев является одним из видных китаеведов России. Его статьи в основном сконцентрированы на весьма актуальной проблеме взаимоотношений в "треугольнике" Россия — США — Китай. Это, так сказать, формальная характеристика книги. На деле же она представляет собой собрание глубоких размышлений о нашем времени, о современном состоянии международных отношений и перспективах их эволюции, о движении международного сообщества к новому раскладу сил, возможных вариантах нового мироустройства и роли в этом процессе России, Китая и других ведущих мировых держав.

Книга читается не как сугубо научный трактат, а как полные душевного волнения размышления российского политолога, искренно болеющего за судьбы своей Родины, за ее выживание в современном мире.

Как не раз подчеркивается в рецензируемой работе, "треугольник" США-Россия-Китай все еще представляет собой базовую матрицу расстановки мировых сил, несмотря на нынешнее незавидное положение России в этом треугольнике. Поскольку большинство из вошедших в сборник работ относятся к тому периоду, когда Россия еще не входила в состав нынешней «восьмерки» основных держав мира, А. Яковлев оперирует понятием

«семерки» главных держав Запада, противопоставляющей себя всему остальному миру и навязывающей ему сугубо монополярный (однополюсный) мир. Это такой мир, в котором единолично правит так называемый Запад, подминающий под себя и свои потребности весь остальной мир, состоящий во многом из более или менее молодых развивающихся государств.

В тот период, когда существовал мощный Советский Союз, собравший вокруг себя не только государства социалистической ориентации, но и всех недovolных грубым нажимом со стороны США, расклад сил в мире именовался биполярным. Эта "биполярность" характеризовалась известным военно-политическим равновесием между двумя его полюсами — Советским Союзом и Соединенными Штатами. Это равновесие не позволяло Западу, возглавляемому США, подминать под себя независимые государства так называемого Третьего мира и давала надежды странам, в него входящим, на дальнейший прогресс и окончательное освобождение от остатков колониализма.

Как известно, сильный удар по этим надеждам был нанесен руководством Китая, которое в конце 60-х гг. начало ссору с Москвой и, порвав с ней, фактически развалило единый фронт социалистических государств, сделав мир, можно сказать, трехполюсным. (Нельзя не признать при этом и того очевидного факта, что Советский Союз под руководством Н. Хрущева тоже внес свою лепту в размолвку с КНР).

Однако это событие остается за хронологическими рамками публикуемых работ А. Яковлева, который исходит из оценки КНР как уже вновь дружественного России государства, безусловно заинтересованного в сдерживании все более нагнетающего американского империализма. На рубеже 80-90-х гг. Пекин выдвинул концепцию многополярного мира в качестве системы противодействия нарастаю-

щему давлению объединенных сил западного мира, особенно американского гегемонизма. Как отмечает А. Яковлев, потребность в таком повороте сложилась и вызрела в Пекине в процессе налаживания дружеских отношений КНР с Западом. При этом руководители Китая не изменили своей установки на здоровое и энергичное развитие на китайской земле именно социализма.

"Начало 90-х годов стало рубежом, с которого стартует процесс фактической идеологизации внешней политики Китая", — отмечает автор.

С этого времени вполне определилась ситуация, в которой КНР как бы превращается в главную цитадель марксизма-ленинизма, где последний получает рациональное развитие и применение". Логически такой ход событий, — отвечает А. Яковлев, — может привести к активизации Китая в качестве идеологического и организационного центра сплочения международных сил коммунистического толка, не склонных преувеличивать возможность «добрососедского» сосуществования двух типов общества — социалистического и капиталистического — и их благополучного слияния в едином общецивилизационном процессе" (стр.36). Но это писалось еще в то время, когда сохранялась надежда на то, что наша страна не развалится, что она либо останется на социалистическом пути, либо — в результате так называемой конвергенции — приблизится к капиталистической системе, сохранив вместе с тем наиболее эффективные достижения социализма.

Однако уже через два года Запад откровенно торжествовал свою полную победу в "холодной войне" (не только внешнеполитическую, но также и в плане ликвидации в новой России всех основных социальных достижений социализма). И тогда перед российскими учеными и политиками встала задача определить место и роль России в новых условиях. Это оказалось весьма сложным делом. С одной стороны, внимание власть предержащих оказалось почти целиком сосредоточенным на дележе между собой (приватизации) социалистической собственности. С другой, как отмечал в то время Яковлев, все более актуальной становилась проблема внешнеполитическая, проблема места и роли новой России в мире, поскольку "происходящая в процессе становления многополярного мира экономическая и политическая интеграция лишь укрупняет

масштабы грядущих межнациональных и межблоковых конфликтов" (стр. 42). Это утверждение автора было наглядно подтверждено рядом острых межнациональных конфликтов в границах бывшего СССР.

В то же время в результате так называемой перестройки наша страна пострадала не только из-за резкого ухудшения экономической ситуации, но и из-за того, что начатый в ходе перестройки процесс ускоренного разоружения СССР—России фактически обернулся обязательной ликвидацией вооружений и почти полной остановкой их производства.

В то же время, как отметит А. Яковлев, "большая семерка" (в составе США, Англии, Франции, Италии, Германии, Канады, Японии — Г.Т.) "в целом и ее члены как субъекты мировой и региональной политики небывало укрепили свое положение, получили беспрецедентную за весь послевоенный период свободу рук в международных делах. А нынешняя монополярная сверхдержавность Соединенных Штатов не только благоприятствует гегемонистским устремлениям Вашингтона в отношении незападной части мира, но и укреплению его лидирующей роли в "большой семерке" (стр.52).

В результате тщательного анализа ситуации А. Яковлев пришел к выводу, что сохраняющаяся социальная биполярность мира отнюдь не утратила своего значения для международных отношений. Ее можно сколько угодно прикрывать, маскировать геополитическими интересами, но она неизбежно будет проявляться в качестве важного самостоятельного фактора в мировом развитии и международных отношениях, порождая в них жесткую напряженность.

"Таким образом, — пишет он, — угроза мировой войны с ее новейшими модификациями отнюдь не устранена. Поэтому подлинные преимущества, полученные Западом в результате победы в "холодной войне", заключаются в том, что перед ним теперь стоит все более дезинтегрирующийся, раздираемый этническими и другими военными конфликтами мир, в котором гегемонистская линия США... может стать в высшей степени эффективной, какой она объективно не могла быть в прежней двухполюсной геополитической системе мира" (стр.53).

Возникает естественный вопрос: какой внешнеполитической линии должна придерживаться Москва, чтобы сохранить российскую независимость и по мере сил

не допустить создания такого нового мирового порядка, в котором единоличную роль хозяина и наставника будут играть Соединенные Штаты и небольшая группа других западных государств, упорно идущих в фарватере американской политики.

Традиционно, с момента появления в мире независимых государств, порой вступавших в вооруженные конфликты друг с другом, мировой порядок основывался на принципе равновесия, или, как принято говорить, баланса сил главных участников международного общежития. В последние столетия баланс сил стал "основным законом наций", как выражался один из корифеев международного права Л.Оппенгейм. Классическим примером баланса сил в новейшее время было установившееся после окончания второй мировой войны равновесие сил между двумя мировыми коалициями: капиталистических государств ("Западом") во главе с Соединенными Штатами и государств социалистической ориентации ("Востоком") во главе с Советским Союзом. Между ними колебалась большая группировка неприсоединившихся государств во главе с социалистической Югославией и буржуазной Индией, занимавших так называемую нейтральную позицию по отношению к двум основным блокам. Однако их "нейтралитет", как однажды образно выразился государственный секретарь Соединенных Штатов Дж. Ф. Даллес, сводился к тому, что эти государства были в основном "нейтральны против США"!

Победа Запада в "холодной войне" привела к тому, что в мире фактически осталась лишь одна сплоченная группировка государств — западный блок во главе с США, противопоставивший себя всему остальному миру. Часть бывших социалистических государств, покончив с социализмом, перекинулась в западный блок (в первую очередь — государства Центральной и Восточной Европы). В результате мировой баланс сил оказался ликвидированным и де-факто замененным диктатом Запада во главе с США, стремящимися навязать свою волю всему остальному человечеству.

Такая ситуация, отмечает А. Яковлев, создает большие преимущества для Запада, ибо в подобных условиях гегемонистская линия США может стать в высшей степени эффективной, какой она объективно не могла быть в прежней двухполюсной системе мира. В такой обстановке перед остальным мировым боль-

шинством возникает вопрос о том, возможно ли в той или иной форме противостоять этому новому гегемонизму, и, если ответом будет "да", то в каких формах?

На этот вопрос профессор Яковлев отвечает утвердительно, подчеркивая, что реальная многополюсность давно возникла на Востоке и, несмотря на распад мировой коалиции во главе с СССР, это явление может реализоваться и в наше время. Для этого необходимо сплочение активных сил остального мира для противодействия диктату "сверхразвитого центра", обещающему быть невиданно жестоким. Подобная задача, подчеркивает он, является, вероятно, еще более многосложной, чем задача объединения международных антиимпериалистических сил в недавнем прошлом. "Потенциал этого фронта, — отмечает А. Яковлев, — будет включать какую-то часть демократически настроенных кругов и в самом "сверхразвитом центре" современной индустриальной цивилизации" (стр.55). И такая постановка вопроса в наши дни подтверждается оппозицией Франции, Германии и ряда других государств Запада агрессивным акциям Вашингтона на Ближнем Востоке.

Осью нового сплочения антигегемонистских сил, по мнению автора сборника, должно стать объединение усилий новой России и Китая на почве противостояния агрессивным поползновениям США и их союзников. В этой связи исследователь уделяет особое внимание эволюции современного Китая и концепциям китайских ученых относительно воссоздания нового баланса сил в мире, способного обуздать происки новых гегемонистов. Именно баланса сил, а не "баланса интересов", о котором начали говорить еще лидеры СССР, когда уразумели, что им оказалось не под силу тягаться с США в дальнейшем наращивании стратегических вооружений. Никакого "баланса интересов", не подкрепленного равновесием сил, в мире быть не может — считает А. Яковлев, ссылаясь на известную формулу В.И. Ленина о том, что решения в капиталистическом мире принимаются исключительно по силе, по капиталу, а не на основе маниловских иллюзий о некоем абстрактном "балансе интересов". Хотя Россия в нынешнем мире уже есть часть мировой капиталистической системы, возможность ее реального присоединения к элитарному миллиарду является, по мнению А. Яковлева, чисто гипотетической.

В связи с этим автор сборника обра-

щает особое внимание на разработку китайскими теоретиками концепции многополярного мира. Оставаясь реалистом, А. Яковлев в начале 90-х гг. отмечал, что "китайское руководство не может не видеть, что партнерские и даже союзнические отношения России с Западом не мешают, а даже облегчают последнему вести линию на ее всемерное ослабление, в том числе путем стимулирования процесса ее дезинтеграции" и что у Китая практически вряд ли были основания препятствовать этому (стр.86). Однако, убедительно аргументирует А. Яковлев, Китаю совершенно невыгодна дезинтеграция России, утрата ею роли влиятельной силы в мировой и региональной политике. Перед лицом грядущей, по его мнению, конфронтации с Западом, объективно неизбежной из-за противоречий межсистемного характера, Китай заинтересован в соседстве с сильной Россией, занимающей по крайней мере нейтральную позицию в отношении конфронтации Китая с Западом, с теми же США, фактически стремящимися оторвать Тайвань от Китая.

"В этой связи — подчеркивал автор еще в середине 90-х гг. — нельзя не обратить внимания на такой стратегически важный шаг Китая, как его согласие на быстрое завершение пограничного спора с Россией, который при ее предшественнике — СССР — был весьма острым и длился почти три десятилетия" (стр.86). За этим шагом, как известно, последовали, создание в июне 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества в составе Казахстана, КНР, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана, заключение в Москве в июле 2001 г. между Российской Федерацией и КНР Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, обновление совместной декларации РФ и КНР в декабре 2002 г. об углублении стратегического партнерства между двумя государствами, подписание ряда других документов, скрепляющих внешнеполитическое взаимодействие между двумя странами.

Как заявили главы государств России и Китая, в российско-китайском договоре, "определяющем развитие российско-китайских отношений в новом веке..., в юридической форме закреплена мирная идеология двух государств и их народов: «навсегда друзья и никогда — враги»".

В условиях такого развития событий на первый план в трудах А. Яковлева выходит анализ возможных подходов к

строительству нового международного порядка. Анализируя ставшую одно время модной концепцию американского политолога С. Хантингтона о так называемом столкновении цивилизаций, которое - де становится доминирующим фактором мировой политики, А. Яковлев отмечает, что призывая Америку и Европу учиться существовать с незападными цивилизациями, глубинный практический смысл его концепции состоит в ином. А именно в том, что "центры силы, составляющие ныне Запад, ни в коем случае не должны даже помышлять о том, чтобы ставить свои частные (по отношению к общезападным) интересы во главу угла их политики в ходе неизбежного все более острого противостояния Запада с остальным миром. А он, этот остальной мир, угрожает американо-европейской цивилизации уже не столько в социальной, сколько в национальной сферах, отличающихся повышенной иррациональностью, а потому и меньшей управляемостью. Иначе говоря, С.Хантингтон своим тезисом о западной цивилизации как о некой целостности, оказавшейся перед лицом еще более грозной опасности, чем во времена межсистемной конфронтации, обосновал необходимость нарастающего единства и сплоченности западных центров силы под непосредственным руководством США в целях совместного коллективного навязывания своей единой воли, своего общего диктата остальному миру" (стр.211).

Эта установка, безусловно взятая на вооружение правящими кругами Запада, в свою очередь требует и ответного сплочения сил, противостоящих глобальному экономическому, политическому и военному наступлению Соединенных Штатов.

Через всю работу профессора Яковлева красной нитью проходит мысль об объективной неизбежности возвращения системы международных отношений к политической биполярности и превращения многоплановой борьбы центра и так называемой периферии в доминанту всех грядущих международно-политических процессов. Именно эта борьба в конечном счете определит, по убеждению автора, и характер нового мирового порядка, и весь будущий социально-политический облик мирового сообщества.

Настоящий мировой порядок, доказывает Яковлев, может быть создан только на основе нового баланса сил, который сможет сдерживать агрессивные устремления американского империализма (в

прямом значении этого слова — строительства собственной империи).

И в этом плане, указывает автор сборника, весьма ценными оказываются разработки китайских теоретиков, которые задолго до выдвижения известного тезиса Е. Примакова о целесообразности создания нового "треугольника" силы в виде, если не союза Москвы, Дели и Пекина, то хотя бы координируемой внешней политики этой тройки, пришли к такому же выводу.

Уже в своей работе 1996 г., вошедшей в сборник, Яковлев подробнейшим образом суммировал все возможные важнейшие направления стратегического взаимодействия "большой тройки", которые могут и должны привести к восстановлению глобального баланса сил. Не буду здесь перечислять все шаги, которые, по мнению А. Яковлева, должна была бы осуществить указанная тройка. В число предлагаемых мер входят действия как на уровне отношений каждого из участников "тройки" друг с другом, так и их возможная скоординированная деятельность на уровне региональной и мировой политики. Читатель их найдет на страницах 137-144 рецензируемого сборника. И можно лишь согласиться с автором, считающим перечисляемые им меры "последним шансом оградить мир от губитель-

ного всевластия Запада".

"Сейчас, — указывает А. Яковлев, — трудно предсказать, как нынешние и будущие правящие элиты России, Китая и Индии конкретно ответят на эти императивы. Однако есть более чем достаточно оснований утверждать, что их недооценка, а тем более их игнорирование со стороны трех держав чрезвычайно отдалит или вообще исключит перспективу установления демократического справедливого миропорядка и расчистит простор для сведения проблемы выживания всего человечества к проблеме благоденствия только "золотого миллиарда" (стр. 143).

Надо признать, что какая-то скоординированная целенаправленная деятельность в рамках "треугольника" осуществляется. И все же нельзя пока сказать, что этого достаточно для эффективного противодействия глобальному военно-политическому наступлению Соединенных Штатов. При этом с большой горечью приходится признать, что Россия в этом плане отстает от двух других членов "тройки".

Именно для того, чтобы понять всю нынешнюю невероятную сложность международных отношений и реальные перспективы установления более или менее прочного мира на нашей планете, я и рекомендую читателям книгу профессора Яковлева.

© 2003

*Г. Трофименко,
профессор, заслуженный деятель науки РФ.*

Боревская Н.Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае. М., ИДВ РАН, 2002. 145 с.

Монография Н.Е. Боревской представляет собой философско-исторический очерк зарождения и развития педагогической мысли в Китае и становления национальной практики образования на протяжении многовековой истории Поднебесной. Данную работу — плод многолетних научных изысканий автора — без преувеличения можно отнести к разряду пионерских. Впервые в отечественной синологии в такой полноте и многоаспектности обрисован и проанализирован процесс формирования традиционных китайских представлений о целях воспитания, его содержании и направленности, о связи нравственной и познавательной функций образования, о соотношении этики и дидактики, о месте и роли Учителя в китайской социально-педагогической традиции. В то же время рецензируемая работа рисует картину исторической преемственности и трансформации образовательных институтов в Китае (как государственных, так и частных учебных заведений различных ступеней), включая уникальную практику проведения государственных экзаменов не право получения чиновничьей должности (кэ цзюй). Таким образом, читатель получает возможность познакомиться с традиционной китайской педагогикой сразу в двух ее измерениях — теоретическом и практическом.

В этой связи хотелось бы отметить, что специфику исследования Н.Е. Боревской, которая обуславливает его несомненную ценность как для Китаеведов разных узкодисциплинарных интересов, так и для историков философии и мировой педагогической мысли, составляет глубокий анализ философских оснований традиционной китайской педагогики. Этой теме специально посвящена глава 1, однако на протяжении всей книги автор настойчиво и аргументированно проводит мысль о совпадении философских и педагогических идей в древнекитайской цивилизации и их глубокой взаимосвязи на более поздних этапах китайской истории. Считая "феномен тождества философии и педагогики" явлением если не исключительно китайским, то во всяком случае "более характерным для китайской, чем для

других древних цивилизаций" (с.6), Н.Е. Боревская подкрепляет свой тезис содержательными ссылками не памятники китайской философской мысли разных эпох. Преимущественное внимание уделяется конфуцианской философско-педагогической концепции, влияющие которой на практику воспитания и образования в Китае охарактеризовано как доминирующее. Опираясь на высказывания классиков конфуцианства (начиная с Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы, включая идеи Дун Чжуншу, Ван Чуна, Хань Юя, неоконфуцианцев Чжан Цзая, братьев Чэн, Ван Янмина, а также Ван Чуаньшаня), автор демонстрирует процесс кристаллизации традиционного идеала личности (как цели педагогических усилий) в контексте истории конфуцианства. В работе также нашли отражение специфика и историческая роль даосистских, моистских и легистских идей, касающихся задач и функций образования, хотя по сравнению с конфуцианством прочие направления философско-педагогической мысли в Китае охарактеризованы фрагментарно. В целом же со страниц книги встает увлекательная история формирования представлений мыслителей Поднебесной (с древности до рубежа XIX-XX вв.) о природе человека и методах ее совершенствования, о соотношении рациональных и чувственно-эмоциональных факторов познания, о связи эпистемологии и этики, знания и морали, обучения и воспитания.

Содержание рецензируемой монографии позволяет идентифицировать ряд тезисов в качестве теоретической канвы авторской интерпретации конкретных особенностей китайской педагогики, или совокупности обобщений и выводов, которые выступают своего рода концептуальным путеводителем по ее историческим дорогам. Ключевым здесь является уже упомянутое выше понимание традиционной педагогики Китая как неотъемлемой части ее традиционной (преимущественно конфуцианской) философии. Это обстоятельство, по мнению Н.Е. Боревской, обусловило такие характерные черты национальной педагогической теории, как отождествление образования, воспитания и

нравственного совершенствования, культ рационального знания и книжной мудрости, преобладание рациональных методов воздействия на ученика при игнорировании его внутреннего эмоционального мира, отсутствие понятия индивидуальной самооценки личности как объекта и цели воспитательного процесса.

Конкретизируя эти положения (которые обозначают магистральное направление исторического развития педагогической мысли в Китае, но, разумеется, не исчерпывают ее содержания), автор демонстрирует разноплановость преломления конфуцианской этической доктрины в теории и практике воспитания и обучения в Поднебесной. Начиная с Конфуция, их общим стержнем выступает нравственное совершенствование человека, обретение им, благодаря постижению книжной мудрости, высших конфуцианских добродетелей. При этом определяющим фактором процесса обучения выступали не столько познавательные способности человека, сколько его нравственные качества (хотя последние также нуждались в совершенствовании посредством приобретения знаний). Именно в этом философском контексте автор предлагает рассматривать специфическое для китайской педагогической теории понятие "праведного знания", которое отражало неразрывную связь образованности и морального совершенства в традиционном китайском сознании. На протяжении столетий воспитание трактовалось как целенаправленное воздействие на природу человека, результатом которого должно было стать появление идеальной личности ("благородного мужа", стремящегося обрести статус совершенномудрого). Автор выделяет два исторических подхода к пониманию этого процесса, его методов и задач. Первый — "гармонизирующий" — берет свое начало в рассуждениях Мэн-цзы о обучении как следовании естественному развитию человека, который от природы добр; второй, "акцентирующий переделку изначально дурной человеческой природы", был обоснован в учении Сюнь-цзы. Дурная сторона человеческой природы ассоциировалась в традиционной философии с миром страстей, эмоций и эгоистических желаний; соответственно главным методом педагогического воздействия стали апелляция к разуму ученика, подавление любых чувственных проявлений его натуры, игнорирование его внутреннего мира и отсутствие каких-либо эмоционально окра-

шенных элементов в дидактике. Поскольку же личность в древнем и средневековом Китае типизировалась, а не индивидуализировалась, педагогический процесс оказался "обращенным к абстрактной человеческой модели", — подчеркивает автор (с.7).

Несмотря на то, что философы-неоконфуцианцы на протяжении нескольких веков сделали заметные шаги на пути осознания индивидуальной специфики личности, дифференцированности ее интеллектуальных задатков, разнообразия эмоциональных реакций и волевых усилий в процессе обучения, вплоть до Нового времени в китайской философско-педагогической теории так и не утвердилась идея становления и развития уникальной личности, обладающей неповторимым внутренним миром и ценностью вне и помимо традиционного социума. Этот факт дает основание автору сделать вывод о доминировании в традиционной китайской педагогике тенденции, которую она называет социоцентристской — в противовес западной персонцентристской трактовке воспитательного процесса. Разумеется, в истории китайской педагогики, при всей ее авторитарности и схоластичности, были мыслители-новаторы, которые в разные исторические эпохи отстаивали принципы индивидуализации и дифференциации человеческой природы (Хань Юй, Чжан Цзай, братья Чэнь), констатировали различие умственных способностей людей и доказывали необходимость индивидуальных методов обучения (Ван Янмин), рассуждали о развитии и изменении человеческой природы под воздействием среды, обучения и воспитания (Ван Чуаньшань). Оппонентами традиционной конфуцианской дидактики выступали представитель даосского ренессанса Цзи Кан, который пытался реабилитировать чувственные импульсы человека, ученый-чиновник Янь Чжигуй с его идеей эмоционального воздействия на ребенка в процессе обучения, неоконфуцианцы Ван Аньши и Янь Юань, выступавшие против идеи "праведного знания". Тем не менее, это новаторство не стало определяющим в развитии китайской философско-педагогической мысли, которая препятствовала становлению "практики обучения и воспитания, ориентированной на индивидуальность", — резюмирует свои рассуждения Н.Е.Боревская (с.19).

Нарушая последовательность авторского изложения материала, но следуя

внутренней, концептуальной логике монографии, хотелось бы обратить особое внимание на раздел 2 главы 3, где анализируются дидактические принципы китайской педагогики "в свете философской концепции знания". Этот раздел книги отличает новаторский подход к осмыслению приемов и методов традиционной дидактики как укорененных в базовых философско-эпистемологических постулатах конфуцианства. В частности, автор доказывает, что соотношение элементов в дидактической цепочке "знание — действие" в традиционной китайской ее транскрипции было продиктовано конфуцианской философской максимой "единства слова и дела" (*янь син и чжи*), которая подразумевала действенность знания и осознанность действия (т.е. подчинение последнего требованиям долга и морали). Рассмотренное под этим углом зрения, конфуцианское толкование воспитательного процесса предстает как претворение "слова" (конфуцианского канона) в совокупность высокоморальных действий. Очевидно, что данный дидактический принцип продиктован ортодоксальным конфуцианским представлением о более высоком эпистемологическом статусе книжного (рационального, умозрительного, спекулятивного) знания по сравнению со знанием прикладным, практическим, опытным — представлением, которое подверглось существенному переосмыслению в учениях Ван Янмина и Ван Чуаньшаня и тем не менее сохранило свое главенствующее положение в китайской дидактике и эпистемологии вплоть до Нового времени. Перечисляя главные принципы китайской педагогики (обучать в зависимости от материала, развивать и направлять, сочетать изучение и размышление), Н.Е.Боревская отмечает такую характерную ее черту, как соотнесение результативности воспитательного воздействия Учителя с ответными волевыми усилиями ученика. В этой связи особое внимание уделяется дидактическому аспекту философской максимы "очищение сердца" (*сюй синь*). На протяжении многовековой истории конфуцианства эта максима подвергалась разным толкованиям, однако суть ее всегда сводилась к требованию осознать несовершенство своих знаний, отказаться от пристрастных суждений, научиться воспринимать мнения, отличные от собственных. Другими словами, "очищение сердца" выступало эпистемологической и нравственной предпосылкой поз-

нания, демонстрируя действенную связь традиционной философии и дидактики.

В соответствии с намерением автора показать содержание педагогического процесса в традиционном Китае в его целостности, значительное место в монографии отводится институциональным и организационно-практическим аспектам образования. Эта по преимуществу описательная часть рецензируемой работы содержит конкретные сведения из истории национальной школы древности и средневековья; здесь прослеживается обусловленность возникновения и трансформации институтов образования социально-политической ситуацией, характерной для той или иной эпохи, крупномасштабными социально-экономическими процессами (рост городов, развитие ремесел и прикладного знания), научно-техническим прогрессом. Как отмечает автор, отличительной особенностью традиционной китайской системы образования было подчинение всех видов обучения требованиям этики и обрядности. В этой связи особый интерес представляет сравнительный анализ организации и содержания учебного процесса (стержнем которого выступало "освоение культуры прошлого посредством литературы, обрядов, музыки" — с.55) в государственных и частных учебных заведениях, включая методы обучения, учебные программы, набор дисциплин, принципы и очередность их преподавания. Подробно рассказывается о таком знаменательном феномене китайской и мировой педагогики, как частные академии (*шу юань*). Примечательно, что в монографии предпринята попытка дать самое широкое и вместе с тем систематизированное представление о структуре и деятельности традиционных китайских институтов образования (включая как классические учебные заведения разных ступеней и административного подчинения, так и традиции профессионального обучения — медицина, математика, астрономия и астрология, юриспруденция, каллиграфия, гадательная практика). Обратной стороной этой широты и многоаспектности, к сожалению, является неизбежная (в условиях ограниченного объема) конспективность изложения некоторых тем (социальные функции образования с точки зрения разных философских школ, сопоставление древнекитайских и античных академий) и беглость характеристики тех или иных примечательных исторических явлений (экзаменационная

система кэ цзюй, уникальная этика взаимоотношений Учителя и ученика).

В определенной мере фрагментарность освещения перечисленных проблем компенсируется Приложением-гlossарием, где можно обнаружить сведения об истории и функционировании некоторых учебных заведений традиционного Китая (го сюэ, тай сюэ, миссионерские школы), разъяснение отдельных терминов и понятий национальной педагогической мысли (си сюэ, эстетическое воспитание), а также биографические справки о выдающихся китайских педагогах Нового и новейшего времени (Тао Синчжи, Хуан Яньпэй, Чэнь Хэцин, Ян Сяньцзян). В Приложении содержится перечень древних и средневековых китайских трактатов по педагогике, а также список нормативных документов КНР в сфере образования (80-90-е годы XX в.). Последний позволяет судить о тенденциях образовательных реформ в стране в свете новейшей концепции "социалистической системы образования с китайской спецификой". Изложением этой концепции, теоретические принципы которой — как "поворота к модернизации, к миру, к будущему" — сформулировал в 1983 г. Дэн Сяопин, завершается исторический очерк Н.Е.Боревской. Связующим звеном между традиционной и новейшей китайской педагогикой служит краткий экскурс в ее историю XIX-начала XX вв. Автор выделяет два значимых этапа трансформации традиционной педагогической теории и практики в Китае: становление новой педагогики на раннем этапе модернизации страны (середина XIX в. — школьные реформы 1912 и 1922 гг.) и попытка создания национальной марксистской педагогики, известной под именем "новодемократического образования" (30-70-е гг. XX в.).

Содержательный анализ течений китайской педагогической мысли XIX-первой трети XX в. (задачи образования с позиций идеологов "самоусиления", концепция демократизации образования реформаторов умеренно-буржуазного направления, позиция либерально-буржуазных просветителей 1910-30-х гг.) предваряется теоретическими соображениями относительно хронологических границ формирования современной системы образования в Китае. Как отмечает автор, решение этого вопроса зависит от того, какой исторический смысл вкладывается в понятия "модернизация" и "современное образование". Обычно выделяют следую-

щие поворотные моменты модернизации традиционной китайской педагогики: рубеж XIX-XX вв., ознаменовавший "открытие" Китая миру в результате его поражения в "опиумных" войнах; "движение за новую культуру" 1919 г., способствовавшее внедрению некоторых идей западной педагогики в теорию и практику образования в Китае; 1949 год, установление народной власти, совпавшее с реорганизацией системы образования в странах послевоенной Европы; 80-90-е гг., трансформация национальных институтов образования применительно к требованиям информационной эпохи и процесса глобализации. Не опровергая этих устоявшихся хронологических принципов, Н.Е.Боревская все же считает более продуктивным анализ процесса модернизации образования "в компаративистском контексте", связывая понятие "модернизированная нация" с ее готовностью взаимодействовать с другими культурами. "С этих позиций, — уточняет свою мысль автор, — значимым рубежом в истории Китая стал переход к XX в., когда происходило постепенное осознание необходимости массовой грамотности и началось внедрение в систему образования нетрадиционных для Китая категорий знания" (с.82). В этот период наметилась связь обучения с производительным трудом, а процесс воспитания начал ориентироваться на развитие личности. "Все последующие этапы на протяжении XX в. являлись собой лишь различные ступени модернизации" (там же).

В монографии акцентируются следующие аспекты модернизации традиционной педагогической доктрины и системы образования в Китае в Новое и новейшее время: их демократизация и отказ от элитарности, "научность", т.е. ассимиляция западных научных дисциплин и категорий знания и сопряжение их с традиционной китайской практикой образования, установка на передачу общеобразовательных знаний и подготовку научно-технических кадров вместо прежней задачи нравственного воспитания, формирование гражданина, потеснившего прежний идеал "благородного мужа".

Переходя к характеристике "новодемократической" модели образования, основные теоретические параметры которой были определены в программной работе Мао Цзэдуна "О новой демократии" (1940 г.), Н.Е. Боревская вычленяет в ней три идейных пласта: традиционную китайскую педагогику, присутствие кото-

рой, в частности, сказалось в попытке восстановить конфуцианский приоритет нравственного воспитания по сравнению с умственным и физическим; идеи китайских буржуазных демократов, испытавших влияние американской философии прагматизма; марксистско-ленинская педагогика, в первую очередь — опыт СССР. В целом же содержание и направленность "новодемократической" концепции образования определялись "политическими целями классовой борьбы и жесткой экономией" (с.105), что привело к дезорганизации всей системы образования и снижению его качества (особенно в годы "Великого скачка" и "культурной революции").

Если крайне идеологизированные принципы "новодемократического" образования разрабатывались в отрыве от современной им мировой педагогики, то новейшая концепция "социалистической системы образования с китайской спецификой", вопреки своему названию, ориентируется на последние достижения зарубежной педагогической мысли, а также на некоторые идеи китайских демократов 20-30-х г. Принципиально новые положения этой концепции (по сравнению с педагогическими установками 50-70-х гг.) Н.Е.Боревская связывает с отказом от приоритета политических задач в сфере образования и переосмыслением экономических функций последнего в условиях перехода к рыночной экономике и инфор-

мационному обществу. Экономические функции образования (и воспитания) рассматриваются теперь как сопряженные с изменениями в социальной структуре общества и с тенденциями научно-технического прогресса. Иначе, чем в предыдущие десятилетия, видится сегодня и цель воспитательно-образовательных усилий: это формирование личности (*жэньгэ*), которая олицетворяет собой единство личностной индивидуальности (*гэсин*) и специалиста высокой квалификации (*жэньцай*), а в перспективе предполагает — в духе модернизированного конфуцианства — становление человека культуры (*жэньвэнь*). Таким образом, теоретическая и практическая направленность китайской педагогической доктрины рубежа XX-XXI вв. позволяет говорить о ней как о значимом факторе национальной духовной эволюции. Именно под этим углом зрения — как элемент китайской духовной культуры, воплощенный в системе образовательных институтов, история китайской педагогики нашла свое отражение на страницах рецензируемой работы. Небольшое теоретическое заключение, которое, к сожалению, отсутствует в монографии Н.Е.Боревской, сделало бы более очевидным имманентное стремление автора акцентировать те аспекты национальной педагогики, которые демонстрируют ее глубокую связь с духовно-философским содержанием тысячелетней истории Китая.

Юбилей ученого

Александр Мировичу Григорьеву 70 лет

28 апреля 2003 года исполнилось 70 лет Александру Мировичу Григорьеву, главному редактору журнала «Проблемы Дальнего Востока», заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, доктору исторических наук, одному из ведущих отечественных специалистов по новой и новейшей истории Китая и других стран Дальнего Востока.

Фундаментальные исследовательские работы А. М. Григорьева хорошо известны российской и мировой общественности. Они обогатили научную мысль в нашей стране и далеко за ее пределами многими новыми идеями и концепциями, основанными на глубоком и комплексном познании исторических процессов, с широким использованием современных теоретических и методологических подходов и скрупулезным, критическим освоением источников, многие из которых были введены А.М. Григорьевым впервые в научный оборот. Публикации А.М. Григорьева переведены и изданы в Китае, Японии, США, Италии, в ряде стран Восточной Европы.

Особенно значителен вклад А.М. Григорьева в изучение политической истории Китая в XX веке. В монографиях, принадлежащих его перу главах и разделах коллективных работ, статьях, многочисленных докладах и выступлениях на национальных и международных конференциях А.М. Григорьев вычленяет и обстоятельно анализирует важнейшие тенденции общественного развития, глубоко раскрывая закономерности их эволюции и причинно-следственные связи.

К числу наиболее важных достижений исследовательской деятельности А.М. Григорьева следует отнести разработку им новой концепции содержания аграрно-крестьянской проблемы в Китае, характера аграрной программы КПК, крестьянских движений и роли крестьянства в китайской революции. А.М. Григорьев на основе обширного первичного материала убедительно доказал, что в специфических условиях землевладения и землепользования, социальной организации, социальной и демографической структуры китайской деревни в Китае была невозможна спонтанная аграрная революция «снизу» по европейско-русской модели.

В работах А.М. Григорьева показано, что Красная армия Китая, состав которой многими исследователями ранее трактовался как в основном «крестьянский», на деле была на первых порах по своему составу пауперско-люмпенской. Выявление этого важнейшего обстоятельства позволило А.М. Григорьеву, по-новому осветить то воздействие, которое оно оказало на облик КПК, на ход формирования ее основных организаций в 30-е годы в рамках крупнейших армейских соединений, на опыт, воззрения и методы деятельности партийного руководства в революционный период и в первые десятилетия после создания КНР. Труды А.М. Григорьева по этой проблематике отличаются высоким индексом цитирования в научной литературе.

Под руководством и при активном личном участии А.М. Григорьева в настоящее время осуществляется программа «Основные проблемы политической истории Китая в XX веке. Новые источники и исследования». Центральное место в этой программе занимает крупный международный проект публикации архивных документов под общим названием «ВКП(б), Коминтерн и Китай». В 1994-1999 годах вышли в свет три тома сборников документов общим объемом свыше 220 п.л. Публикации, несомненно, будут способствовать продвижению исторических исследований по данной проблематике на принципиально новый уровень. О высоком международном признании значимости этих трудов для исторической науки свидетельствует перевод и издание их в ФРГ, в континентальном Китае и на Тайване.

А.М. Григорьев уделяет большое внимание изучению современных общественно-политических и социально-экономических процессов в КНР. Рассмотрение этих процессов в широком теоретическом и историческом контексте дает ему возможность анализировать их типические и специфические черты, выявлять как общие закономерности, так и особенности китайской модернизации, китайских реформ, включения Китая в глобализацию.

В течение последнего десятилетия А.М. Григорьев бесменно является главным редактором журнала «Проблемы Дальнего Востока». Под его руководством журнал занял достойное место в ряду ведущих отечественных периодических изданий по общественным наукам. Значительно вырос авторитет журнала в отечественном и мировом востоковедении. Публикации журнала все в большей мере привлекают внимание исследователей и практиков в нашей стране и за рубежом. Журнал широко используется профессорами и студентами при изучении востоковедческих дисциплин в высших учебных заведениях. На его страницах находят отражение наиболее злободневные проблемы международных отношений, политической, экономической, социальной и культурной жизни стран Дальнего Востока, глобальные и региональные процессы. Редколлегия и редакция журнала стремятся отражать весь спектр существующих в науке взглядов. В журнале публикуются статьи не только столичных ученых, но и исследователей, работающих в исследовательских и образовательных центрах других городов страны. Со своими точками зрения и выводами знакомят читателей журнала и зарубежные востоковеды. По инициативе А. М. Григорьева в последнее время стали проводиться круглые столы по наиболее актуальным и дискуссионным вопросам с последующей публикацией выступлений участников.

Александр Миронович Григорьев встречает свой юбилей в расцвете творческих сил. Дирекция и коллектив сотрудников ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют юбиляра с этой замечательной датой и желают исполнения всех его научных планов и замыслов, реализации новых проектов на том высочайшем научном уровне, который он неизменно демонстрировал во всех своих прежних работах. Мы высоко ценим А.М.Григорьева как выдающегося исследователя, талантливого организатора научно-исследовательской и издательской деятельности, как высоко эрудированного, принципиального и доброжелательного коллегу, на совет и консультацию которого мы всегда можем рассчитывать.

Крепкого здоровья и творческого долголетия Вам, дорогой Александр Миронович!

*Дирекция, коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН.
Члены редколлегии и сотрудники редакции журнала
«Проблемы Дальнего Востока».*

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6,0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Для печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Для интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы. Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 20.04.2003 г. Подписано к печати 16.05.2003 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{16}$
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отт. 15,1 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 953 экз. Зак. 7269

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2003 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с ИДВ РАН и Ассоциацией китаеведов РАН 23-25 сентября 2003 г. проводят XIV Международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Особое внимание организаторы конференции предполагают уделить теме:

"КИТАЙ: ШАНСЫ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ".

На конференции будут работать секции:

"XVI съезд КПК: новая парадигма политики и социальных отношений в Китае. (руководители секции д.ю.н. Л.М.Гудошников и д.и.н. Н.А.Мамаева).

- История и историография Китая, традиции и современность" (руководители А.М. Григорьев и д.и.н. Л.С.Переломов).
- "Углубление экономических реформ в Китае и их социально-политические последствия" (руководители секции д.э.н. В.В. Михеев и д.э.н. Э.П. Пивоварова).
- "Глобализация и проблемы отношений Китая с Россией, США, Японией, Индией и другими странами" (руководители секции д.и.н. Б.Т. Кулик, д.и.н. А.Г. Яковлев).
- "Проблемы и перспективы межцивилизационных связей Китая с другими странами в условиях глобализации" (руководители секции д.филос.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. С.А.Торопцев и д.и.н. А.В.Ломанов).

В период работы конференции планируется провести "круглый стол" по теме "Глобализация и китайский фактор в мировой экономике".

На конференцию приглашены ведущие китаеведы России, стран СНГ, ученые из КНР, Кореи, Японии, США и европейских стран. Приглашаем также и Вас принять участие в конференции. Просим сообщить о Вашем согласии и тему доклада в Оргкомитет до 1 мая 2003 года.

Тезисы докладов (объем до 8000 символов с пробелами в формате RTF, указать в правом верхнем углу Ф.И.О., место работы и ученую степень автора, сноски должны следовать после текста, просьба не отягощать тезисы большим количеством сносок) следует направлять по адресу: 117997, Москва, Нахимовский пр., 32, ИДВ РАН, а также по электронной почте rochagina@ifes-gas.ru с пометкой "Оргкомитет". Тезисы будут опубликованы только в том случае, если они полностью соответствуют вышеуказанным требованиям оформления и присланы в Оргкомитет не позднее 1 мая 2003 г.

Председателем Оргкомитета конференции является зам. директора ИДВ РАН, Асланов Рустам Мамедович (тел. 124-01-29), Ученым секретарем Научного совета и Оргкомитета - Почагина Ольга Валерьевна (тел. 124-03-02). Конференция состоится в помещении ИДВ РАН.